

1824

МНЕМОВИНА

Москва.

Мнемозина Ч. I.

Старики.

Чему смѣешься ты? — твое изображеніе

МНѢМОЗИНА,

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ВЪ СТИХАХЪ И ПРОЗѢ.

Издаваемая

Кн. В. Одоевскимъ и В. Кюхельбекеромъ.

—————

ЧАСТЬ I.

—————

МОСКВА.

Въ Типографіи Императорскаго Московскаго
Театра, 1824 года.

У Содержателя А. Похорскаго.

ПЕЧАТАТЬ ИЗОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи до выпуска въ публику, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библиотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. 1824 года Января 17 дня, книгу сію разсматривалъ Ординарный Профессоръ Коллежскій Совѣтникъ и Кавалеръ

Михаилъ Катеновскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
I. Спарики или островъ Панхай (Кн. В. Одоевскаго)	1.
II. Извлеченіе изъ Записокъ Генераль- Маіора Д. В. Давыдова	15.
III. Давидъ А. Г.	24.
IV. Отрывки изъ Комедіи: Аристофанъ (Князя Шаховскаго)	26.
V. Къ Графу Чернышеву въ деревню (Князя Вяземскаго)	47.
VI. Къ Богу (В. Кюхельбекера)	51.
VII. Святополкъ Окаянный (В. Кюхельбе- кера)	53.
VIII. Отрывокъ изъ Путешествія по Гер- маніи (В. Кюхельбекера)	61.
IX. Эпиграммы (Кн. В.скаго)	110.
X. Елегія (Н. Павлова)	111.
XI. Ручей Улькушь С. Н.	112.
XII. Конналъ и Гальвина (В. Вердеревскаго)	116.
XIII. Адо (В. Кюхельбекера)	119.
XIV. Отрывокъ изъ Поемы: Искусство лю- бить (Вас. Головина)	168.
XV. Къ * * * при посвященіи Трагедіи: Ма- рїя Стуарпъ (Н. Павлова)	171.
XVI. Извлеченіе изъ письма къ Е. А. Эду	172.
XVII. Листки, вырванные изъ Парнасскихъ Вѣдомостей (— двск.)	177.
XVIII. Многомѣры изъ Жанъ-Поля Рихтера	182.

Имена Особь, благоволившихъ подписаться на Мнемозину, будутъ напечатаны въ концѣ послѣдней части.

Также будутъ въ оной исправлены всѣ Типографическія погрѣшности, могущія случиться въ семь изданіи.

I.

СТАРИКИ или ОСТРОВЪ ПАНХАИ (*).

(Дневникъ Ариста (**)).

Какъ памятно мнѣ время моего перехода изъ юности въ возрастъ зрѣлый, время сего перехода, когда человекъ, внезапно пораженный опытносцію, — рѣшается оставить ту простосердечную доверчивость, которая составляетъ блаженство младенца, рѣшается и — еще жалѣеть о ней, любить ее!

Прежде еще сего перехода я помню — одна мечта, какъ игрушка, занимала меня: съ величайшимъ благоговѣніемъ взиравъ я на старость. Божеспвеннымъ казался мнѣ сей возрастъ, въ которомъ, мнилъ я, укрощаются буйныя, поспыдныя спрасши; умол-

(*) См. приложенную при семъ картинку.

(**) Можетъ быть, нѣкоторымъ изъ моихъ читателей и знакомъ уже Аристъ. Но чтобы избавитъ отъ всякихъ припязаній, я почитаю нужнымъ и здѣсь сказать слѣдующее: само собою разумѣется, что мысли Ари-

кающъ мѣлкя, суешныя желанія, — ничтожными становящяся препоны, задерживающія человека на пути къ высокой мѣшѣ его — совершенствованію! На покрытомъ морщинами челѣ спарца — я чинялъ сладкое чувствованіе успалаго пухника, близкаго желанной цѣли и уже готоваго въ прахъ сбросить и запыленную одѣжду и ношу, къ которой, не смотря на тягость, привыкли плеча его; каждый спарець казался мнѣ счастливецемъ, покорившимъ силу брѣнія — силою духа; — и до того даже доходила моя слѣпота въ семь случаевъ, что тошъ пріобрѣталь право на мое нелицемѣрное почтеніе, кто былъ меня хотя нѣсколькими годами спарѣе. Еслибъ тогда спаршій меня, сказалъ: *я мудрѣйшій изъ смертныхъ*, я бы и не повѣрилъ ему — но

ста не суть собственныя мои мысли. Мнѣ хотѣлось изобразить въ Аристѣ человека, пламенно привязаннаго къ своимъ собственнымъ мнѣніямъ, и съ горестію смѣющагося надъ людскими, по его мыслямъ, заблужденіями, — словомъ, Демокрипа въ нашихъ нравахъ. Мнѣ показалось, что можетъ быть любопытнымъ образъ сужденія съ точки зрѣнія человека, каковымъ представляю себѣ Ариста.

не смѣлъ бы прошивурѣчитьъ: онъ *опытнѣе* меня, сказалъ бы я самому себѣ!

Теперь же вы знаете меня, друзья! — суешная наружность не ослѣпляетъ глазъ моихъ! Грозный взоръ вельможи, попрысающій всю нервную систему пвари, имъ созданной — производишь во мнѣ лишь улыбку, споль не рѣдко бывающую на устахъ моихъ: я привыкъ, дерзоспной рукою срывая личину съ спѣсивой знапности — находить отсутствіе всѣхъ достоинствъ, а подъ мишурою пышныхъ словъ — вялое слабоуміе. Но чувство благоговѣнія къ спароспи до сихъ поръ еще сохранилося въ душѣ моей, сполько съ спюю разницею, что прежде всякой спарець казался мнѣ сущеспвомъ совершеннымъ; теперь же и въ спарцахъ я смѣю открывать недоспашки. Но спакковыя опкрыпія всегда были спягоспны моему сердцу: онъ, разочаровывая меня, возмущали душу мою; въ семъ сполько случаѣ, я не могъ смѣяться. Нѣсколько же дней пому назадъ, произошла со мною большая переиѣна и въ семъ опнощеніи, и вопъ какимъ образомъ:

Прижавшись къ углу въ моемъ кабинетѣ, съ Діодоромъ Сицилійскимъ въ одной рукѣ и съ Греческимъ Словаремъ въ другой, я пушешествовалъ по Аравіи, по цвѣтущему острову Панхай, наслаждался вид-

домъ колесницы Урановой (*) и стоящаго на оной храма.

Воды, омывавшія сей храмъ, названныя *водами солнца*, имѣли, какъ говорятъ, даръ чудный: испившій опъ нихъ молодѣль постепенно и, дошедши до возраста юноши, содѣлывался безсмертнымъ; но горе тому, который хопѣль въ одно мгновение сдѣлался юнымъ! Желаніе его исполнялось, — но безразсудный продолжалъ молодѣть безпресанно и умиралъ, пришедши въ состояніе однодневнаго младенца.

На свѣчѣ моей нагорѣло, глаза упродились опъ долгаго чпенія, голова опяжалла опъ Греческихъ Аорисповъ; сумракъ, успалось, баснословное сказаніе, мною чипанное, — все епо вмѣстѣ погрузило меня въ по сладостное состояніе, которое извѣсно всякому знакомому съ умспвенными напряженіями, въ по состояніе, когда мы еще не можемъ опдать себѣ опчета въ новыхъ впечатлѣніяхъ, нами полученныхъ, когда родившіяся опъ нихъ бѣглыя, разнородныя мысли роятся въ головѣ нашей и мѣшаются съ чуждыми, часто безобразными призраками.

(*) Такъ называлось на баснословномъ островѣ Панхай мѣсто, гдѣ находился храмъ, посвященный Юпитеру Триффилійскому.

Въ такомъ состояніи былъ я: не знаю спалъ ли, или нѣтъ, — но слушайте, друзья мои, что нарисовало предо мною причудливое воображеніе:

Взору моему представился храмъ Гемееи, осыенный пальмовыми деревьями, — мнѣ слышалось журчаніе *водъ солнца*, тихій зефиръ, вѣчно-вѣющій надъ сими водами, касался лица моего. Берега сихъ водъ были покрыты толпами людей обоого пола, всѣхъ народовъ и состояній; но ни одного спарца не было видно въ сихъ толпахъ: вездѣ были — *дѣти*.

Приближаюсь, всматриваюсь, — и какое удивленіе меня поразило, когда я увидѣлъ, что всѣ тѣ, которые мнѣ казались издали младенцами — были ими только по плѣсней немощи и по своимъ занятіямъ; лице измѣняло имъ: почти у всѣхъ оно было изрыто морщинами; впалые, ссузившіеся глаза, беззубой ротъ, трясуціяся колѣна и другія принадлежности глубокой спарости, спорили съ младенческимъ ростомъ и ребяческимъ выраженіемъ. Не лзя описать, какое сильное отвращеніе производилъ видъ сихъ *старцевъ-младенцевъ*! Я содрогнулся, хотѣлъ бѣжать, но невидимая рука оспановила меня и невидимый голосъ говорилъ мнѣ: „Наблюдай! Здѣсь видишь ты свѣтъ и людей живущихъ въ немъ, въ истинномъ ихъ видѣ. Тотъ свѣтъ, въ которомъ ты

обитаешь, есть мечшательный, и всѣ дѣйствія, здѣсь происходящія, кажутся *таиб* совсѣмъ иными!“

Я послушался и, скрѣпя сердце, продолжалъ прошираться сквозь толпу младенцевъ. О! сколько штукъ знакомыхъ моихъ я увидѣлъ и какъ спранны были ихъ занятія!

Многіе изъ младенцевъ подходили другъ къ другу; одинъ изъ нихъ съ величайшею важностію вынималъ мишурный мячикъ и кидалъ къ своему поварищу; поварищъ съ такою же важностію отвѣчалъ ему пѣмъ же мячикомъ; — перекинувши его нѣсколько разъ такимъ образомъ, младенцы, не теряя своей важности, расходились!

„Что это за игра такая?“ спросилъ я. Она называется, отвѣчалъ мнѣ невидимый голосъ: *свѣтскими разговорами*. Эта игра весьма скучна, какъ ты видишь, но любимая у младенцевъ. Есть многіе изъ нихъ, которые до самой смерти безпрестанно занимаются ею и ни чѣмъ болѣе.

Къ дереву, возлѣ котораго я стоялъ, была прислонена тоненькая жердочка; многіе изъ младенцевъ старались взобраться по ней на дерево; чего не дѣлали они для достиженія своей цѣли! и низко сгибали спину, и ползли, и то хватались за младенцевъ, окружавшихъ дерево, то оппалкивали ихъ; спранно было то только,

что, когда кто поднимался нѣсколько выше другаго по жердочкѣ, то младенцы спарались того назадъ опдергивать, а между шѣмъ рукоплескали и кланялись ему; упавшаго же гнали и били немилосердо. Я замѣшилъ, что предметъ, привлекавшій болѣе всего младенцевъ къ етому дереву, были прекрасныя плоды на немъ висѣвшіе. Младенцы съ низу не замѣчали, что эти плоды были прекрасны только издали, но въ самомъ дѣлѣ были гнилы. „И ето игра, сказала мнѣ голосъ; она называется *потестями безъ заслуги*.“

Весьма жалко мнѣ было смотрѣть на нѣкоторыхъ юношей, которыхъ старики младенцы приводили къ дереву и показывая имъ плоды, на немъ росшіе, — съ важностію говорили, что ето плоды чрезвычайно вкусны и должны быть цѣлію жизни человѣческой, -- что единственное средство для достиженія оной, есть искусное перекидываніе мишурнаго мячика. Тщешно злополучныя юноши обращали взоры къ чему-то высшему, непонятному для стариковъ-младенцевъ; упрямые спарики, не давая имъ отдыха, заставляли перекидывать мячикъ.

„Не жалѣй! сказала мнѣ голосъ, ето также игра, называемая *свѣтскимъ воспитаніемъ*. Старики-младенцы, правда, соблазнятъ многихъ юношей, но не оспрацо-

вяпть истинно презирающихъ епу ничтожную игру. Посмотри сюда, и ты увидишь подтвержденіе словъ моихъ.“

Я обратился, увидѣль.... О! какъ мнѣ выразишь словами то, что увидѣль я? — Небеснымъ огнемъ пламенѣли ихъ очи; ихъ не шуманило ничтожное земное; душевная дѣятельность пылала во всѣхъ черпахъ, во всѣхъ движеніяхъ; они презирали шумный, суешный крикъ младенцевъ, — ихъ взоры быстро стремились къ *возвышенности*.

„Кто сіи недовѣдомые?“ воскликнулъ я отъ избытка сердца.

Епо *безсмертные!* — отвѣчалъ голосъ. Старики - младенцы не замѣчаютъ, что симъ безсмертнымъ юношамъ они обязаны почти существованіемъ, что сіи юноши, спремясь къ возвышенной цѣли своей, *милосходомъ*, съ отеческою нѣжностію разливаютъ на нихъ дары свои; неблагодарные не понимаютъ ни дѣйствій, ни цѣли безсмертныхъ: одни смѣются надъ ними, другіе презираютъ, иные не обращаютъ вниманія, большая часть даже не знаетъ о существованіи сихъ юношей. Но вращаясь вѣки, быстрые круго-вороты времени поглощаютъ въ безднѣ забвенія ничтожную толпу *стариковъ-младенцевъ*, и живутъ *безсмертные* — живутъ и нѣтъ предѣла ихъ возвышенной жизни!

Кружокъ стариковъ - младенцевъ привлекъ мое вниманіе. Всѣ, составлявшіе оный, сидѣли наморщивъ брови, и съ важностію, щцательо складывали песчинку къ песчинкѣ; имъ хопѣлось такимъ образомъ соорудить зданіе, подобное храму Геміопет. „У васъ нѣтъ основанія, сказалъ улыбаяся одинъ изъ бессмертныхъ юношей, — у васъ даже нѣтъ связи, которая бы могла соединить ваши песчинки.“

Младенцы, презрительно посмотрѣли на юношу — и спѣсиво указали ему на десять кое-какъ сложенныхъ песчинокъ, какъ бы говоря: вопъ гдѣ истинная мудрость!

„Тщелно! сказалъ мнѣ голосъ; опъ епой игры ихъ не опучишь; она называется: *опытными знаніями!*

Возлѣ сего кружка, нѣсколько стариковъ-младенцевъ, еще болѣе угрюмыхъ, — размѣривали землю для построенія того же зданія; но ни какъ у нихъ дѣло не ладилось: только что беспрестанно ссорились и бранились! — и не мудроно! у всѣхъ были разномѣрные аршины!

„Мѣрайте однимъ и тѣмъ же аршиномъ!“ сказалъ бессмертный юноша. — Мой лучший! мой лучший! закричали они всѣ вмѣстѣ.

Епи старики-младенцы думаютъ, сказаль голосъ, что они нѣсколькими степенями выше младенцевъ, складывающихъ песчинки; но въ самомъ дѣлѣ также въ *игрушки играютъ*, лишь съ пою разницею, что еша игра имѣеть другое названіе; она называется: *офранцуженными теоріями*.

Возлѣ меня нѣсколько спариковъ-младенцевъ играли въ игру весьма странную: одинъ изъ нихъ завязываль себѣ глаза, приходилъ въ мѣсто совершенно ему незнакомое и приказываль нѣкопорымъ юношамъ идти по дорогѣ, копорую онъ, не видя, имъ указываль. Бѣдные юноши, спешылись безпрестанно, слѣдуя въ точности руководству его; но упрямый спарикъ увѣряль, что юноши спешыкаются опъ не совершеннаго исполненія его наставленій, и ежеминутно швердилъ о своей *опытности*.

„Еша игра въ большемъ употребленіи у *стариковъ - младенцевъ*, сказаль мнѣ голосъ; она истинное поржество для ихъ слабумія — и называется: *искусствомъ подавать совѣты*.“

Удаленный опъ всѣхъ подѣ шѣнію мирноваго кусточка, сидѣль одинъ изъ *стариковъ-младенцевъ*; онъ подзываль каждаго проходящаго и съ глупою радостію показываль свою работу, но никто не обра-

щаль на нее вниманія; по етому и по розовому плапочку я пошчасъ узналъ моего друга Ахалкина; подхожу — и что же? Онъ вырѣзывалъ солдашиковъ изъ листочковъ розы, и мнилъ такою арміею въ прахъ разразить своего грознаго Аристарха! Повѣлялъ легкой вѣшерокъ, — исчезли шруды Ахалкина; только на лицѣ его осмалось ни къмъ не замѣченное выраженіе, которое не знаю, какъ назвашь — улыбкою или плачемъ, лишь знаю, что оно было — опшрашительное!

Какъ исчислишь мнѣ всѣ суетныя занятія стариковъ-младенцевъ, какъ исчислишь — неисчислимое? Одни пускали мыльные пузыри и увѣряли, что для сего пошребны величайшія усилія и умъ высокій; другіе вили въ кудри сѣдые волосы и восхищались своею безобразною красошою; шрешіе прозябали въ бездѣйствіи, но у всѣхъ на языкѣ вертѣлася *опытность!*

Не знаю, долго ли продолжалось мое видѣніе, но когда оно исчезло, я сдѣлался гораздо спокойнѣе.

Теперь, слышу ли я старика, порицающаго ученость, поштому что самъ не имѣетъ ее, порицающаго всякую новизну за то, что она новизна; — вижу ли старика, которой хочеть обмануть время не пріобрѣшеніемъ познаній, но подкрашенными волосами — ихъ

невѣжество и слабоуміе не возмущаютъ меня болѣе; я вспоминаю о моемъ видѣніи и спокойно говорю себѣ: „это старикѣ-младенцеѣ!“

Увы! я уже вижу поднимающуюся грозно-смѣшную толпу стариковѣ-младенцевѣ; они обвиняютъ меня даже за то, что мнѣ могло предсавишься такое видѣніе. Но вы, юные друзья мои, скажите мнѣ: не погда ли только долгая жизнь можетъ содѣлать человека *опытнымъ*, когда каждый день оной—есть новый рядъ умствованій;—гдѣ же опытность стариковѣ-младенцевѣ, которою они столько хваляпся, когда бездѣйственность, или ничтожныя занятія попустили въ ихъ головахъ и послѣднюю искру размышленія?

Зевсѣ посылаетъ намъ сны, говорили древніе. Мое видѣніе—не должно возбудишь непочтеніе къ старости, но напрошивъ еще большее произвешъ благоговѣніе къ старцамъ, въ истинномъ, высокомъ значеніи сего слова.

Друзья! улыбку старикамъ-младенцамъ и на колѣна предъ свѣто-юными старцами!

О д в с к .

1 8 2 5 .

mmmmmmmmmm

II.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ

Генераль - Маіора Д. В. Давыдова.

Компанія 1808 года.

Финляндія.

Война въ Финляндіи во время самаго пылу своего не обратила на себя взоровъ ни гражданъ, ни военныхъ людей. Не до шого было общему любопытству, упомянутому огромнѣйшими событіями въ Моравіи и въ Восточной Пруссіи; оно не въ силахъ было заниматься войною, въ коей число сражавшихся едва ли доходило до числа убитыхъ и раненныхъ въ одномъ изъ сраженій предшествовающихъ компаній. Къ тому же первая эпоха сей войны ничѣмъ другимъ не была ознаменована, какъ вооруженною прогулкою войскъ нашихъ почти до границы Лапландіи и покореніемъ первоклассной крѣпости, слабыми канонадами и наскоками прехъ сошень козаковъ. Надо согласиться, что сред-

ства, доставившія намъ такіяважныя приобрышенія, мало имѣли и права на общее вниманіе. За то увѣренность въ незапруднипельномъ завоеваніи края сего такъ усилилась, что когда сосредоточенный непріатель напалъ на разбросанныя по клокамъ войска наши, когда вспыхнула война народная, когда подвозы съ пищею и съ зарядами прекрапились опть набѣговъ жителей, когда пожары разлились по неизмѣримому пространству лѣсовъ, сквозь копорые надлежало намъ пробиваться, когда каждый шагъ впередъ и назадъ пребовалъ всеминутныхъ пожертвованій жизни: тогда мирные соотечественники наши не хотѣли вѣришь слухамъ, до нихъ доходившимъ, и, въ заблужденіи своемъ, приглашали насъ письмами на веселіе сподлицы и семейственныя удовольствія.

А между тѣмъ крѣвь храбрыхъ орошала тундры Финскія, запекалась на скалахъ по нихъ усѣянныхъ! между тѣмъ лучшую часть жизни мы провождали подъ инеями Сѣвера, средь океана вѣковыхъ лѣсовъ, на берегахъ озеръ пустынныхъ, гоняясь за славою, копорой не было и отголоска въ отечествѣ!

По заключеніи мира со Швеціею новыя грозы нахлынули, новыя бѣдствія, новыя торжества увлекли и участія и обѣщанія и усилія въ другую сторону, и Финляндская война, поглощаясь событіями еще огромнѣе

предшествовавшихъ, погибла въ неизвѣстности.

Я пишу не исторію, слѣдовательно не беру на себя обязанности вызывать сію войну къ безсмертію; — писатель-наѣздникъ, я и шѣмъ буду доволенъ, если записки сіи съ иныхъ сорвушь улыбку, другимъ нахмуряпъ брови, а поварищамъ моимъ напомнятъ очаровательныя минушны нашей юности, и мечты и надежды честлюбія и опасности, на кои мы бросались, и кочевья и бесѣды Оссіановскія, у пылающихъ пней подъ пасмурнымъ небомъ!

Да проспятъ мнѣ сухо-геометрическое изложеніе шапра войны — оно необходимо.

При первомъ взглядѣ на образъ Финляндіи, мы видимъ, что оный соснавленъ изъ неправильнаго *тетвероугольника*, плотно приставленнаго къ равно-бедренному *треугольнику*.

Основаніемъ первому служипъ Сѣверный берегъ Финляндскаго залива; боками: Воспочный берегъ Бопническаго залива отъ *Або* до *Вазы* и перпендикуляръ, падающій отъ *Кюпио* на *Аберфорсѣ*.

Крышею онаго: дорога, лежащая отъ *Вазы* на *Лаппо*, *Линдулакѣ* и *Койвисто* въ *Кюпио*.

Сія крыша чешвероугольника есть основаніе треугольника, ксего одинъ бокъ образуемъ продолженіемъ Воспочнаго берега Бопническаго залива опть *Вазы* до *Улеборга* и другой дорогою идущею опть *Кюпио* къ сему же городу. Непрерывная прѣсина, усыпанная скалами и осѣненная дремучимъ лѣсомъ; обширныя озера одинъ въ другія впадающія, и дороги направляющіяся въ видѣ *радіусовъ* къ малому числу *средотогій* и рѣдко гдѣ имѣющія между собою поперешныя сообщенія — соспавляютъ поверхность Финляндіи.

Тавастеустъ есть главное средоточіе дорогъ чешвероугольника; сверхъ того пунктъ сей имѣетъ сообщенія и со всѣми средоточіями треугольника, а именно: чрезъ *Лаппо* съ *Ни-Карлеби*, чрезъ *Линдулаксъ* съ *Гамле-Карлеби*, чрезъ *Койвисто* и *Кюпио* или чрезъ *Гейнолу*, *Сентъ-Михель* и *Кюпио* съ *Улеборгомъ*. Послѣдній городъ есть, такъ сказать, заспаякка всѣхъ дорогъ Финляндіи и единственное сообщеніе съ Швеціею въ лѣтнее время. Зима прибавляетъ еще два сообщенія: одно чрезъ Аландскіе острова, близъ *Або*, другое чрезъ *Кваркенской* проливъ, близъ *Вазы*.

Все пространство Финляндіи, такъ какъ и Воспочный берегъ Бопническаго залива, не имѣютъ искусственныхъ укрѣпленій. Но Сѣверный берегъ Финляндскаго залива защи-

щаемъ *Свеаборголь*, крѣпостию перваго класса, коей порпть можеть помѣспить до бо-пш линѣйныхъ кораблей; крѣпостцею *Свартгольмоль* и укрѣпленными мысами *Перкслаутоль* и *Гангоутоль*, прикрывающими приспани для гребныхъ флопиль.

Вся приморская часпть края сего весьма опличаеться опть внуспренности онаго, опносительпо благосостоянїя, опряпности, крпости нравовъ и даже просвѣщенїя жипелей. Можно сказапть, что пока ѳдешь опть *Аберфорса* до *Або* и опть *Або* до *Улеабора* — ѳдешь епце Европою: торговля, сблїжая людей, спираеть съ нпхъ кору природы и опнообразпть обычаи и оппщежиппє; но чѣмъ болѣе погружаешья въ глубину сей области, пѣмъ болѣе видишь, что нравы народа оппѣняясь мало по малу сплвающя наконепць съ суровой и мрачною его обпщелью.

Военная сила *Финляндїи* доходила до двѣнадцати птысячь войска, разбро-саннаго по всей области. Сїи войска имѣли повелѣнїе немедленно прилвапть къ опредѣленнымъ имъ пункпамъ, при первомъ извѣспїи о наспупаптельномъ нашемъ движепїи. *Тавастеуств* былъ назначень сборнымъ мѣспомъ пѣхъ, кои обппали въ Южной часпши чепвероугольника; *Ваза* и оба *Карлеби* — находившихся въ Сѣверной часпши онаго и въ Южной часпши треугольника; *Кюпю* — живущпхъ въ Саволакской провин-
Мнемозина. Часть I. 2

ціи, а *Улеборгъ*—сборнымъ мѣстомъ всѣхъ частей, собравшихся въ *Товагустъ*, въ *Куоно* и въ обѣихъ *Карлебахъ*.

Сверхъ того наиспрожайше повелѣно было Генералу Клингспору, назначенному главнокомандующимъ оныхъ войскъ, не принимать сраженія до собранія оныхъ въ *Улебургъ*.

Въ концѣ Генваря армія наша расположена была между *Фридрихсгаломъ* и *Нейшлотомъ*. Она состояла изъ шрехъ дивизій: 5-й 17-й и 21-й.

Первою командовалъ Генераль-Лейтенантъ (Николай) Тучковъ; второю: Генераль-Лейтенантъ Князь (Алексѣй) Горчаковъ, послѣднею Князь Богратионъ.

Къ онымъ дивизіямъ присоединены были при ескадрона лейбъ-казаковъ и полки: Финляндской драгунской, Гродненской гусарской и одинъ козацій (*Лоцилина*).

Все ополченіе составляло 17,400 человекъ пѣхоты и 1500 кавалеріи, слѣдовательно почти 19 тысячъ человекъ.

5-я Дивизія раздѣлена была на три отдѣленія: два, подъ личнымъ надзоромъ дивизионнаго командира, находились въ окрестностяхъ *Нейшлота*; одно отдѣленіе, подъ командою Генераль-Маіора *Булатова*, въ окрестностяхъ *Вильминитранда*.

21-я Дивизія раздѣлена была также на три отдѣленія: первое подъ командою Генераль-Маіора Миллера ; второе подъ командою Генераль-Маіора Сазонова; прешье подъ командою Генераль-Маіора Шепелева.

Дивизія сія занимала окрестности *Давыдовской крѣпости*.

17-я Дивизія занимала *Фридрихсгамъ* и раздѣлена была на два отдѣленія и авангардъ: первое подъ командою Генераль - Маіора (Павла) Тучкова , второе подъ командою Генераль-Маіора (Николая) Бороздина, авангардъ подъ командою Графа Орлова-Денисова. Дивизионный Командиръ и Главнокомандующій Генераль ошъ Инфантеріи Графъ Буксгевденъ находились при второмъ отдѣленіи.

Два эскадрона Гродненскихъ гусарь присоединены были къ 5-й дивизіи; весь же полкъ кромѣ оныхъ находился при 21-й дивизіи.

Финляндской драгунской полкъ и три эскадрона лейбъ-козаковъ при второмъ отдѣленіи 17-й дивизіи и при авангардѣ оной.

Донской полкъ раздѣленъ былъ по всѣмъ шремъ дивизіямъ.

Много было полковъ на счешъ времени, когда удобнѣе начинать дѣйствіе; нѣкоторые предлагали перейти границу немедленно, другіе совѣщовали отсрочить до весны.

Выгоды зимней компаніи состояли въ томъ, что Швеція не была еще въ готовності. Финскіе и Шведскіе полки, разсѣянные по всему пространству Финляндіи, не начинали еще собираться. Область сія лишена была пѣхъ естественныхъ преградъ, коими она, освобожденная отъ льдовъ и снѣговъ, изобилуетъ. Свеаборгская крѣпость не была ни совершенно вооружена для регулярной обороны, ни достапочно снабжена военными и сѣспными потребностями. Сверхъ того расположенная на островахъ, она доступнѣе зимою, нежели по вскрытіи водъ, пѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ острововъ требовали еще окончательной достройки; да и пѣ, кои были достроены, имѣли предметомъ защиту гавани; слѣдовательно все вооруженіе оныхъ обращено было къ морю, а не къ твердой землѣ, откуда должны были придти наши войска. Не въ лучшемъ положеніи находились и прочія укрѣпленія Сѣвернаго берега Финляндскаго залива.

Безспорно, что отсрочка до весны способствовала намъ дождаться войскъ, слѣдующихъ изъ внутри Россіи и начавъ дѣйствіе съ большими силами; что весною движеніемъ на *Улеаборгъ* мы могли опрѣзать отъ Швеціи Финскія войска, лишенные зимнихъ проходовъ чрезъ Кваркенъ и Аландъ. Но сравнились ли бы выгоды сіи съ выгодами зимней компаніи и не потеряли ли

бы онѣ значимости опть неудобствъ съ ними сопряженныхъ и ихъ превышающихъ? Во первыхъ: видя армію нашу живущею нѣсколько мѣсяцовъ на границѣ Финляндіи, Шведское Правительствво могло воспользоваться симъ временемъ, чшобы собрать Финскія войска, усилилъ ихъ своими и принялъ всѣ мѣры къ укрѣпленію важнѣйшихъ пунктовъ театра войны, какъ *Тавастгуста*, *Кюпио*, *Лаппо*, *Кайвисто* и *Улеборга*.

Обладая *Свеаборголдъ* и всѣми укрѣпленными пристанями Сѣвернаго берега, Финляндскаго залива, тогда долженствующими уже бытъ въ готовности, ему подручно было предпринимать значительныя высадки и дѣйствія во флангъ и въ тылъ нашей арміи, въ случаѣ углубленія оной въ нѣдра Финляндіи. Наконецъ вскрытіе рѣкъ и озеръ вжимало войска наши въ дороги врѣзанныя, подобно жолобамъ въ непреходимую поверхность и лишало и равнинъ и полей и прямыхъ сообщеній, словомъ того необходимаго простора для наступательной войны, копорый столь неудобенъ для предположений и расчетовъ войскамъ, оборонительно дѣйствующимъ.

Правительствво весьма благоразумно предпочло зимнію кампанію весенней.

Въ слѣдствіе чего дивизіи Горчакова назначено были дѣйствовать на *Свеаборгъ*; дивизіи Богратиона на *Тавастгустъ*, дивизіи Тучкова чрезъ *Кюпио* на *Вазу*.

Сей планъ, гибельный во всякомъ другомъ случаѣ, не подвергалъ насъ ни малѣйшей опасности по причинѣ разсѣянiя противныхъ войскъ на чрезмѣрномъ пространствѣ и по невозможности въ коей находились онѣ предпринять что либо совокупное и рѣшительное; онъ заключалъ въ себѣ нѣкоторую даже пользу: чрезъ появленiе наше вездѣ и повсюду, мы могли изумить жишелей, показаться сильнѣе нежели были дѣйствительно; чрезъ поукропиль гоповность ихъ къ подъяшiю противъ насъ оружія. Ешо было хорошо; но къ симъ политическимъ видамъ для чего было не присовокупить и военные? Соображая опдаленность Тучкова опъ *Вазы* съ близкимъ разстоянiемъ дивизіи Горчакова и Богратиона съ *Свеаборголь* и *Тавастгустоль*, что мѣшало начать движенiе правымъ флангомъ усшупами къ лѣвому, такъ чтобы 5-я дивизія была по крайней мѣрѣ на высотѣ *Койвиста* во время перехода за границу послѣднихъ двухъ дивизій? Безъ сей предупредительной мѣры предпріятiе Тучкова ни къ чему не служило, ибо выходъ непріятеля въ Швецію чрезъ *Кваркенъ* и *Улеборгъ* оспавался свободнымъ; сдѣлали иначе:

Первое опдѣленiе перешло границу при *Страмфорсѣ* и вступило въ *Хордолъ*.

10-я Дивизія Богратиона перешла границу въ *Ротцалъ* и заняла *Нюби* и *Елиму*. Генераль Мухановъ, съ 1800 человекъ пѣхо-

III.

ДАВИДЪ.

Не славеи въ брашїяхъ измлада.
 Юнѣйшїй у отца я былъ,
 Пастухъ родительскаго стада;
 И се! внезапно Богу силъ
 Органъ мой создали руки,
 Псалмырь устроили персты.
 О! кто до горней высоты
 Ко Господу воскрилишь звуки!
 Услышалъ Самъ Господь Творецъ!
 Шлепъ Ангела: и свѣплоглазныи
 Съ высотъ лепишь на доли злчны;
 Взялъ опъ родительскихъ овецъ;
 Елеемъ благости небесной
 Меня помазалъ. — Чпожь сіи
 Велики братїи мои?
 Кичливы крѣпостью пѣлесной!
 Но въ нихъ Духъ Божїй, Бога силъ,
 Господень Духъ не препочилъ!

Иноплеменнику не съ ними,
Далече страхъ я опжена,
Во срѣпенье изшелъ: меня
Онъ проклялъ идолами своими;
Но я мечемъ надъ нимъ възигралъ,
Сразилъ его и обезглавилъ
И спыдъ опечества опъялъ,
Сыновъ Израеля прославилъ!

А. Г.

Три дѣвы, во время отищенія чашѣ.

О Вакхъ! внемли моленья наши
 Во изволеніи благомъ,
 И обнови златыя чаши
 На утро радостнымъ виномъ!

Верховный жрецъ, по совершеніи обряда.

Отъ устъ нелжевішнихъ, отъ чистаго сердца,
 въ черпогъ наднебесный
 Къ Семелѣ и Вакху и къ вѣчнымъ богамъ
 Моленья восходящъ, какъ жершвъ еи-
 міамъ;
 И чашъ къ обновленю даръ Вакха чудесный
 До свѣтлаго утра наполнишъ ихъ самъ.

Х о р ъ.

Внемлетъ Вакхъ моленья наши
 Въ изволеніи благомъ,
 Обновитъ златыя чаши
 Къ утру радостнымъ виномъ!

(Верховный жрецъ, во время сего хора уноситъ чаши; прочіе жрецы и юноши въ большомъ порядкѣ вносятъ въ храмъ дары и утвари).

Стротоклъ и Архонтъ, войдя на помостъ.

Ленейскій первый день сверша вечерней жершвой,
 Аѣняне, въ дома идите на покой,

И помните, что Вакхъ обязанностью первой
Поставилъ, не смущать празднествъ его враждой;

Что въ честь ему, Афинамъ нашимъ къ славъ,

Мы цѣлой Греціи даемъ трехдневный пиръ!

Имъ каждый пользоваться въ правѣ,

И даже въ дни войны найши въ Афинахъ миръ.

Чтобъ къ часу первому священной ночи

Вакханокъ не смыкались очи,

И, радостью прогнавши сонъ,

Блестали, какъ блещишь предъ упрямъ Орионъ;

Чтобъ крикомъ, пѣснями и свѣпочей огнями

Ночь Вакхова преобразилась въ день!

Когда же солнца свѣтъ прогонишь мрака тѣнь,

Въ театръ сберитесь за спѣнами,

И памъ, къ спяжанію Ленейскаго вѣнца,

Пресвѣплымъ вдохновенный Фивомъ,

Аристофанъ, въ твореніи шушливомъ

Веселой мудростью обрадуешь сердца.

*(Идетъ; за нимъ и народъ отходя, повто-
ряетъ:)*

Х о р ь .

Внемлетъ Вакхъ моленья наши

Въ изволеніи благомъ,

Обновишь златыя чаши

Къ утру радостнымъ виномъ!

ПРАЗДНИКЪ СВѢТИЛЬНИКОВЪ.

Междудѣйствіе оканчивающее дѣйствіе первое.

ВАКХАНКИ, *вбѣгаютъ съ факелами,*
повторяя: Еввое, Еввое!

Х О Р Ъ.

Гдѣ скрылся Вромій? Еввій гдѣ?
 Въ лѣсахъ и долинахъ
 И горъ на вершинахъ
 Мы ищемъ Еввія вездѣ.
 Еввое! Еввое!

* * *

Се Вромія священный храмъ!
 Спукъ пирсовъ и бубны,
 Веселія шумны
 Услыши Вакхъ! явился намъ!
 Еввое! Еввое!

* * *

Явился Еввій! за побой
 Увѣнчаны плющемъ
 Въ весельи цвѣшущемъ
 На горы полетимъ стрѣлой:
 Еввое! Еввое!

**ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦЬ, *отворяя двери
 храма.***

Кто смѣетъ среди ночи священной
 Рукой дерзновенной
 Пресвѣплаго храма въ помость ударить?

К О Р И О Е Я.

Мы Еввія ищемъ!
 Ты насъ не отгонишь безъ Еввія прочь!

Ж Р Е Ц Ъ.

Нѣтъ Еввія съ нами! въ священную ночь
 Онъ выбралъ жилищемъ

Кольна и перси молодых Аонидъ!
 Но къмъ воспаленный,
 И ужась священный,
 И огонь Эвменидъ
 Мнѣ грудь наполняешь?
 Чей гнѣвъ обладаешь
 Душею моею?

(Извлекая ножъ и сходя съ ступеней).

Не вижу ль я съ вами
 Минія дѣшей?

Х о р ь.

Клянемся, нѣтъ съ нами
 Минія дѣшей!

К о р и н т я.

Смягчи пвой гнѣвъ! внемли моленью!
 Межь насъ дѣшей Минія нѣтъ;
 Мы всѣ причастны очищенью,
 Всѣ Еввию даемъ обѣтъ!

Х о р ь.

„Нашу дѣвственную младость
 „Играмъ Вакха посвящать,
 „И Ленейскихъ таинствъ святость
 „Въ числомъ сердцаъ сохранишь!“

В а к х а н к и.

Еввое! Еввое!

Ж р е ц ь.

Еввое громче повторяйте!
 Звучи въ шимпаны ударяйте,

Фригійской пѣсни пойте хоръ:
Васъ слышитъ Вакхъ съ Аркадскихъ горъ.

Хоръ, во время танцевъ.

Еввое! Еввое!

Огнемъ восторга сердце пышетъ,
Играетъ радостію взоръ,
Трепещетъ грудь, весельемъ дышетъ:
Насъ слышитъ Вакхъ съ Аркадскихъ горъ!
(Продолжается Дивертисманъ съ факелами).

ПРАЗДНИКЪ ЧАШЪ.

Междудѣйствіе.

*Въ концѣ втораго дѣйствія, когда Алкиноя
зававши къ себѣ Клеона, чтобъ встрѣтить
Вакховъ день, угощаетъ его, дабы тѣмъ
задержавъ его, разрѣшить заговоръ его про-
тивъ всадниковъ.*

Алкиноя.

Подруги милыя! пусть грозды и цвѣты
Замѣнятъ, и вѣнецъ добытый кровью,
И мантіи багровый цвѣтъ.

(Клеону).

Гдѣ дышетъ все весельемъ и любовью,
Тамъ почестей опличья нѣтъ!

Не правдаль!

Клеонъ.

Что за взглядъ!... Я повинуюсь волѣ
Богини Кипра и твоей.

Созія.

Рядите шума поскорѣй!

Хоръ Вакханокъ.

Виссонъ пвой багровый,
 Вѣнецъ пвой лавровый,
 Омытый въ крови,
 Здѣсь вовсе напрасень!
 Въ нихъ взоръ пвой ужасень
 Веселой любви!

* * *

Увѣнчанный плющемъ,
 Въ Клеонѣ могущемъ
 Намъ Вакха яви;
 Подъ связью цвѣшистой
 Ты радостью чистой
 Нашъ пиръ оживи!

(Снимаютъ съ него мантию и кладутъ на пьедесталъ подлѣ Созіи, который въ продолженіи времени ее уноситъ, чтобъ доставить Аристофану для представленія въ ней въ театрѣ Клеонова лица. Алкиноя подаетъ руку Клеону и ведетъ его на Естраду).

Алкиноя.

Пусть въ чашахъ золошыхъ, блистая свѣсплой пѣной
 Играетъ Вакховъ даръ;
 И пусть плѣняется Сиреной,
 Какъ мудрый Одиссей, Аѳинскій Казнодаръ!

Н а к с і я, поетъ.

Блаженъ, кто пайны божесипва
 Умѣль постичь душею чистой,
 Кто видѣль въ играхъ празднества
 Вакханокъ при лунѣ сребристой!
 Блаженъ, кто въ отдыхъ отъ труда
 Съ друзьями, въ радости взаимной,
 Изъ чаши пьеть гостеприимной
 Сокъ свѣтлый лозаго плода!

Х о р ь.

Сюда Вакханки молодья!
 Оставьте горъ верхи крутые!
 Сюда, сюда! здѣсь Еввій вашъ
 Веселье пьеть изъ полныхъ чашъ!

Н а к с і я.

Какъ радостно лешить мой взоръ
 Во слѣдъ Вакханкамъ быстроногимъ,
 Въ горахъ мелькають, мчаться съ горъ
 На смерть еленямъ лѣпорогимъ.
 Веселой пляской попчуть долъ,
 Тимпановъ звукъ, свирѣли внемлю.
 Въ честь Вакху напаяють землю
 Вино, млеко и нектаръ пчель.

Х о р ь.

Сюда Вакханки молодья!
 Оставьте горъ верхи крутые!
 Сюда, сюда! здѣсь Еввій вашъ
 Веселье пьеть изъ полныхъ чашъ!

Х о р ь, во время танцевъ.

Игры и пѣсни, и пляски и радость,
 Вакху, Семелѣ и добрымъ богамъ
 Лучше, чѣмъ страхомъ воздвигнутый храмъ.

* * *

Вромія въ славу, безпечная младость,
 Съ чашей злагою, какъ серна скачи!
 Вихремъ взвивайся! въ пимпаны звучи!

* * *

Вакхова дара чудесная сладость,
 Токомъ безпечнымъ забвенья рѣки,
 Въ сердце вливайся! по жиламъ шеки!

~~~~~

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

Клеонъ запертъ въ домъ Алкиной. Она на площади передъ домою своимъ ожидаетъ гѣмъ конгитя представленіе Всадниковъ. Прислужники Клеоновы: Теоогней, Евгалій, Ипперболъ и Хавесъ, ни видя Клеона въ театрѣ, одинъ за другимъ уходятъ изъ театра, чтобы его отыскивать по всѣмъ Аѳинамъ; приходятъ всё одинъ послѣ другаго на площадь, гдѣ, Алкиная ихъ останавливая, спрашиваетъ, что происходитъ въ театрѣ. Между сими разговорами она склоняетъ ихъ къ мысли, что Клеонъ пропалъ, и утвержда ихъ въ ней, предлагаетъ имъ :

А л к и н о я .

Когда жъ Клеона нѣтъ,
 То смѣю я подать вамъ дружескій совѣтъ.

Теоогней .

Какой?

Алкиноя.

Чтобъ времени не трапили напрасно.

Феогней.

Идемъ....

Алкиноя.

Куда?

Феогней.

Въ театръ.

Алкиноя.

Чтобы, явясь вдругъ,
Испортить все, не сдѣлавъ прежде плана?
Ахъ! для боговъ прошу забыть Аристофана,
И до него ли вамъ? Но я скажу, какъ другъ
Честныхъ людей, что вы, опасность всю измѣря,
Премудро все должны сообразить,
Чтобъ тотчасъ замыслы Никійцевъ опразить.

Хавестъ.

Сирѣчь, покуда Клеона потеря
Волнуешь Аѣины, на Никія прямо въ доносъ;
Явки же, справки, улика, и судъ и допросъ
Мигомъ спроворишь наше ужь дѣло.

Алкиноя.

Къ несчастью, доносишь могли тогда вы смѣло,
Когда Клеонъ все дѣлалъ изъ Аѣинъ;
Но если нѣтъ его....

Евгалий

Ахъ! нѣтъ.

Θεογней.

На что рѣшитесь?

Алкинол.

Волненъемъ пользуясь, въ минушу согласисься,
Чтобъ, Никію на зло, сей часъ изъ васъ одинъ
Быль выбранъ замѣнишь Клеона.

(Взглянувъ на Хавеса).

Въ законодательствѣ, все знаніе Солона.

(На Θεογнея).

Випійства, жаръ Эдипова шворца.

(На Евгалія).

Перикловъ умъ и вкрадчивость въ сердца.

(На Иппербола).

И Θεμισшоклово шерпѣнье

Вамъ порознь щедрою природою дано:

Такъ вмѣстѣ слейте все, владѣя за одно,

И выборъ вашъ рѣшите Республики спасенье.

Чѣмъ, на примѣръ, Хавесъ не Казнодаръ,

Не правда ль?

Евгалій.

Спарь.

Алкинол.

Такъ опышенъ. А ты, Евгалій?

Хавесъ.

Молодъ.

Алкинол.

И милъ. А Θεογней?...

И П П Е Р Б О Л Ъ .

Горячь.

А л к и н о я .

Но холодъ

Воинскій жаръ пушинъ.

И даже Ипперболъ....

О б о г н е й .

Смѣшинъ.

А л к и н о я .

Аэны любящъ смѣхъ.

И П П Е Р Б О Л Ъ .

Гдѣ намъ!

А л к и н о я .

А почему же?

ѡмъ Левзиклея вы, или Эвкрапа хуже?

динъ ходилъ на шоргъ подъ вьюкомъ полошпа,
ругой прославился продажею руна,

Хотя не золошаго;

о докричались же, на площадахъ крича,

по прежде одного, а послѣ и другаго

ародъ ихъ посажалъ Никійцамъ на плеча,

даже самъ Клеонъ, погибшій Казнодаромъ,

езъ вашей помощи сгибался бѣ подъ шоваромъ.

акъ почему же вамъ не замѣнить его?

Смѣлѣй: кто нынче ничего,

ошъ завтра будешь все въ пресчастливыхъ

Аэинахъ.

Сквозь шучь лешинъ орель,

А муха вязнешь въ паупинахъ.

Скажите жь, гдѣ Клеонъ орлиный взглядъ обрѣлъ?
Гдѣ крылья взялъ? Какъ смѣлъ лешапъ за облаками?

И низвергашъ Зевесовъ громъ?

Вы сдѣлали его орломъ,

Такъ мухами не будыте сами.

О Е О Г Н Е Й.

Такъ, признаюсь, безъ насъ...

А л к и н о я.

Онъ, былъ ни чѣмъ.

Е в г а л и й.

Чрезъ насъ...

А л к и н о я.

Спалъ всѣмъ.

Х а в е с ь.

И нами...

А л к и н о я.

Держался: такъ, онъ вашимъ жилъ умомъ.

Евгалій, шы молчишь; но согласиися въ шомъ,

Что часто замѣнялъ языкъ его и ухо.

Е в г а л и й.

Кто? я?

И п п е р в о л ь.

Ну жь, признавайся, шы видишь, не стало его.

Е в г а л и й.

Признаюсь, не безъ того:

Говорилъ Клеонъ пресуху,

Кой чего не понималъ,
 Такъ языкъ его и ухо
 И смягчалъ
 И извѣщалъ.

Теогней.

Онъ самъ признавался за Вакховой чашей,
 Что не разъ бы навѣрно пропалъ безъ меня.

Алкиноя.

И всѣ увѣрены, что онъ безъ дружбы вашей
 Не уцѣлялъ бы дня.
 Я шлюсь на самаго Хазеса,
 Что онъ ему помогъ
 Не даромъ обвинить богатаго Лахеза.

Хавесь.

Драхмыбъ одной безъ меня съ богача улучшить
 онъ не могъ.

Алкиноя.

А родственникъ его, и кажется недалъный,
 Ты, Инперболъ многосрадалъный,
 Что брани за него и опъ него сносишь
 За то, что такъ его любишь?

Инперболъ.

По прабабкѣ дѣда ему причисяся въ дяди,
 Не презло лже-приятно-пошворно-навѣстной подло-
 сти ради
 Я терпѣлъ за Клеона всю адскую злобу пресущихъ
 обидъ,
 Каковымъ опъ Царя Одиссея едва ли терпѣлъ и
 Версидъ.

А л к и н о л.

(Въ сторону). (Илиб).

Теперь останутся. — И что же за терпѣнье?

И П П Е Р Б О Л Ъ.

Ахъ! за чуждую брань онъ не родственно бранью
своей награждалъ.

А л к и н о я.

Такъ онъ же долженъ былъ терпѣшь и награжденье.
Но Θεогней, тебѣ....

Θ Е О Г Н Е Й.

Премного сулилъ, и премало давалъ.

Х а в е с ь.

Плашы мы мало видали; но слышали множество
лесни.

Е в г а и й.

Казнодару же дружилъ
Я почти изъ чеспи.

А л к и н о я.

(Наксiа).

А! вошь и жалобы: пора. — (Наксiа уходитъ).

Такъ это чеснь

Посулы, брань и леснь

Клеона возвышашъ давали вамъ охоту?

Вошь безкорыстные друзья!

А думала и я,

Что вы ему дружили по расчету;

Но извинительна вина моя;

Ахъ! ктобъ воображалъ въ Клеонѣ ешу скупость!
Такъ вы, несчастные, страдали за него

Почти изъ ничего!

Бывало сдѣлають неправду, или глупость,

Всѣ потчасъ обвиняють васъ:

И вопъ въ Республикѣ у насъ

Какъ правые въ винѣ и въ правыхъ виноватой.

Т Е О Г Н Е Й.

Совѣшу благому не внемлетъ гордецъ!

Х А В Е С Ъ.

Дѣло представишь — онъ чашу осушитъ, и дѣлу
конецъ.

И П П Е Р В О Л Ъ.

И вымолвишь больно, что за правду бывало мнѣ
плапой.

Е В Г А Л И Й.

Онъ воинскую казну

Трапилъ на своихъ красавицъ;

Съ намижь брань дѣлилъ одну.

Х А В Е С Ъ.

Кровью Афинской пучнилъ злыхъ пѣвицъ,

Мыжь получили всемирной укоръ.

Т Е О Г Н Е Й.

Не мыль помогали въ Лезбосскомъ безбожнѣй-
шемъ дѣлѣ?

Пришло до раздѣла: ему все богатство, а намъ
весь позоръ!

Алкиноя.

Да онъ безжалостно ограбилъ васъ въ раздѣлѣ.

Хавесъ.

Наше не будетъ грабителю въ прокъ:
Алчный погибъ, и оболы не снесъ онъ съ собой
Харону.

Феогней.

Грабитель!

Ипперболъ.

Безстыдный!

Евгалий.

Бездушный!....

Алкиноя.

Вотъ урокъ
Не одному Клеону.

~~~~~

*Послѣ сего приходитъ еще Антимахъ изъ
театра и рассказываетъ объ онолѣ; потомъ
прибѣгаетъ Созія.*

Созія.

Побѣда! побѣда!

Аристофанъ, увидя противъ.

Ай, ай!

Какая здѣсь бесѣда.

Алкиноя.

Ахъ! продолжай:

Аристофанъ....

Созія, тихо.

Да ешо предурные люди.

Алкиноя.

Гдѣ жъ онъ?

Созія.

Придетъ сюда въ вѣнцѣ и скоро.

Алкиноя.

Не шепчи,

И не щадя усердной груди,
И злымъ и добрымъ вслухъ кричи:
Аристофанъ, Афинамъ къ чести,
Ленейскій заслужилъ вѣнецъ;
Порочныхъ не спрашася месши,
Пороки въ глубинѣ сердець
Аристофанъ казнилъ позоромъ:
И не постыднымъ заговоромъ,
 Не прихотью друзей;
Но дара силою одною
Онъ славился, и Алкиною
Безмершишь славою своей.

Хавесъ.

Какъ! ты?....

Алкиноя.

Такъ, я! скрывать не спану:
Кисона, васъ, себя и все, что въ мірѣ есть

Безсмертному Аристофану

Еще готова въ жертву несть.

Ахъ! спала съ сердца сягость,
Пришворство не тѣснишь мой духъ!

И вслухъ

За ихъ свяшую благость
Могу благодарить боговъ.

Хавесь.

Дѣло и слово! открышь пребезбожнѣйшій ковъ.

Ипперволь.

Ты хопѣла, о злая Киркея!

Какъ спутниковъ бѣдныхъ Царя Одиссея,

Чародѣиною силой твоей

Такъ увидѣшь и насъ превращенныхъ....

Созія.

Въ людей

Антимахъ.

Да не могла.

Феогней.

А можешь и прелестъ и младость
Душевныхъ порывовъ тайницею быть?

Алкиноя.

Ахъ! радость

Возможно ли скрыть?

Сердца коснется, и быстро по жиламъ

Прольется огнемъ,

Вспыхнешь румянцемъ, проглянешь лучемъ

И тайна открыта; нѣтъ смертнаго силамъ

Надъ радостью воли судьбой не дано!

АНТИМАХЪ.

И кормчій усмирить не можешь въ морѣ волны,
 Да въ пристаць причесся, чпобъ не нырнушь на
 дно.

Алкиноя.

Пусть радостью моей Авины будутъ полны;
 Пусть мчицца вслухъ и другу и врагу,
 Пусть встрѣчею лепишь къ Аристофану;
 Таишь ее не спану,
 И не хочу, и не могу.
 Пусть Греки, варвары, и все, что жизнью дышетъ,
 Ея воспорги слышишь;
 Хочу, чптобы она повсюду разлилась,
 Вездѣ разпространилась,
 Росою возпарилась,
 И къ свѣшлomu Олимпу вознеслась.
 Тамъ вѣнцадатель Фивъ и боги любящъ насъ,
 Ахъ! счастью моему вы будите пакже рады,
 Оставьте ссоры, брань
 И личныя досады,
 Веселиемъ плашите дань
 Щаспливымъ вдохновенемъ Фива;
 За шупки опомцать не думайте бѣдой,
 Не ослѣпляйшеса враждой,
 Она всегда несправедлива;
 Любите всѣ супруга моего,
 Я имъ превыше мѣрь счастлива!
 Ахъ! ненавидѣть онъ не можешь ни кого:
 И еслибъ знали вы, какъ онъ любитъ умѣеть?

ФЕОГНЕЙ.

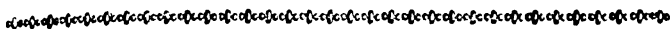
Какъ женской душею Киприда владѣешь!
 Она въ испущлемби, и слезы блистающъ въ глазахъ.

АЛКИНОЯ.

Изъ сердца ихъ брызжеть небесная радость.
Такъ, Феогней, въ моихъ слезахъ
Я нахожу такую сладость,
Какой и въ небесахъ
Безмерные всечасно не вкушаютъ,
И жителямъ земли такъ рѣдко удѣляютъ.

Князь Шахосскій

V.

КЪ ГРАФУ ЧЕРНЫШЕВУ ВЪ ДЕРЕВНЮ.

Въ твоихъ затѣливыхъ спихахъ, —
Буфлера ученикъ счастливый,
Какъ онъ насмѣшникъ часто льстивый,
Какъ онъ вѣкъ съ Музою въ ладахъ! —
Есть истина. Но ложь украдкой
Съ улыбкой пагубной и сладкой,
Умѣла приюпиться въ нихъ.
Не спорю я, когда твоей стихъ
Меня изобличаетъ въ лѣни;
Но какъ отъ правды онъ далекъ,
Когда мнѣ дѣлаешь ты пѣни
И спиавишь лѣнь мою въ порокъ!
Опомнись, Графъ, иль надо мною
Ты насмѣхаться перестань —
За лѣнь я заслужилъ — не скрою —
Признательности общей дань.
Сошлюсь на всѣхъ: весь свѣтъ свидѣтель,
Что твоей безсовѣстенъ упрекъ,
И что въ нашъ дѣятельный вѣкъ
Лѣнь — не порокъ, но — добродѣтель.
Иль можешь быть въ твоей глуши,
Гдѣ скрылся съ Музой ты и счастьемъ,
Знакомый съ тихимъ сладострастьемъ
Себя сказавшейся души

И богомъ вкуса охраненный,
 Не знаешь ты, слѣпецъ блаженный,
 Всѣхъ ушомипельныхъ проказъ
 Неупомимыхъ нашихъ браній,
 Не видишь, какъ опъ ихъ заняпій
 Спаль плодороденъ нашъ Парнасъ
 И какъ плоды его не зрѣлы.
 Не для тебя здѣсь Комикъ смѣлый
 Воюеть подъ шумомъ свистка —
 Съ благоприсойностью и вкусомъ.
 Другой опъ опытности прусомъ
 Вредитъ пайкомъ изъ далека.
 Не для тебя Журналы съ годомъ
 Родятся и кончаютъ вѣкъ,
 И Фирсъ клянется предъ народомъ,
 Что онъ великій человекъ.
 Не знаешь ты о нашихъ Одахъ,
 О сихъ торжественныхъ грѣхахъ,
 О нашихъ пучныхъ переводахъ,
 И худощавыхъ образцахъ.
 Твой взоръ не видитъ, слухъ не слышитъ
 Какъ припунившимся перомъ,
 За четырехъ нашъ Бавій пишеть,
 А мыслишь за себя съ прудомъ!
 Какъ свѣжихъ слушателей ловлей
 Клишь промыляеть каждый часъ,
 И какъ бездушныхъ книгъ торговлей
 Усердный Душинъ душишь насъ.
 Не знаешь ты подъ тихимъ кровомъ,
 Куда укрылся опъ глупцовъ,
 Какъ коренный наборщикъ словъ
 Торжественно насъ давитъ словомъ;
 Какъ знатныхъ рабъ, поргашъ похвалъ
 Толкуеть о народномъ благѣ; — —

Какъ въ пляжкомъ, не пробудномъ снѣ
 Слѣпцы толкуютъ о картинѣ,
 Прадоновъ шайка объ Расинѣ,
 Невѣжды о Карамзинѣ!
 Нѣтъ! опыта взгляни глазами
 На хлопотливый нашъ народъ,
 На разноцвѣтный епотъ сбродъ
 Трудящійся за пустяками;
 Ты посмотри, какъ всякій здѣсь
 Безъ дѣла о досугѣ пужитъ;
 И какъ Солоновъ нашихъ спѣсь
 Ничтожности ихъ маской служитъ.
 Броню шерпѣнья ты надѣнь
 И подъ дождемъ дурачествъ разныхъ
 Осмѣйся въ укоризнахъ грозныхъ,
 Мнѣ выговаривать за лѣнь.
 Я жду тебя. Но мнѣ порукой
 Дары къ тебѣ приспρασныхъ Музъ:
 Твой тонкій умъ и здравый вкусъ,
 Что скоро осажденный скукой! —
 Ты съ сожалѣньемъ и спыдомъ,
 Людскихъ проказъ усталый зритель,
 Какъ любопытный поѣшпитель,
 Что, заглянувъ къ безумнымъ въ домъ
 Смѣешься по поламъ съ поскрю
 И прочь отъ зрѣлица бѣжитъ —
 Простишься съ вѣтренной толпою,
 Которой вихрь всегда верпитъ,
 Поспѣшно отворотишь взоры
 Отъ нашихъ былей-небылицъ,
 Кляня дѣйствительные вздоры
 Несчастныхъ дѣйствующихъ лицъ.
 Тогда раскаешься въ упрекѣ,
 Прибѣгнешь къ праздности моей
Мнемозина. Часть I.

И утвердишь меня въ порокъ,
Который чудо нашихъ дней? (*)

Но гдѣхъ во мнѣ нѣтъ, Графъ, охоты,
Я оправдаться шоронлюсь :
Когда лѣнивъ я для работы,
То наслаждаюсь не лѣнюсь.
Зима къ намъ съ снѣжныхъ горъ скапшлась,
Въ вѣнцѣ блестящемъ воцарилась
На нашихъ древнихъ берегахъ,
Волшебный жезлъ въ ея рукахъ!
Она сзываетъ къ намъ веселья,
А съ ними и любимца ихъ.
Услышь мольбу друзей твоихъ!
Я вечеринки новоселья
Ужь жду, любезный Графъ, давно;
На ней прилѣжно до разсвѣта
Радъ слушать я стихи Поэта,
Радъ Оберъ-шенка пить вино.

Князь Вяземскій.

(*) Почтенный Авпоръ позволишь мнѣ замѣнить
что едва ли можно пожаловаться на излиш-
нюю дѣятельность Писателей, нашихъ
Современниковъ. В. К.

VI.

КЪ БОГУ.

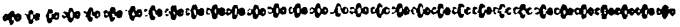
Воздвигся на мою главу
 Злодѣевъ сонмъ ожесточенный!
 Ихъ жаднымъ воплемъ оглушенный
 Къ Тебѣ, о Боже, воззову!
 Во гласъ чистыхъ пѣснопѣній
 Прославивъ въ радостяхъ Тебя!
 Тебя, прославлю средь гоненій!
 Вручаю Господу себя!
 Какой вліялся миръ чудесный
 Въ мою волнуемую грудь!
 Незапно свѣпностью небесной
 Одѣлся мой житейскій путь.
 Возспалъ Господь! Богъ мещеть громы
 На нечестивыя толпы:
 На вихряхъ яростныхъ несомый
 Грозой подъялся Царь судьбы!
 Лешають предъ нимъ его рабы,
 Лешають облачены въ перуны,
 Повишы пламенемъ и мглой:
 Одни злая движупъ спруны;
 Другіе мощною рукой
 Изъ облакъ бурью окрыленныхъ

Погибель вержущъ на надмѣнныхъ.
 Нѣтъ! не покинешъ Онъ меня!
 Исчезнешъ скорбь; промчится горе;
 Благой десницею осяня,
 Богъ зрѣтъ меня въ кипящемъ морѣ!
 Теките жъ гнѣвные валы,
 Разите хляби оповсюду:
 Вы встрѣните оппоръ скалы!
 Къ Нему взываю! твердъ пребуду!

В. Кюхельбекеръ.

• 8 2 4 •

VII.

СВЯТОПОЛКЪ ОКАЯННЫЙ (*).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Горитъ и блещетъ солнце въ полдень ясный,
 Ликуешьъ средь небесъ;
 Но близокъ вечеръ: ликъ его прекрасный
 Въ густыхъ парахъ исчезъ.

* * *

Былъ славенъ на Руси Владиміръ старый,
 Счастливый Властелинъ;
 Но Западъ дней его смущающъ свары,
 Мрачитъ мятежный сынъ!

* * *

Великій закатился средь печали:
 Восплакалъ вѣрннй полкъ;
 Бояре, Кіевъ, Вишязи взрыдали;
 Восходитъ Святополкъ. —

* * *

Тиранъ восходитъ тусклою луною
 Надъ Рускою страной;

(*) Сіе стихотвореніе было напечатано уже въ Полярной звѣздѣ на 1824 годъ, но здѣсь оно помѣщается съ большими перемѣнами и совсѣмъ въ другомъ видѣ. Изд.

На скорбный Сѣверъ полились рѣкою
Измѣна и разбой!

* * *

Погибъ Борисъ; замученъ Глѣбъ смиренный;
Князь Святославъ убитъ;
На опчель столѣ, кровью обогранный
Губитель ихъ сидитъ.

* * *

Онъ Ляхами родимый край перзаетъ;
Онъ смерть и слезы пьетъ.
Богъ за грѣхи злодѣя насылаетъ
Бичемъ на свой народъ!

* * *

На изверга возсталъ вторично мститель
Могущій Ярославъ:
„Свяшый Борисъ, будь праведныхъ хранитель!
„Нашъ трудный подвигъ правъ!

* * *

„Прости, о Боже, гнѣвную десницу,
„Какъ древле простиралъ!
„Ты ужась, стонъ, прясенье на убійцу,
„На Каина послалъ.

* * *

„Се новый Каинъ, гнусный кровопійца!
„Здѣсь имъ зарѣзанъ брашъ:
„Онъ здѣсь падеть; такъ съ неба палъ Денница
„Въ кипящій, гладный адъ!“

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Три утра день тяжелой мглой объятый
 Багровилъ небеса ;
 За мрачнымъ днемъ скрывала ночь прикраты
 Холмы, поля, лѣса.

* * *

Блеснешь звѣзда — и воюють трубы брани;
 Закапишься звѣзда —
 Враги меча не выбросятъ изъ длани ;
 Не сбросятъ съ плечь щита!

* * *

Отъ ногъ ихъ прахъ до дальнихъ тучъ подъялся;
 Спонъ воздухъ колебалъ ;
 Отъ струновъ Днѣпръ кипѣлъ и колыхался,
 Чернѣлъ отъ крови валъ.

* * *

Воздвиглись чада древняго Славена,
 Возсталъ на брата бранецъ ;
 Сошлись — не скоро свьются ихъ знамена,
 Ихъ голодень булатъ!

* * *

Родимый брегъ утесистый и хладный
 Оставя за собой,
 Плыветъ Варягъ, богатства, чеспи жадный:
 Онъ хищникъ и герой!

* * *

Для битвы днесъ любовникъ смѣлой славы
 Отъ кораблей пришекъ,

И приекозалъ на пиръ Славянъ кровавый
Злодѣи ихъ, Печенѣгъ.

* * *

За Дономъ кочевалъ въ лугахъ роскошныхъ
Свободный сынъ степей;
Но онъ забылъ неисповыхъ и мощныхъ,
Безчисленныхъ коней;

* * *

Безъ пастыря въ равнинахъ необъятныхъ
Ихъ бродящъ табуны.
Неукротимый шумомъ спрѣлъ булатныхъ
Гремилъ въ поляхъ войны.

* * *

Ярится бой надъ грозною могилой:
Ужь бьются на шѣлахъ;
Но вдругъ рванулъ, погналъ чудесной силой,
Безспрашныхъ быстрый спрахъ!

* * *

Открылся среди облакъ сонмъ блестящій,
Крылатый, дивный полкъ;
Ихъ лица жгутъ; перунъ — ихъ мечъ горящій;
Содрога Свясшополкъ.

* * *

„Побѣгнемъ!“ возопилъ: „побѣгнемъ други!
„Такъ, полонъ мой сосудъ!
„Не зрище ли? — живаго Бога слуги
„Несутся, насъ женуть!“

* * *

Тогда орелъ надъ Ярославомъ взвился;
Шатнулся Печенѣгъ;

Желѣзный Русь (*) въ ряды его врубаяся
И обрашилъ ихъ въ бѣгъ!

* *
*

Не вепрь, копьемъ на вылетъ пораженный,
Въ заглохшій кроясь боръ,
Грозитъ клыкомъ и мечетъ раскаленный
На стаю гончихъ взоръ:

* *
*

Подъ градомъ стрѣлъ въ уходъ отъ нихъ стре-
мился

Ужасный Святополкъ!

Такъ въ воздухѣ зловѣщій вранъ кружится,
Въ пустынѣ рыщетъ волкъ.

* *
*

Бѣжитъ пирань; мужъ крови, рабъ боязни
Являетъ пылъ врагамъ:
Съ нимъ на конѣ несется Ангелъ казни;
Смерть мчится по пятамъ!

* *
*

Его душа добыча всѣхъ мученій;
Въ свирѣпомъ сердцѣ адъ;
Дрожитъ, какъ листь; своей шрепещетъ пѣни:
Не взглянетъ онъ назадъ!

* *
*

Летитъ — но ужъ замолкнулъ гулъ сраженья:
Бѣгущихъ принялъ лѣсъ;
Уже злодѣй въ шуманахъ опдаленья
Изъ глазъ моихъ исчезъ!

~~~~~

*) Русь вмѣсто Варягъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Но гдѣ, на комъ мнѣ кажется спускъ dospѣховъ
Вечернюю зарю?

Опчизна горъ, земля опважныхъ Чеховъ,
Я надъ тобой парю!

* * *

Здѣсь между скалъ , среди дубравъ дремучихъ
Ждетъ путника разбой;

Здѣсь удалцевъ бездомныхъ и могучихъ
Вишаешь дерзкій рой.

* * *

Глухая ночь во глубинѣ пещерной
Объемлешь ихъ спада; (*)

Надъ пучами возносятъ сводъ безмѣрной
Огромныя врапа. (**)

* * *

Здѣсь двѣ горы: (***) ихъ шема оснѣжаетъ
Несмѣнная зима

И по себѣ имъ имя нарекаетъ;
Ихъ кроюшъ хладъ и шема.

* * *

Средь зноя песь, алчною изнуренной
Вдругъ шихъ и скорбенъ спалъ;

(*) Огромная пещера коровье стойло: Kuhstall, въ Богеміи.

(**) Бребишскія ворота, сросшіяся надъ облаками два ушеса, тамъ же.

(***) Большая и мадая зимнія горы (die Winterberge).

Вдругъ всирянулъ—зѣвъ покрылся смрадной пѣной
Запряся, побѣжалъ.

* * *

Такъ Святополкъ блуждаешь сквозь шуманы,
Дикъ, прокляшь и одинъ;
Его бичуешь спрупъ и гложущъ раны
И гоняшь межъ спремнинъ.

* * *

На камень сълъ; но мушенъ взоръ безумный:
Онъ сорвалъ свой шеломъ;
Чугунъ спучипъ, рокочешъ опзывъ шумный,
Гулишь въ долинахъ громъ.

* * *

„Сей черепъ вы примите, духи ада;
„Услышьте, васъ зову!
„Мнѣ казнь огонь его нѣмаго взгляда:
„О! прочь сію главу!

* * *

„Такъ епо ты, Борисъ неумолимый,
„Ты мученикъ молодой!
„Или ты вспалъ изъ гроба невредимый
„И не зарѣзанъ мной?

* * *

„Но шамъ — увы! въ паряхъ сѣдаго неба
„Несется Святославъ;
„О горе мнѣ! Се мертвый образъ Глѣба,
„Съ чела до ногъ кровавъ!

* * *

„Страдальцевъ сонмъ, мученій вѣчныхъ чада,
„Клеветы слышу васъ!

„Вы воеше въ врагахъ опверзшихъ ада:
 „Зовешъ, зовешъ вашъ гласъ!“

* * *

Онъ вспалъ; власы воздвиглися горою;
 Онъ бѣлъ, какъ саванъ, былъ;
 Вдругъ, обуянъ губительной мечшою,
 Онъ въ бездну соскочилъ!

* * *

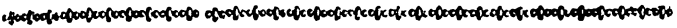
Въ ту бездну, всю окрестность оглашалъ,
 Съ разскапа на разскапъ,
 Гора пучинъ, огромная, съдая,
 Валился водопадъ.

* * *

Извергнувъ прупъ волнами сокрушенный,
 Онъ ощущаетъ гнѣвъ;
 Заклокопалъ испуганъ, раздраженный
 И упряетъ ревъ.

В. Кюхельбекеръ

VIII.

ПИСЬМО XIX.

ДРЕЗДЕНЬ

$\frac{14}{2}$ Ноября, 1820.

(Отрывокъ изъ Путешествія).

Какъ описать картину такъ ясно, что бы другой о ней получилъ точное, вѣрное понятіе? Какъ при томъ избѣжать скуку и единообразіе? — На словахъ какое нибудь главное отличіе одной картины отъ другой, не рѣдко кажется слабымъ описанкомъ, черною непримѣпною. — Глубокомысленный, пламенный юноша, съ которымъ не смѣю себя сравнивать, но на котораго бы желалъ быть похожимъ, — *Форстеръ* вспрѣшилъ почти шѣжъ трудности, когда хотѣлъ дать своимъ друзьямъ понятіе о Дюссельдорфской и другихъ галлерейхъ, — славныхъ въ тогдашнее время. Онъ разрѣшаетъ задачу слѣдующимъ образомъ: „Совершеннымъ можешь назваться всякое описаніе, говоритъ онъ, возбуждающее въ читателѣ тѣ же чувствія, которыя возбуждаетъ въ зрителѣ сама картина.“ — Передо мною Рафаель,

Корреджіо, Тиціанъ, Корраччи, Гвидо, Рубенсъ, Ван-Дейкъ: могу ли думатьъ, что мое воображеніе достигнешь до ихъ творческой фантазіи, могу ли надѣяться, что слово сравнится съ ихъ волшебною кистію?

По крайней мѣрѣ расскажу вамъ, друзья, чувства, которыя вамъ передашь не въ силахъ, пѣ чувства, которыя составляли мое наслажденіе и на время сближали меня съ геніями, Поешами живописи. — Я слишкомъ недѣлю, каждое утро былъ въ галлерей; смотрѣлъ, сравнивалъ, училъ наизусть каршины; но приступая къ ихъ описанію, долженъ просить васъ бытъ снисходительными.

Не входя въ святылище внутренней, Италіанской галлерей, я два утра провелъ въ наружной Фламандской, что бы себя совершенно успокоить и нѣкоторымъ образомъ приготоовать къ созерцанію таинствъ, къ созерцанію чудесъ небесной гесперіи. — Опличительная черта Фламандской школы, вообще прилѣжаніе и вѣрность; высшей поэзіи вы напрасно будете искать въ ея произведеніяхъ: высшею же поэзіею, идеаломъ называю соединеніе *вдохновенія* и *прелести* (*). — Рубенсъ силенъ, не лзя не

(*) Я бы желалъ здѣсь спросить Авшора: на какихъ началахъ основалъ онъ сіе умствованіе, которое въ послѣдствіи такъ смѣло примѣ-

признать въ его произведеніяхъ вдохновенія; но не имѣеть никакой прелести. — Пламенное, мрачное воображеніе Ренбранта также знакомо съ полетомъ поезіи, но въ немъ воспоргъ мушень, какъ мушны краски его; душа его не устоялась; въ ней отражается идеаль, но въ искаженномъ видѣ,

---

няеть къ художественнымъ произведеніямъ? — Позволимъ себѣ здѣсь сдѣлать довольно пространное замѣчаніе: сіе умствование, можеть быть, и справедливо, — но не полно; я не вижу въ немъ объема идеи искусства, но представленіе — одного частнаго проявленія оной. — Французы и ихъ послѣдователи научили насъ строить цѣлыя системы на началахъ, взятыхъ отъ частнаго; таковыя начала на первый разъ кажутся справедливыми (справедливыми потому, что составляютъ часть цѣлаго—идеи), но въ послѣдствіи, по причинѣ своей неполноты — необходимо влекутъ за собою противорѣчіе, неясность, сбивчивость. — И вотъ причина по чему часто остроумный, но почти всегда неосновательный Аруеть, сравнивалъ системы съ мышью, которая свободно пройдя сквозь двадцать отверстій, встрѣчаетъ еще двадцать такихъ, которыя ее пропустить никакъ не могутъ. — Подлинно подобныя, ни на чемъ неоснованныя системы достойны такого сравненія: онѣ въ Царствѣ Наукъ производятъ расколы, влекутъ за собою бесполезные споры, которые могутъ разрѣшиться тогда только, когда все увѣряется, что для

какъ будто бы въ возмущенномъ, волнуемомъ пошкѣ. — Ван-дер-Верфъ прилѣженъ, щцапелень, его изображенія милovidны; — но онъ не возвышаешя до красотъ высшаго рода, и. е. до соединенія прелести и вдохновенія. — Въ *поэзиі слова* есмь родъ приближающійся къ земной, обыкновенной

Наука и Искусствъ существуетъ почно такое же, единое общее мѣрило, — каковъ нуль для Математики, что мѣръ Изящный — созданіе челоука, основанъ на тѣхъ же единыхъ, непремѣнныхъ законахъ, по которымъ движется и мѣръ Вещественный — созданіе Всемогущаго; и что наконецъ почно также, какъ въ Физикѣ опытъ, неосвѣщенный умозрѣніемъ, можетъ веспи къ однимъ заблужденіямъ, такъ почно и въ Словесности система, взяпая опъ мысли условной — ведетъ къ сбивчивостямъ. — Много еще есть людей, которые сомнѣваются въ сихъ истинахъ; такъ на примѣръ: въ Краткомъ Начертаніи Теоріи Словесности Пр. Мерзлякова — мы читаемъ въ § 2: „Произведенія Изящныхъ Искусствъ, какъ предметъ чувствованія и вкуса, не подвержены строгимъ правиламъ и не могутъ, кажется, имѣть постоянной системы, или Науки Изящнаго. Самое понятіе о прекрасномъ — чуждо всякихъ законовъ.“ — Любопышно, что послѣ сего потчасъ слѣдуетъ: „только Кришика вкуса имѣетъ здѣсь свой голосъ, болѣе, или менѣе опредѣленный.“ — Теперь спрашивается: на чемъ же должны

жизни, къ прозѣ изображеній и чувствъ; — писатели, посвятившіе себя еному роду, бывають стихопворцами, но не Поетами; между ними есть шалапы, но нѣтъ геніевъ. — Они обыкновенно слишкомъ славны между современниками, но умирають въ печеніи вѣковъ; таковы были Боало, Попъ

основываться еша Криптика вкуса, если изящное не можешь имѣть постоянныхъ, строгихъ законовъ? — Не пора ли уже намъ отвыкнуть отъ подобныхъ умствованій, ни къ чему не ведущихъ! — Въ Путешествіи еще можешь быть позволена мысль поверхностная, сказанная мимоходомъ, — но что сказать объ учебныхъ книгахъ, сплоченныхъ изъ таковыхъ мыслей? — Такъ напримѣръ, въ одной изъ новѣйшихъ же Риторикъ, появившейся мнѣ въ руки, меня поразило начало, изъ котораго выводятся всѣ прочія правила; вотъ оно: „Подъ словомъ рѣчи вообще разумѣется всякое словесное выраженіе нашихъ мыслей и чувствованій, расположенное въ нѣкоторомъ опредѣленномъ порядкѣ и связи. Порядокъ и связь отличаютъ искусственную рѣчь отъ языка. Подъ словомъ языка въ пространномъ смыслѣ понимаютъ надобно всѣ правила рѣчи, составляющія теперь (?) три особенныя науки: Логику, или Діалектику, которая учитъ думать, рассуждать (какъ будто можно рассуждать, не думая и на оборотъ!!) и выводитъ заключеніе правильно, связно и основательно; Грамматику — — — и Ридо-

Фоншенель, Виландъ и почти всѣ предше-
 ствовавшіе сему послѣднему и жившіе въ
 его молодости Нѣмецкіе стихотворцы. —
 Есть другой разрядъ писателей, — одарен-
 ный пылкостью и дерзостью воображенія,
 но лишенный той чистоты и нѣжности,
 того чувства, которыхъ необходимы, что-

рику, которая подаетъ правила къ послѣдо-
 вательному и точному изложенію "мыслей и
 проч." — Прежде всего я бы спросилъ Г-на
 Сочинителя: откуда явилась его мысль о по-
 рядкѣ? — Изъ чего она выведена? „Wie und
 warum?“ какъ говорятъ Нѣмцы. Въ цѣломъ
 сочиненіи о томъ ни слова. Помомъ оставя
 епотъ неопредѣленный нѣкоторый опре-
 дѣленный порядокъ, я бы еще спросилъ
 Г-на Сочинителя: 1) Моженъ ли существо-
 вать порядокъ безъ связи? — Если нѣтъ, то
 для чего же сіи слова: порядокъ и связь такъ
 часто употреблены въ книгѣ? слова лишнія
 ни гдѣ не проспительны, а особливо въ
 Учебникѣ. 2) Если порядокъ и связь опли-
 чающъ искусственную рѣчь опъ языка,
 то изъ сего неминуемо должно заключить,
 что порядка и связи нѣтъ въ языкѣ. Но
 языкъ есть мысль, переходящая въ явле-
 ніе; что же значить мысль, не имѣющая ни
 порядка, ни связи? Мысль безъ мысли! —
 Gallimathias! — 3) Далѣ: опличена ли ясно
 Логика опъ Рипорики? — Поснавьте въ вы-
 шеприведенной фразѣ вмѣсто: Логики — Рипо-
 рики и на оборотъ — и смыслъ опъ того

бы украсить созданіе пворческаго генія прелесью, однимъ изъ главныхъ условій безсмертія. — Если въ стихопворцахъ, прозаикахъ слишкомъ много словъ, воды и спаранія, въ пвореніяхъ Поеповъ безъ вкуса истинный огонь почти гаснетъ въ дыму; ихъ пламя прещипъ, а не грѣетъ; сверкаетъ, а не свѣтитъ и нерѣдко вдругъ потухаетъ, потому что они не считаютъ нужнымъ писать его прилѣжаніемъ, образцами, крипкою. — Въ ихъ произведеніяхъ

не перемѣнится, ибо, что есть почное изложеніе мыслей, если не рядъ правильныхъ умозаключеній, подчиненныхъ одному высшему. Такъ зыблется основаніе — каково же должно быть цѣлое зданіе? — Здѣсь не пристрастіе, ниже какія-либо другія причины водили перомъ моимъ, — но единственно польза наукъ; потому я смѣло подписываю свое имя, подвергая себя, можетъ быть, жестокому, неумолимому Журнальному мщенію; но мое намѣреніе чисто — и я благодаренъ буду, если кто покажетъ мнѣ, что я заблуждаюсь. Счастливымъ себя почувшу, когда мое замѣчаніе заставитъ когонибудь подумать, что могутъ существовать и другія основанія для Теоріи Изящнаго, кромѣ тѣхъ, о которыхъ до нынѣ толкуется въ нашихъ краткихъ и пространныхъ Риторикахъ и Пипикахъ, коихъ сочинители какъ будто спали сномъ Епименида и проснувшись начали снова толковать о томъ, что говорили учителя ихъ учителя. *Одвск.*

есть черны разительныя; но почти никогда нѣтъ прекраснаго цѣлаго: самое безсмертіе опличнѣйшихъ между ними похоже на безсмертіе славнаго Гераклова шуловища. Природа въ своихъ разнообразныхъ явленіяхъ вездѣ одинакова; и между живописцами существующи художники епихъ двухъ родовъ; они составляютъ пакъ называемую Нидерландскую школу, копорая имѣетъ большія достоинства, но какъ мы видѣли почти никогда не возвышается до того идеала, о коемъ упоминали выше.

Первое мѣсто по общему мнѣнію и по самой строгой справедливости занимаешь между Нидерландскими живописцами славный Рубенсъ. — Смѣлость, сила, роскошь воображенія, разительное сходство и вѣрность въ порицаніяхъ, необыкновенная живость красокъ — вотъ его главные достоинства; но Граціи не посѣщали Рубенса: его женщины пучны и опвращительны; его Венеры — голыя, Голландскія мѣщанки; его боги — переодѣтые купцы, мапрозы и школьники. — Ни слова здѣсь о нѣкопорыхъ превосходныхъ лиценачерпаніяхъ работы Рубенса; ихъ должно видѣть и восхищаться ими; описаніе ихъ можешь только Ла-Брюеръ или Лафатеръ: присупимъ къ его вымысламъ. — Особенно поразили меня слѣдующіе: Геркулесъ въ сообществѣ Вакханна и Фавна; пьяный оиъ лишился своей силы, оиъ идетъ, опирался на нихъ, оиъ

шапается. — Задача трудная! Какъ представишь полубога въ униженіи, но необходимо съ печашію, съ остатками прежняго величія? — Рубенсъ не запруднился ея разрѣшеніемъ: онъ, кажется, имѣлъ въ виду въ своей картинѣ Фарнезскаго или покоящагося Геркулеса. — Но гдѣ же спокойствіе, гдѣ же тишина, истинный признакъ силы, — характеръ сего превосходнаго шворенія древности? Скажутъ: „епа тишина должна была исчезнуть въ пьяномъ Геркулесѣ;“ — и не вижу необходимости! Представь его лице веселымъ, яснымъ, смѣющимся; но къ чему разрушишь гармонию его огромныхъ размѣровъ? Исполинскіе его члены, кажется, готовы опдѣлиться опъ шѣла, шуловище обременено мускулами, но лишено енергіи. — Однимъ словомъ: по моему мнѣнію Геркулеса можно было представить въ веселомъ забвеніи опъ даровъ Вахвыхъ, но не въ скопскомъ униженіи. — Рубенсъ здѣсь изобразилъ не Геркулеса, а плошника, дикаря, или другаго мощнаго сына земли, обезсиленнаго грубымъ упоеніемъ.

Въ своей львиной охопѣ Рубенсъ рѣзкими, ужасными чертами представилъ борьбу человѣческой дерзости съ опчаяннымъ бѣшенствомъ царя звѣрей. — Напрасно спѣшишь вы на помощь къ несчастному поварищу, храбрые виязы! Конь шопъ-часъ сброситъ его, а левъ сзади съ грознымъ напряженіемъ уже держитъ его въ своихъ убій-

спивенныхъ объятіяхъ. — Вотъ смотрите: здѣсь другой уже сдѣлался жертвою другаго, гнѣвнаго льва, которому Негрь, его соопечесивенникъ, готовишь вѣрную смерть; онъ скоро ляжетъ возлѣ сего убишаго шигра. — Вся картина исполнена силы, движенія, дерзости и сжимаетъ сердце судорожнымъ препешомъ: она по мнѣ одна изъ лучшихъ Рубенсовой кисти; но можно ли назвать наслажденіемъ чувство, съ которымъ смотришь на нее? (*)

Съ удовольствіемъ перехожу отъ епихъ ужасовъ къ картищъ въ истинно древнемъ вкусѣ, которую можно бы назвать Идилліею, въ родѣ Идиллій Теокриповыхъ. — Старый Сапиръ выжимаетъ виноградный сокъ въ чашу, которую держишь другой маленькій; позади ихъ стоишь еще прешій молодой Сапиръ съ гроздіемъ въ рукѣ: лица ихъ чудесны, особенно послѣдняго, который—одушевленное лакомство; въ ногахъ у нихъ покоится шигрица съ своими маленькими. — Краски самыя живыя, смѣлость кисти совершенно достойна Рубенса:

(*) Въ одномъ изъ сочиненій въ слѣдующихъ частяхъ Мнемозины, позволимъ себѣ отвѣчать на сей любопытный, но еще не рѣшенный вопросъ. Замѣшимъ, что его разрѣшеніе можетъ быть выведено только изъ идеи безусловнаго.

онъ здѣсь превосходенъ, потому, что не имѣлъ нужды въ красивомъ идеалѣ.

Въ своей славной картинѣ, извѣстной подъ названіемъ: *Quos ego*, Рубенсъ доказалъ, что, если ему и навсегда оспалось чуждымъ прелестное, онъ могъ поспигнуть и создать нѣчто высокое. — Точно такимъ я воображалъ себѣ Нептуна, когда читалъ *Виргилія*, когда видѣлъ, какъ онъ однимъ словомъ успокоиваетъ море и укрощаетъ буйныхъ слугъ *Еоловыхъ*. — Сей гнѣвный, но въ самомъ гнѣвѣ величественный исполинъ, точно богъ, точно *Кроніонъ* пучинъ, братъ царя боговъ: его власы лешающъ, его лице въ движеніи, но спанъ спокоенъ и тихъ, будто унесъ посреди валовъ, и онъ легко скользитъ въ раковидной колесницѣ по поверхности водъ, кошорья улегаются подъ его мощными конями. — Масперскою кистию изображены выпры: неопредѣленные, мушныя краски, черны и очерки оспрыя, но въ тоже время сливающіяся съ облаками, длинныя одежды: все ено придаешь имъ что-то воздушное, непѣлесное!

Въ Дрезденской галлерей находилсѣ очеркъ Рубенсова спрашнаго суда: самая картина въ *Мюнхенѣ*. — Здѣсь-то гешій Рубенса является во всей своей огромности. — Особенно поразили меня воскресающіе: сонъ смерти опягчаетъ еще вѣжды нѣкошорыхъ, они преодолавають его съ уся-

ліемъ; другіе, вспавая опъ одра могли, дивилися Божіей славѣ; претіе кажется уже предчувствующъ судъ его. — Форстеръ, описывая Дюсельдорфскую галерею, гдѣ до перенесенія въ Мюнхенъ находилась и еша картина, справедливо замѣчаетъ, что воображенію трудно представить себѣ соединенными на одномъ холстѣ обитель смерти и воскресенія; землю, — мѣсто суда и блаженство—небо, и наконецъ адъ, жилище мученія; — и что по сему въ ешой картинѣ нѣтъ единства. Какъ бы то ни было, она не безъ большихъ красотъ въ подробностяхъ и мнѣ особенно дорога, потому что нѣкоторыя ея части живо напоминають *Сошествіе тѣней*, бессмертное произведеніе нашего Толстаго.

Кромѣ упомянутыхъ картинъ Рубенса, ихъ около двадцати въ Дрезденской галереи: онѣ не одинакаго достоинства.

Остановившись довольно долго на Рубенсѣ, я нѣкоторымъ образомъ освободилъ себя отъ необходимости подробно исчислить всѣ достоинства и недостатки его славнаго ученика Ван - Дейкъ, который соединяетъ въ своихъ не многихъ историческихъ картинахъ въ уменьшенномъ видѣ всѣ красоты и всѣ пороки своего учителя, а въ лицана-чертаніяхъ, которыя почти одни составляютъ здѣшнія его произведенія, превосходитъ Рубенса по тщательной обдѣлкѣ.

И Рембрантовой кисти здѣсь нѣсколько картинъ и полеповъ. Между его произведеніями нѣтъ ни одного вовсе безъ достоинства; но мрачныя его краски, его невѣрная рисовка, его мутное воображеніе оставляющъ по себѣ одно туманное воспоминаніе.— Впрочемъ нѣтъ правила безъ исключенія: его жертвоприношеніе Монои живо у меня передъ глазами и не скоро изгладится изъ моей памяти. Моноя съ женою на колѣнахъ передъ горящимъ костромъ: Ангелъ Господень въ бѣлой одеждѣ исчезаетъ за онымъ и къ молящимся обратился спиною. — Ростъ его выше человѣческаго; черты туманны, длинная одежда, какъ будто сливается съ дымомъ костра. — На лицѣ Моноиной жены царствуетъ тихое, шепетное благоговѣніе: руки ея сжались нѣсколько повыше колѣнъ, голова приклонилась къ груди, все положеніе тѣла показываетъ радость и потъ священный ужасъ, который наводитъ явленіе сверхъестественное. — Освѣщеніе всей картины волшебное: багровый блескъ мрачнаго пламени, какъ будто оплѣняетъ сѣжное сіяніе Ангела.

Лучшая картина Ван-дер-Верфова здѣсь: изгнаніе Агари изъ дома Авраамова: я не иначе могу объ ней вспомнить, какъ о происшествіи мною видѣнномъ. — Авраамъ проводилъ до дверей Агарь, закрывающую лице рукою; ея прекрасныя, льдныя во-

лосы распущены; она держитъ за руку маленькаго Измаила, который, оборотясь съ болѣзненнымъ чувствомъ, смотритъ на своего брата Исаака; все шло его сильно наклонено въ сторону; на лицѣ рѣзкими чертами написана та привязанность къ Исааку, которую такъ часто чувствуютъ подчиненные несчастные къ неблагоприятнымъ счастливымъ. Маленькій Исаакъ ухватился за платье отца и смотритъ на брата: примѣльнымъ образомъ любовь къ добруму, умному Измаилу, услаждавшему, можетъ быть, ихъ общія забавы своими зашѣями, своимъ воображеніемъ, борется въ молодой душѣ его съ наставленіями хитрой магери и съ очужденіемъ поселяющимся не рѣдко въ сердца дѣшей къ шѣмъ, кто переспаетъ жизнь съ ними подъ одною кровлею. — Авраамъ ласковымъ сожалѣніемъ въ послѣднія минуты распаванія желаетъ загладишь свою жестокость; но не смѣетъ обнаружитъ всѣхъ чувствъ своихъ: Сара, стоя у дверей съ едва примѣльною, коварною, самодовольною усмѣшкою, замѣчаетъ малѣйшія его движенія.

Превосходны Фламандцы въ представленіи сценъ изъ обыкновенной сельской и хозяйственной жизни. — Они создали въ эпосѣ отношенія къ живописи родъ, который можно сравнить единственно съ Идилліями въ новѣйшихъ нравахъ Фосса и

нѣкоторыхъ другихъ Нѣмецкихъ Писателей.

Какъ на примѣръ не оспановишься передъ ешою лакомою дѣвушкою! Она распворила окно; въ одной рукѣ у ней горящая свѣча, освѣщающая чуднымъ образомъ лице ея и зеленую занавѣсь; другую пропянула она за окно, чшобъ сорвать кисль спѣлаго, свѣсплаго винограда. — Далѣе, какъ шерпѣливо добрая спарушка связываетъ нитку, которая оборвалась у ней! Ей глаза нѣсколько измѣняются, у ней дрожатъ руки, ея губы сжались, ей уже не легко найши и связать концы при свѣспѣ лампы. — Еши двѣ картины Герарда Дау.

Наслаждайся своимъ превосходнымъ созданиемъ, новый Праксипель! освѣщай его нѣмъ свѣспомъ, при которомъ, можетъ бышь, въ часъ уединеннаго размышленія, въ часъ вдохновенія блеснула въ тебѣ шворческаая мысль вызвать изъ камня Венеру, соперницу вышедшей изъ пѣны морской: бѣлый мраморъ алѣеть при аломъ сіяніи свѣчи, будшо бы согрѣвается, будшо бы оживаетъ. — Галатея, кажется, пошупила глаза. Пигмаліонъ пожираетъ ее взорами. — Здѣсь ученикъ Герарда, — Шалькенъ, превзошелъ своего учителя.

Гавріилъ Метсю (Metsü) въ шрехъ различныхъ картинахъ предспавилъ почти одинъ и шощъ же предметъ, но съ какими опличительными опшѣнками! Подъ опбры-

шымъ небожъ продають и покупають съсп-
ное. — Здѣсь торгуются двѣ женщины;
одна изъ нихъ держитъ въ рукѣ зайца и къ
нему прицѣнивается. — Онѣ обѣ спокойны
и на лицахъ ихъ нѣтъ большаго движенія. —
Тутъ молодая кухарка очень бы желала
купить подешевлѣ кусокъ баранины: она
уже запрятала его въ свой коробъ; но
упрямой продавецъ, сидя прехладнокровно
на бочкѣ, и даже не глядя на нее изъ подъ
огромной шляпы, не соглашается на пред-
лагаемую цѣну; продолжаетъ курить трубку,
и кажется, ворчитъ сквозь зубы: „какъ
угодно! а я не отступлюсь отъ своего
слова!“ Нагонецъ памъ спарикъ, на чьемъ
лицѣ написаны всѣ свойства проворнаго
купца, обѣими руками приподнял живаго
пѣшуха, выхваляетъ его и, запросивъ сна-
чала непомѣрно много, вдругъ перерываетъ
пригожую хозяйку, которая, качая голо-
вою, удивляется его безстыдству и уже
хотѣла его усоеѣцевать, — предлагаетъ ей
пѣшуха по крайней цѣнѣ и кажется гово-
ритъ, что самъ остаётся въ убыткѣ. —
Всѣ при Идиллиі списаны съ природы:
дичина, куры, зелень, коробки лежатъ
передо мною въ самомъ дѣлѣ; чѣмъ болѣе
гляжу, тѣмъ болѣе забываюсь.

Къ лучшимъ изображеніямъ, выражаю-
щимъ душевныя движенія — принадлежитъ
большая картина Фердинанда Бола, извѣ-
стная подъ названіемъ Уріева письма. —

На лицѣ Царя Давида, вручающаго съ зеленого престола Урію роковое письмо, съ чудесною живосію борется безпокойство съ желаніемъ, чтобъ Урія не замѣнилъ онаго. — Пониже Цари сидитъ его Секретарь или Министръ, успремяющій глаза на обоихъ: я увѣренъ, онъ знаетъ, что такое въ письмѣ; если бы и не свидѣтельницавала знанія его споящая передъ нимъ чернилица, если бы онъ и не держалъ пера, — боязливое ожиданіе и пресшунная таинственноснть, сжимающія ронъ его и преноднимающія подбородокъ, могли бы служить доказательствомъ, что онъ былъ повѣреннымъ орудіемъ, а можетъ быть и совѣщникомъ Царя при его зломъ умыслѣ.

Квенпинъ Мессисъ, сынъ Антверпенскаго мѣщанина, одинъ изъ искуснѣйшихъ кузнецовъ своего опечеспеннаго города, влюбился въ дочь нѣкопората тамошняго живописца. — Отець рѣшительно отказалъ ему въ рукѣ ея, попому, что не хотѣлъ выдать ея ни за кого, кромѣ живописца же. Мессисъ, воспламененный любовію, промѣниваетъ молотъ на кисть, наковальню на полипру и вскорѣ превосходитъ своего песпя. — Въ Дрезденской галлерей видѣлъ я одно изъ его лучшихъ произведеній. — За споломъ сидитъ расшовщикъ: передъ нимъ раскрытая книга приходовъ и расходовъ и кучи золона; воздѣ спонитъ человекъ, который желаетъ

его убѣдишь къ чему-то. Но посмотрите на лице жреца Плуруса: онъ съ неколебимымъ мужествомъ пожимаешь плечами; ничто не въ состояніи смягчить его, ничто не можетъ его пронуть! Не подалеко дочь его поргуется съ разнощикомъ.

Въ наружной галереѣ, кромѣ историческихъ картинъ и поршретоувъ Фламандской школы, есть нѣкоторыя картины школы Нѣмецкой и новѣйшей Италіанской.

Семейство Базельскаго Бургомистра Иакова-Мейера, работы Ивана Гольбейна, можетъ назваться произведеніемъ превосходнымъ и выдержать сравненіе съ картинами лучшаго времени школъ Нидерландовъ и Италіи. По мнѣ это лучшая изъ всѣхъ мною видѣнныхъ старинныхъ Нѣмецкихъ. Мейеръ и его семья стоятъ на коленяхъ передъ Богоматерью. — Изображеніе Царицы небесной величественно, прекрасно: она въ бѣлой, сіяющей одеждѣ съ вѣнцомъ на главѣ и съ младенцемъ Спасителемъ на рукахъ; на лицѣ Ея владычествуетъ крошкая, теплая любовь къ бѣднымъ, но столь драгоценнымъ Ей земнымъ Ея братьямъ; ея лице достойно кисти того, кому кажутся Сама Божественная являлась, достойно кисти Рафаеля! (*) —

(*) Прекрасно описано у Тика (Phantasien) явленіе во снѣ Божіей Матери Рафаелю. Мы по-

Благоговѣніе преображаетъ чертѣ Мейера и жены его: они въ черной, древней Германской одеждѣ. — Рисовка ихъ спана, рукъ, платья вѣрна и щастельна, но нѣсколько жестка и боязлива. — Прелестень голый мальчикъ, который прислоняется къ молодому человѣку, сыну Мейера. — Въ одномъ только изображеніи Гольбейнъ принесть жертву своему вѣку: въ длинной, богатой бѣлой одеждѣ, — одна изъ дочерей Мейера обезображивается нѣсколько цѣлое: пѣло ея чахоточно, лице не красиво, рисовка очерка жестка и угловава.

Дрезденская Галлерей богата прелестными видами кисти Рюйсдаля, Клод-Лоррена Диприха, Бергема, Ван-дер-Нира. — Меня особенно привлекали сколки Рюйсдаля; я не могъ наглядѣться на его славную ловлю: рѣдкій лѣсъ; сквозь него проглядываетъ палевый свѣтъ упреннаго солнца и отражается въ рѣкѣ; деревья освѣщены волшебнымъ образомъ; ихъ призраки полосятъ воду, куда спасается олень опъ преслѣдующихъ его всадниковъ. — Но къ чему описывать виды, произведенія живописи: они меня очаровывали, потому что напоминали

стараясь сообщить сіе описаніе нашимъ читателямъ. *Изд.*

миѣ природу: теперь же передомною сама она божественная! — Скоро минеть осень; скоро пройдетъ зима и она въ своемъ вѣнчѣ одѣяніи приметъ меня въ свои объятія, — можетъ быть, подъ небомъ благословеннаго Прованса!

Ни слова также о славныхъ картинахъ Теньера, Вувермана, Розы-ди-Тиволи, Снейдерса, которыхъ здѣсь довольно большое число: вы, друзья, ихъ знаете, хотя и не видѣли. — Теньеръ всегда однообразный и опшрапительный, въ Дрезденѣ поэтъ же, что въ С. Петербургѣ: у него вездѣ пьяные мужики, распрепанные солдаты, полспья бабы, грубыя пляски, каршы и вино. — Вуверманъ неупомимъ въ предспавленіи дыма, пальбы, безпорядка, бѣлыхъ лошадей, желтыхъ кафпановъ и голубыхъ перевязей. — Роза-ди-Тиволи или правильнѣе Филипъ Розъ въ двадцати картинахъ предспавляетъ одно и тоже: темносиній воздухъ, коровъ и горы, горы, коровъ и темносиній воздухъ. — Снейдерсовы изображенія живописныхъ и распѣній превосходны: но видѣвши одно, можно сказать: я видѣлъ всѣ.

ПИСЬМО ХХ.

ДРЕЗДЕНЪ

6
18 Ноября.

Въ послѣдніе часы нашей бытности въ Дрезденъ, я бесѣдую съ вами, мои милые! Надѣюсь, что мнѣ удастся описать вамъ еще хотя часть внушенной галлерей: я ей принесъ большія жертвы, не успѣлъ видѣть ни славнаго зеленаго свода, гдѣ какъ у насъ въ Московской Грановитой Палатѣ хранился Царская ушварь — вѣнецъ, скипетръ, алмазы Електоровъ и Королей Саксонскихъ, ни собранія древностей, ни оружейной палаты, копорая, говоряшь, важна и занимательна. — Каждое почти упробылъ я въ галлерей, смотрѣлъ и учился; чувствую, что вліяніе картинъ на мое воображеніе было благодѣтельно: призраки и мечты, которыя являлись душѣ моей, превозжили ее, но исчезали въ шуманахъ, когда успремлялъ на нихъ взоры; эти призраки, носящя шеперь передо мною, какъ прежде, но, кажется, получили болѣе ясности, болѣе опредѣленности.

Наконецъ вижу самое себя, пружемлица, чудное созданіе Ватсоніевой киспи! я любилъ себя, восхищался побою и въ слабыхъ спискахъ и подражаніяхъ: здѣсь

шы сама передо мною! взгляните на шелкъ ея блѣдно-золотыхъ волосъ, которыя падаютъ на свѣплую шею и благоуханное лоно! Взгляните на розовые перспы, на руки, сжатыя съ чувствомъ глубокимъ, истиннымъ, прогашельнымъ, на свѣжія пурпуровыя уста, на прелестную складь (драпировку) ея голубаго одѣянія! Здѣсь чистое выраженіе раскаянія, скорби, задумчивости во всѣхъ чертахъ! Магдалина, простершись въ уединенной пещерѣ, оплакиваетъ свои заблужденія: опказываясь опъ нихъ, она переноситъ въ свое святилище то же сердце, которое было, можетъ быть, причиною ея паденія, но и въ самомъ паденіи возвышало ее надъ полпой тѣхъ, коихъ добродѣпель—одна мершвая холодность. — Опець любви ее принялъ съ милосердіемъ!

Мила, очень мила головка дѣвушки, которая сполитъ на колѣнахъ передъ умирающей Лукреціей въ картинѣ Франциска Момы. — Съ краснорѣчивымъ опчаяніемъ она смопритъ на ту, которая уже не будетъ ей сеспрою, другомъ, наспавницей; съ спраспнымъ, судорожнымъ чувствомъ она ломаетъ руки: къ такой печали и къ такой привязанности способны однѣ женщины; за то полько и имъ шакъ къ лицу горестъ! Признаюсь, ето смуглое личико съ своими живыми полуденными глазками, съ своими кашпановыми волосами, которыя прелестнымъ беспорядкомъ округляютъ всѣ ея

очерки, нѣсколько разъ удерживало меня передъ довольно посредственнымъ впрочемъ произведеніемъ.

Замѣшимъ мимоходомъ смѣлое наклоненіе шѣла Спасителя и смѣлое паденіе одежды Его въ *Вознесеніи* Бастіана Рикчи; — въ самомъ дѣлѣ здѣсь что-то сверхъестественное, парящее: и остановимся передъ изображеніемъ Афродиты и ея сына — кисти сладостнаго Гвида Рени!

ПИСЬМО XXI.

ЛЕЙПЦИГЪ

$\frac{6}{20}$ Ноября.

Остановитесь передъ картиною Гвида Рени; разсматривайте ее; а я, друзья, долженъ на время васъ оставить, долженъ попросить васъ подождать, пока мое шѣло будетъ въ Веймарѣ; тогда воображеніе досужнымъ часомъ можетъ опять перенестись съ вами въ Дрезденскую Галерею и быть вашимъ Чичероне.

Сюда, въ Лейпцигъ, приѣхали мы вчера по утру. — Прощаясь съ Госпожею фонъ-деръ-Реке, я у ней въ домѣ самымъ неожиданнымъ образомъ нашелъ родственника; онъ живописецъ: имя его Резелеръ; пламен-

ная, добрая душа; почто такимъ воображалъ я себѣ художника въ родѣ ихъ, которыхъ описываеиъ Гёте. Я былъ у него вечеромъ, а попомъ на другой день пошру: онъ ввелъ меня въ семейство свое съ шѣмъ радушіемъ, которое въ наше время, кажется, можетъ имѣть только Поешь или художникъ, неиспорченные дѣши Природы. — Все дышешъ у него въ домѣ теплою любовью къ добру и къ прекрасному: его жена и старшая дочь Аделаида соединяюиъ заботливостъ, неупомимостъ и опрятностъ добрыхъ Нѣмецкихъ хозяекъ со вкусомъ и воображеніемъ пишомицъ Аполлоповыхъ: Резелеръ самъ человекъ большой начипанности, замѣняющей ему ученостъ, — иногда тяжелую и непривѣпливую; она при его живой фантазіи не лишаешъ его простоты и свободы въ словахъ и движеніяхъ. — Его лиценачертанія и карпины имѣюиъ большое достоинство, и онъ, пользуясь въ Германіи заслуженною извѣстностію, — любимъ и почишаемъ особенно Русскими, посѣщающими Дрезденъ.

Я привезъ сюда письмо отъ Госпожи фонъ-дер-Реке къ извѣстному Нѣмецкому писателю Клодіусу; вчера я былъ у него. — Его не было дома и меня приняла его милая, прелестная супруга, Елизина воспитанница: я слишкомъ полчаса просидѣлъ съ нею глазъ на глазъ въ ея будуарѣ; положеніе для меня чрезвычайнао новое и привле-

капельное! Умный, живой разговор съ прекрасною женщиною получаешъ въ уединеніи несказанную прелесць: за чѣмъ же по сѹ пору не сижу возлѣ нее на софѣ въ сумрачномъ кабинетѣ, гдѣ все дышитъ изящнымъ, гдѣ красота, поезія, живопись, ваяніе восхищаютъ душу? — Я здѣсь въ холодномъ, пѣсномъ углу, гдѣ насъ прое и гдѣ у меня окоспенѣли пальцы! Но я сего дня ѹ ней обѣдаю!

Вчера я былъ въ здѣшнемъ театрѣ; представляли большую комедію въ пяти дѣйствіяхъ. — Она была исполнена двусмыслицъ и безсмыслицъ на счетъ Европейскихъ Государей: парперъ молчалъ и принималъ всѣ шулки автора съ большимъ равнодушіемъ. — Въ Саксоніи Король не обращаетъ вниманія на бездѣлицы, копорыя сами по себѣ никакъ не могутъ быть опасными для правителя, и только тогда получаютъ важность, когда назовешь ихъ важными. — Между актерами Лейпцигскаго театра есть нѣкоторые довольно хорошіе: лучший изъ нихъ нѣкто Шпейнъ. — Онъ въ помянутой комедіи представлялъ молодого человѣка, котораго увѣрили, что одна дѣвушка смертельно влюблена въ него и потому только не хочетъ показати своей страсти, что боится его насмѣшекъ: должно знать, что они другъ съ другомъ въ явной войнѣ колкоспей. — Молодой человѣкъ не безъ внутренней склонности къ своей пре-

лестной неприязельницѣ, желаетъ облегчить ей признаніе, употребляетъ разные способы и когда они всѣ ему не удаются, наконецъ говоритъ ей напрямикъ, что она любитъ его. — Можно вообразить ея отвѣтъ: она перерываетъ его громкимъ хохотомъ и уходитъ. — Герой не хочетъ показать своего недоумѣнія, прогуливается по комнатамъ и напѣваетъ въ полголоса пѣсенку, но вдругъ выбѣгаетъ и съ громомъ, въ копоромъ вдругъ обнаруживается вся его досада, захлопываетъ за собою дверь. **Вопъ черта масперская:** подобныя опличаютъ комическаго актера отъ низкаго шута.

Я никогда въ С. Петербургѣ такъ не мерзнулъ, какъ здѣсь! Проклятыя здѣшнія печи не грѣютъ: двойныхъ оконъ нѣтъ, а между стѣмъ на дворѣ неподобнѣйшій снѣгъ и морозъ, какого лучше не лзя желать и въ Россіи.

Лейпцигъ пригожій, свѣплый городъ: онъ кипитъ жизнію и дѣятельностію; жители опличаются особенною тонкостію, вѣжливостію въ обращеніи: я здѣсь ничего не замѣшилъ, похожаго на Провинціальныя нравы; Лейпцигъ по справедливости заслуживаетъ названіе Аѳинъ Германіи.

Въ окрестностяхъ онаго, какъ вообще въ Саксоніи, почти нѣтъ слѣдовъ минувшей войны; жители заживочны и говорятъ обо всемъ бывшемъ, какъ о спраш-

номъ сновидѣнїи: съ прудомъ могу вообразить, что здѣсь въ мирныхъ поляхъ Лейпцигскихъ за нѣсколько лѣтъ передъ симъ рѣшалась судьба человѣчества. — Счастлива земля, въ которой сила дѣятельности живитъ и поддерживаеишь гражданъ и подаеишь имъ способы изглаживаишь слѣды разрушенїя!

ПИСЬМО ХХІІ.

ВЕЙМАРЪ

$\frac{10}{32}$ Ноября.

Дорога отъ Лейпцига до Люцена — не обьяшная, необозримая равнина; но въ продолженїи всего пути мы видѣли на краю обзора башни городовъ и селенїй. — Здѣсь сражался два раза Гуславъ Адольфъ за свободу мыслей; здѣсь онъ палъ отъ руки предапеля. — Вы знаете, друзья, что герою-мученику на помъ мѣспѣ, гдѣ возвратилъ онъ душу Создапелю, земледѣльцы воздвигнули памятникъ: они прикапили шуда большой камень и обсадили его деревьями. — Мы здѣсь остановились и всѣ, — самые даже почпальоны, смотрѣли на епощъ про-

спой камень съ чувствомъ умиленія , съ благоговѣніемъ. — Здѣсь и въ наше время два раза бились народы за независимость : здѣсь Самъ Богъ наконецъ распоргнулъ ихъ оковы! Святая, незабвенная война! Раздоръ не раздѣлялъ еще гражданъ и правителей ; тогда еще во всѣхъ была одна душа , во всѣхъ билось одно сердце! — Уже ли кровь, копорая лилась въ поляхъ Лейпцигскихъ, лилась напрасно?

Отъ Люцена уже начинаюся мѣспа гориспья. — Между городками Наумбургомъ и Вейзенфельзомъ въ первой разъ въ жизни увидѣлъ я утесы и каменные горы. — Ихъ вершины покрыты шеперь снѣгомъ : прекрасныя виды Тюрингена являлись мнѣ не живописными картинами , а рисунками ; признаюсь, епо спѣснило мою душу и меня упѣшила единспвенно мысль , что мое воображеніе получаетъ точно тѣ же впечатлѣнія, копорыя шеперь въ снѣжной упесиспой Финляндіи живяшъ и пишаюшъ поезію моего Б.... Мы бѣжимъ отъ зимы, но она заспала насъ въ Дрезденѣ и будешъ нашею сопутницею до самаго Франкфурта на Майнѣ, гдѣ, говоряшъ , мы, можешъ бышъ, еще заспанемъ луга и нивы , не убѣленные холодомъ.

Мы проѣхали близъ славнаго училища Шульфорше: оно лежишъ въ уединеніи горъ и напомнило мнѣ наше Царско-сельское убѣжище ; здѣсь юноши въ обьяспяхъ ве-

личесвенной природы, въ безмолвной тишинѣ жерпвующь Музамъ и внимающь ихъ прорицаніямъ; сердца ихъ не опрравляющься дыханіемъ свѣта. — Вчера вечеромъ приѣхали мы въ Веймаръ, въ Веймаръ, гдѣ пѣкогда жили великіе: Гёте, Шиллеръ, Гердеръ, Виландъ; одинъ Гёте пережилъ друзей своихъ. — Я видѣлъ безсмерпнаго; я принесъ ему поклонъ отъ Клингера. — Гёте роспу средняго, его черные глаза живы, пламенны, исполненны вдохновенія. — Я его себѣ предспавлялъ исполиномъ даже по наружности, но ошибся. — Онъ въ разговорѣ своемъ медленъ: голосъ пихъ и приапенъ; долго я не могъ вообразипь, что передо мною гиганпъ Гёте; говоря съ нимъ объ его швореніяхъ, я однажды даже просто его назвалъ въ прешьемъ лицѣ по имени. — Гёте знаетъ нашего Толспаго изъ работъ его и любитъ въ немъ великаго художника. Казалось, ему было приапно, что Жуковскій познакомилъ Русскихъ съ нѣкоторыми его мѣлкими спихопвореніями. — О нашемъ разговорѣ не много могу сказавъ вамъ, друзья мои; я былъ у него не долго: надѣюсь, что онъ завпра нѣсколько буденъ доспупнѣе, а я смѣлѣе.

Я здѣсь также навѣспилъ Доктора де Вешпе, извѣспнаго по письму своему къ Зандовой матери. Въ де Вешпе ничего не нашель я похожаго на безпокойный духъ и

суешность Демагога. — Онъ пихъ, скромень, почши застѣчивъ; въ обращеніи и разговорѣ умѣренъ и оспорожень. Гёрреса онъ оуждаешъ во многихъ отношеніяхъ. Письмо къ де Вешне получилъ я отъ Ф. спаринаго моего знакомаго: онъ знавалъ меня еще въ Верро; — тогда мнѣ было съ небольшимъ 12 лѣтъ, и я, ученикъ уѣзднаго училища, съ большимъ почпеніемъ смотрѣлъ на Гимназіяста Ф. когда приѣзжалъ онъ изъ Дерпта къ нашему доброму воспитателю: мы съ того времени не видѣлись. — Въ Лейпцигѣ нашель я его человекомъ умнымъ, основательнымъ, ученымъ. — Такъ-то соединенные въ дѣтствѣ и молодости расходящаяся и, если встрѣчаются въ другое время и подл инымъ небомъ, даже удивляются, что могли опять встрѣпиться. — Счастливы еще шъ, копорымъ по крайней мѣрѣ удаешся увидѣться съ товарищами весны своей; но какъ часто мы разлучаемся съ нашими милыми и не узнаемъ даже, когда распаются они съ жизнію. Вотъ разительный примѣръ: спаршій братъ мой имѣлъ въ Пепровскомъ училищѣ друга; они нѣсколько лѣтъ сидѣли въ классѣ на одной лавкѣ; съ ешимъ его пришедемъ, нынѣ нашимъ Консуломъ въ Лейпцигѣ, случай свель меня въ Дрезденѣ: и онъ спрашивалъ меня о здравіи и службѣ своего бывшаго товарища, копорый уже шринадцать лѣтъ, какъ покоишся въ пескахъ Прусскихъ, гдѣ

паль предшественникомъ освободителей Европы!

ПИСЬМО XXIII.

$\frac{12}{24}$ Ноября.

Довольно долго спояли вы, друзья, передъ Афродисею Гвидо Рени: пора и мнѣ перенестись къ вамъ и раздѣлить ваше удовольствіе. — Богиня наслажденія, протерпая на роскошномъ ложѣ, облокотилась на лѣвую руку, а правою испытываетъ остріе стрѣлы, которую сынъ подаетъ ей съ коварною улыбкой. По насмѣшливой радости, которая во всѣхъ чертахъ мапери и сына, я узнаю васъ

„Киприда и Еротъ, мучители сердець!...“

но при всемъ лукавствѣ вашемъ, какъ вы прелестны, какая круглоша, какая мягкоснѣ во всемъ вашемъ пѣлѣ! Все вокругъ васъ дышитъ нѣгою и вливаетъ въ душу несказанную сладость.

Вопъ картина Пепраделла-Веккія: спаруха сражается съ своими дѣтьми. — Она луфлею замахнулась на одного, двое другихъ ее упирашиваютъ и удерживаютъ. — По комическому содержанію приближается здѣсь

делла-Веккья къ Нидерландской школѣ; но его выраженіе гораздо благороднѣе: спрачтъ, изображенный на лицѣ бѣлаго мальчика, не лишаетъ его прелести; кудравая головка его и живой взглядъ; напоминающъ намъ, что передъ нами природа полуденная; самая спаруха не карриатура, но скорѣе облагороженный идеалъ злобы и спарости.

Здѣсь я во второй разъ вижу разѣ Микелъ Анджело. — Вы помните его первую картину: мы удивлялись ей въ Берлинѣ въ Джюспіанской галлерей. Та, къ которой подходимъ теперь, безъ сомнѣнія важна для живописца, но не спанемъ въ ней искать поезіи: она изображаетъ молодого, голаго человека, руками и ногами прикованнаго къ дереву: игра напряженныхъ мышцъ, (мускуловъ); знаніе анатоміи и смѣлость въ очеркахъ должны въ этой картинѣ быть чрезвычайно поучительными для молодого художника. — Впрочемъ разцвѣченіе и обдѣлка шѣ же, каковы въ Ганимедѣ.

~~~~~

ПИСЬМО XXIV.

18
26 Ноябрь.

Молодая соперница Апеллова сидитъ передъ холстомъ и пишетъ спящаго бога любви: одежда ея вымышлена, но показы-

внешъ вкусъ и чувство красоты! Спарикъ, можетъ быть, онець и учипель ея, внимательно разсматриваетъ рисунокъ той самой картины, которую она пишетъ: она къ нему обратилась и, кажется, слушаетъ его замѣчанія. — Разцвѣченіе прелестно: характеръ, данный художникомъ Гверчино да Ченно спарикау, показываетъ, что Итальянцы иногда превосходятъ Нидерландцевъ даже въ изображеніи тѣхъ чувствъ и душевныхъ движеній, которыя я бы назвалъ семейственными, домашними; хотя они и немного занимались ими и болѣе увлекались предметами священными и героическими. — Вижу почтеннаго семьянина: на лицѣ его написаны умъ и добродушіе. — Его сѣдая борода богата; прекрасные глаза и тихое благородное лице свидѣтельствуютъ, что онъ былъ въ свое время красавцемъ; а сходство съ молодою женщиною, что она отъ крови его.

Мы подошли теперь къ произведенію великаго Корреджіо. — Четыре раза Корреджіо перемѣнялъ свое мнѣніе о томъ, что починялъ обязанностію, свойствами, достоинствами великаго художника и каждый разъ болѣе приближался къ совершенству (*).

(*) Какъ облака на небѣ,
Такъ мысли въ насъ мѣняютъ легкой образъ:

Шиллеръ предстляетъ намъ подобный примѣръ въ драматическомъ искусствѣ.

Да научимся изъ исторіи сихъ великихъ мужей: жертвовать своими любезнѣйшими правилами, привычками и мнѣніями тому, что принуждены будемъ признавать лучшимъ; не будемъ никогда проповишья своему внутреннему убѣжденію по упрямству и самолюбію, и предпочтемъ всему истину и совершенство. — Корреджіо учился поспешенно у Біанки и Андрея Моншенъи, двухъ художниковъ старинной Италіанской школы, имѣющей свои достоинства, но жесткой и лишенной всякой прелести (*). — Будучи еще молодымъ чело-

Мы любимъ и чрезъ часъ мы ненавидимъ;
 Что славимъ днесъ, заупра проклинаемъ!
 Аргивяне дѣйсп. III. явл. 3.

Если бы меня нынѣ въ 1824 году спросили, считаю ли по сю пору каждую перемену въ образѣ мыслей Корреджіо новымъ шагомъ къ совершенству: меня привели бы въ большое недоумѣніе! — Мимоходомъ только замѣчу, что черезъ 9 мѣсяцовъ въ мою вторую бытность въ Дрезденѣ Св. Францискъ по величественной простотѣ цѣлаго, казался мнѣ швореніемъ гораздо высшаго разряда, нежели Св. Георгій. Замѣч. Авш.

(*) И въ разсужденіи ея, я во многомъ спалъ иначе думать. Замѣч. Авш.

вѣкомъ, онъ чувствовалъ недоспажки своихъ наставниковъ и рѣшился проложить себѣ дорогу собственную: онъ началъ замѣчать размѣры человеческого плѣа, началъ просто глазами и безъ руководителя учиться оспіологии и анатоміи и наблюдать краски и плѣни въ самой природѣ. — Такимъ образомъ составилъ Корреджіо себѣ свой первый родъ, имѣющій гораздо болѣе правильности и точности, нежели картины его предшественниковъ, но въ то же время не лишенный теплоты—вдохновенія и чувствительности, которыя дышатъ въ самыхъ даже безобразныхъ произведеніяхъ школъ старинной Италіанской и старинной Германской. — Его святой Францискъ даетъ намъ полное понятіе о всѣхъ достоинствахъ и недоспажкахъ сего перваго періода его самобытной естетической жизни. — Содержаніе картины слѣдующее: Богоматерь сидитъ на высокомъ престолѣ и держитъ на колѣнахъ младенца-Спасителя: Благословляющій взоръ ея покоится на святомъ Францискѣ и десница простерта надъ его головою; самъ праведникъ въ одеждѣ основаннаго имъ духовнаго чина преклонилъ колѣна передъ Царицею небесною и весь погрузился въ самого себя; позади Франциска мы видимъ Св. Антонія Падуйскаго съ книгою и лилеею въ рукахъ; по другой сторонѣ впереди стоитъ Св. Іоаннъ Креститель: онъ, кажется, смотритъ на

нась и указываешь намъ на того, чьимъ былъ предпечю и кому уготовилъ путь въ своемъ земномъ спранспивованіи. — Возлѣ него Св. Екаперина съ пальмовою вѣшвію, окруженная орудіями своей смерти. На подножіи преспола изображены нѣкопорыя событія вешхаго завѣша. — Всѣ сіи образы величеспвенны, смѣлы; впрочемъ кромѣ самага Франциска, они не имѣюшь той легкости, которую замѣчаемъ въ произведеніяхъ современныхъ, но Корреджіо тогда еще вовсе были неизвѣспны шворенія Римскихъ художниковъ. Не смюпря на жесткость, богатый вымысль и спрогая важность всей карпины вселяюгь благоговѣніе въ зришеля.

Корреджіо, будучи еще ученикомъ Біанки и Анд: Монпеньи, не зналъ, но предчувспивовалъ уже ту прелестъ, которая споль плѣнительна въ швореніяхъ чешвертаго его возраста. — Рѣшившись идти собственнымъ путемъ, бышь шворцемъ, а не подражателемъ, Корреджіо не долго обрацалъ все свое вниманіе сполько на усовершенспивованіе живописи, царспвующей въ его родинѣ; онъ вдругъ успремился искашь новыхъ красотъ, шпревожившихъ его душу въ смупныхъ видѣніяхъ. — Тогда уже онъ видѣлъ небесныхъ дѣвъ, Харишъ, хопя шуманъ еще и скрывалъ опъ него ихъ шпайнспва, хопя ихъ появленіе, для него новое, восхишительное и засшавило его забышь

на время строгость и величье, коихъ онъ спрашивается только по видимому, но собственно едва ли не всего болѣе любящъ украшать своими свѣжими цвѣтами. — Такимъ образомъ произошелъ второй періодъ Корреджіева искусства. — Въ немъ художникъ еще только ловитъ Грацію, не рѣдко слишкомъ спрасшно и пошлему иногда выпускаетъ ее изъ рукъ своихъ. — Къ произведеніямъ сего времени жизни Корреджіевой принадлежитъ его святой Георгій. — Расположеніе сей картины чрезвычайно сходствуетъ съ предыдущею: мы снова видимъ на высокомъ престолѣ Свящую Дѣву съ ея Божественнымъ Сыномъ; передъ нею стоитъ побѣдоносный Воитель Господень, онъ коего вся картина заимствуетъ свое названіе: онъ прикрытъ свѣплымъ панциремъ и держитъ въ правой рукѣ копье; лѣвая нога его попираетъ сраженнаго дракона. — Передъ нимъ четверо голыхъ дѣтей играютъ его мечемъ и шлемомъ. За нимъ стоитъ Св. Петръ Мученикъ. — Съ другой стороны являются Св. Іоаннъ Креститель и Св. Геминіанъ; послѣдній готовится вручить Богоматери образецъ построенной имъ въ Моденѣ церкви, которую подноситъ улыбающійся мальчикъ. — Голова Святой Дѣвы была бы неподражаемо прелесна для простой смертной: но красота Царицы небесной должна быть величественнѣе. — Святой Георгій превосходенъ, и смѣлостію Мнемозина. Часть I.

своихъ очерковъ живо напоминаетъ изображенія мужей великаго Корраччи. Мальчикъ, держащій надъ своею головою Моденскую церковь, соединяетъ въ себѣ все, что Корреджіо тогда разумѣлъ подъ прелестнымъ и въ самомъ дѣлѣ заслуживающъ по своей милой, привѣпливой улыбкѣ, чтобы мы его опличили отъ прочихъ чепырехъ дѣпскихъ изображеній, на чѣихъ не слишкомъ правильныхъ лицахъ еще самая улыбка близко подходитъ къ кривлянію. — Впрочемъ прежняя Корреджіева жесткость здѣсь уже въ гораздо уменьшенной степени и только нѣсколько видна въ положеніи плеча и въ движеніяхъ рукъ, не слишкомъ свободныхъ. — Если бы Корреджіо продолжалъ писать въ еномъ родѣ, можетъ быть, онъ впалъ бы въ шапсральную принужденность, съ коею познакомили насъ Ипаліанскіе и Французскіе живописцы въковъ XVII и XVIII-го и удался бы на всегда отъ истинной прелести, неразлучной съ простотою. — Но Корреджіо былъ гений; но Корреджіо около сего времени узналъ Микели-Анджело и шворенія Римской живописи. — Онъ возвратился къ простотѣ своего перваго періода и удержалъ все истинно превосходное вшораго; кромѣ того научился такому разцвѣченію, къ которому подходятъ цвѣшны рѣдкаго живописца позднѣйшаго времени: къ сему шрешнему періоду Корреджіевой жизни принадлежатъ его славная картина *Святая*

ность. — Когда мы въ первой разъ навѣспили галерею, А. Л. подозвалъ меня къ ней и нѣсколько разъ повторилъ: на колѣна! на колѣна! и въ самомъ дѣлѣ освѣщеніе меня такъ поразило, что я былъ готовъ пасть на колѣна. — Содержаніе епаго извѣстнѣйшаго Корреджіева шворенія—поклоненіе пастырей. — Свѣтъ исходитъ отъ самаго младенца Иисуса; солома подъ нимъ, какъ будто превратилась въ связку лучей солнечныхъ; блескъ его преображаетъ черты матери, которая лицомъ склонилась на него, а съ другой стороны ослѣпляетъ прехъ пастуховъ, пришедшихъ обожать дивнаго младенца: но не только они, и облако, испустившееся съ Ангелами въ смиренную обитель Спасителя, и сіи Ангелы сами: все вокругъ заемлетъ сіяніе отъ него, отъ Отца Свята. — Позади видѣнъ въ мракѣ Св. Іосифъ, занятый кормомъ осла, и еще далѣе внѣ вертепа нѣсколько пастуховъ при стадѣ: очерки ихъ оплѣняюща отъ темносиняго воздуха; край небосклона бѣлѣетъ, а слабый разсвѣтъ едва только рождается. — Чѣмъ долѣе смотришь, тѣмъ болѣе забываешься, — тѣмъ болѣе сердце готово вѣрять сверхъ-естественному! — Но рассмотримъ порознь каждое дѣйствующее лице сего чуднаго представленія: пастухи, пришедшіе обожать Спасителя, могутъ быть отецъ, сынъ и мать. — Сія послѣдняя, слабая женщина, поражена сви-

щеннымъ ужасомъ и съ шрепешомъ, заслоняя лице руками, опспунаешъ назадъ. Сынъ, непоспигающій совершенно всего, не чувспвуешъ боязни матери, но любопышество не допускаешъ до его души того благоговѣннѣя, которое бы его исполнило, если бы зналъ, что здѣсь совершается: онъ обращаешся съ вопросомъ къ опцу; епюпъ вопросъ видишь во всѣхъ черпахъ, во всемъ положеніи его шѣла. — Спарикъ, копорый сполько же превышаетъ своихъ товарищей душою, сколько превосходитъ ихъ величеспвеннымъ роспомъ, спюпшъ къ зршпелю бокомъ и склонился на посохъ: всѣ черпы его, хопя видны сполько въ разрѣзъ, выражаютъ тихую, глубокую задумчивость; судьба, кажется, разоблачается передъ взоромъ сего мудраго пашпыря. — Темнота не позволяешъ распознать лица Юсифа: но наклоненіе его шѣла показываешъ, что и его занимаютъ великія мысли. — Черпы Ангеловъ являютъ радость и благоговѣнне. — Члю мнѣ сказашъ о себѣ, Свяшная Матерь? Какое чувспво исполняешъ въ сіе дивное мгновение швою божеспвенную душу? Вспошршпесь въ нее: она вполнѣ матеръ, она вся любовь. — Неувядаемая свяшость расцвѣшаешъ на сшхъ блѣдныхъ ланшпахъ и вѣждахъ, копорыя ослабѣли опшъ спраданія, но его не замѣтили! — въ выраженіи лица нешсчерпаемый испочникъ самоопшверженія, любви

и смиренія! къ чему послѣ того черты и размѣры, которыя бы были строже и правильнѣе и болѣе подходили къ красотѣ лицъ Греческихъ? — можно ли послѣ того замѣшить, что и въ этомъ чудесномъ произведеніи художникъ изрѣдка впадаетъ въ недоспашки своего вшораго періода; что чувство, можешъ бытъ, слишкомъ рѣзко говорить на лицѣ жены пастыря, что Ангелы лязжелы, ноги ихъ длинны и ихъ движенія могли бы бытъ свободнѣе?

Прекрасная Магдалина Корреджіева принадлежишъ къ сему же прешьему его періоду: но уже соспавляетъ переходъ къ четвертому. — Не смотря на простоту всего вымысла: въ ешой картинѣ при-мѣшно, что Корреджіо уже болѣе увѣренъ въ себѣ, что онъ уже знаетъ истинную Грацію и поэтому смѣлѣе можешъ слѣдовать ея вдохновеніямъ. — Подобно Баштоніевой Магдалины, Корреджіева въ уединеніи занята размышленіемъ. — И ша и другая въ голубой одеждѣ: но Баштоніева писана почти въ разрѣзъ; а Корреджіева къ намъ обращена лицомъ! — Локоны сей послѣдней мягкостью и иѣжностью превосходяшъ даже локоны Баштоніевой.

Наконецъ мы передъ послѣднею картиною Корреджіо. — Она называется Св. Севасліяномъ и по своему вымыслу напо-

минаешь первую и вторую изъ находящихся здѣсь картинъ художника. — И здѣсь Св: Дѣва благословляетъ рашника за слово Божіе: но Св. Севастіянъ не въ мирной одеждѣ священника, не въ блестящихъ доспѣхахъ война; онъ привязанъ къ дереву и готовъ принять смерть мученическую; небесная, младенческая радость на лицѣ святаго юноши! прелестное видѣніе исполнило всю его душу и онъ кромѣ него ничего, ничего не видитъ. — Впереди на колѣнахъ Св. Гемниль въ священническомъ облаченіи, онъ указываетъ на мученика. — Возлѣ него опять мальчикъ съ Моденскою церковью. — Съ правой стороны предъставлена смерть Святаго Роха. — На небѣ по обѣимъ сторонамъ Богоматери преклоняющъ колѣна два младенца; а шрое другихъ, изъ коихъ одинъ верхомъ на облакѣ, кружащся въ невинной рѣзвости, подавъ другъ другу руки. Мы имѣемъ уже понятіе о выраженіи, о характерѣ Св. Севастіяна. — Св. Гемниль почтенный старецъ: въ чертахъ его живое благочестіе. — Но всего милѣе, всего прелестнѣе дѣши, окружающіе Царицу небесную: особенно двое первыхъ. — Съ какимъ чистымъ чувствомъ они просерли къ ней свои маленькія руки; сколь несказанно просны и невинны ихъ личики, копорыхъ никогда не искажали ни спроси, ни вина, ни печали, копорыи знали одну любовь и радость! Какъ прелестно падаютъ съ чела

впередъ ихъ длинныя, каштановыя локоны! Какъ мило склонились головки ихъ! Здѣсь все: свобода, легкость, правильность, воображеніе, чувство! Сами Граціи водили кистию Корреджіо, когда писалъ онъ епихъ божесивенныхъ младенцевъ. — Надѣюсь, что не слишкомъ долго останавливался на произведеніяхъ Корреджіевыхъ: испорія успѣховъ и заблужденій великаго художника съ примѣрами изъ его собсивенныхъ швореній показала мнѣ занимательною и удобною развишь нѣкоторыя истины, важныя въ теоріи изящныхъ искусствъ и Поезіи, входящую въ составъ всѣхъ ихъ.

Теперь спанемъ продолжая свою естетическую прогулку.

Передъ нами великолѣпное шоржество Бахуса; рисунокъ онаго — руки Рафаеля, и находится нынѣ въ Англии, — картина же писана художникомъ Бенвенушо Гарофило, прозваннымъ Тизио. — Здѣсь каждое изображеніе должно бышь предметомъ внимательнаго, глубокаго ученія для молодаго художника; но превосходнѣйшее изъ всѣхъ пьяный Силенъ, котораго Фавны и Сашеры держашъ надо львомъ. — Блаженное расслабленіе, которое разлило по его членамъ, приводитъ въ опчаяніе всякаго описателя.

Теперь мы стоимъ у преддверія Свяшья Свяшыхъ: друзья! вы видите Мадонну ди

Санъ Сиспо, дивное созданіе Рафаеля! Вы смотрите и на лицахъ вашихъ что-то похожее на роющъ неудовленвореннаго ожиданія; васъ удерживаетъ изъявившъ неудовольствіе одно опасеніе показашься людьми безъ вкуса.

Упѣшьтесь: можете быть, то же было со всѣми взглянувшими въ первый разъ на сіе простое и при всей своей простотѣ божественное твореніе! — Признаемся, что его разцвѣченіе слабо, что оно гораздо живѣе не только во всѣхъ произведеніяхъ Корреджіо, Тиціана, Гвида, Корраччи, но и въ картинахъ многихъ второсиленныхъ художниковъ. — Вымысль Рафаелевой картины проста: но ужели въ немъ нѣтъ ничего необыкновеннаго? — Богоматерь спускается на облакъ съ своимъ Божественнымъ младенцемъ; Святая Варвара и одинъ изъ Патриарховъ Римской церкви спускаются по обѣимъ сторонамъ на колѣняхъ. — Два покоющіеся внизу Ангела, которые видны только по грудь, обратили взоры вверхъ къ небесной Матери. — Зеленая завѣсъ поднята съ обѣихъ сторонъ и все небо составлено изъ безчисленнаго множества головъ Херувимскихъ: каждая изъ сихъ послѣднихъ образцова, каждая изъ нихъ носитъ на себѣ печать совершенства! Но тайный шепель прокрался въ душу мою! — Череду мною

видѣніе — не земное: небесная чистота, вѣчное, божеское спокойствіе на челѣ Младенца и Дѣвы; они исполнили меня ужаса: могу ли сморгнѣть на нихъ я, рабъ земныхъ спрасшей и желаній?—Что же? Кропоснь, чудная кропоснь на устахъ Матери приковала мои взоры: я не въ силахъ разспашься съ симъ явленіемъ, если бы и громъ небесный гоповъ былъ испребилъ меня недоспойваго! — Посмотрите, она все преображаепть вокругъ себя! съ младенческимъ благоговѣніемъ взираепть на нсе сей священный спарець, сложившій передъ нее піару!— Глубокомысленно, съ высокимъ чувствомъ успремяепть къ ней свои прекрасныя очи сей Ангель-младенець, опершійся на одну руку; внимательнo и тихо сморгнѣть даже шовариць его, который, каженіся только чно переспаль кружинься по воздуху: онъ вдругъ увидѣлъ Божеспвенную и невольнo забылся въ ея лицезрѣніи! Святая Варвара, онблескъ чистоты и кропоссти небесной Царицы, споннѣть передъ Нею съ пошупленными взорами и въ шишипѣ сердца принимаепть вліаніе Ея благодати. — Мысли и мечпы, которые озаряли и грѣли мою душу; когда глядѣлъ на сію единспвенную Богомашерь, я описанъ нынѣ уже не въ соспониі: но я чувствовалъ себя лучшимъ всякій разъ, когда возвращался онъ нее домой!— Много видѣлъ я изображеній, чистыхъ

дѣвъ, нѣжно-любящихъ матерей; въ глазахъ ихъ вѣру, вдохновеніе и ну скорбь, коюрой я готовъ былъ сказать: ты неизрѣченна! Мы говорили: онъ представляють Мадонну; но она одна и явилась Рафаелю!

„Кто однажды вкусилъ небесное,“ говоришь одинъ изъ Св. отецъ, „попъ уже чувствують опвращеніе опъ земной ници!“ Но по же самое вдохновеніе, копорое исполнило Рафаеля, ниспускалось въ душу и другихъ художниковъ, хотя было и слабѣе, хотя и отражалось въ нихъ не во всей чистотѣ переобышней. — Спанемъ его опъискивать и порадуемъ, гдѣ найдемъ слѣды его!

Въ Св. Матѣеѣ Аннибала Корраччи сильная кисть художника смѣло представила образецъ величественнаго мужа: положеніе его поднятой вверху головы превосходно; онъ скрижалъ свою держитъ свободно и воспорженно. — Не менѣе прекрасенъ въ своемъ родѣ Св. Іоаннъ Креститель, спонцій по другую сторону престола Богоматери и указывающій на младенца Спасителя: все Его нѣло говоришь, и каженъ, слыщу слова Его: „се агнецъ Божій!“ Св. Францискъ, лобзающій ногу Спасителя нѣсколько слабѣе; хотя его голова хороша, разцвѣченіе и складъ одежды совершенны; но не смотрише, особенно

послѣ Богоматери Рафаелевой, на ея Мадонну и на Младенца Ея: въ нихъ ничего нѣтъ высокаго. — Корраччи не часно достигалъ красону, холя рѣдкій подобно ему владѣлъ силою и смѣлостію.

Вотъ два изображенія по поелъ Карла Дольче, принадлежащаго къ лучшимъ живописцамъ XIII столѣтія: онъ менѣ другихъ удался отъ простоты средней Италіанской школы. — Здѣсь дочь Ирода и Св: Цецилія, его работы; въ обѣихъ развѣченіе гораздо шемѣ его обыкновеннаго: рисовка гораздо свободнѣе и еспешвеннѣе. — Особенно прелестна Цецилія: ея опущенныя длинныя рѣсницы придають ей что-то таинственное, неизъяснимое; лице чрезвычайно нѣжно и писано съ большимъ стараніемъ (*con amore*); а губы такъ душисты, мягки и алы, что разлучаешься съ ними только по неволѣ, только для того, чтобы остановившись на персахъ ея чудныхъ рукъ, копорья, кажешся, единственно для того и созданы, дабы вызывашъ изъ клавишей звуки волшебные; подъ густыми каштановыми локонами, мы видимъ высокое, мыслящее чело, копорому столь же знакомо вдохновеніе, сколь знакомо чувство душѣ, разливающейся по всѣмъ чертамъ ея.

Вотъ картина, копорая имѣетъ и непременно должна имѣть большое достоин-

снѣво для живописца; но Поепа, спарающа-
 гося омыскашь въ произведеніи художеснвъ
 идеаль, — она оспавляешъ равнодушнымъ. —
 Говорю о каршинѣ Джюліа Романо, извѣсп-
 ной подъ названіемъ Маріи съ ванною: мо-
 лодая машь моепъ своего робенка, другой
 побольше сшоипъ на столѣ возлѣ ванны
 и приливаетъ воду; всѣ фигуры въ нѣко-
 норомъ опношеніи превосходны: они пра-
 вильны, свободны, мягки, красивы. — Но
 гдѣ здѣсь Св. Дѣва, Исусъ, Іоаннъ? — Гдѣ
 и гдѣнъ того, чего пребуешъ опъ ихъ изо-
 браженія? Каршины такого рода похожи
 нѣсколько на стихопворенія, писанныя для
 однихъ стихопворцевъ, п. е. такія, изъ
 которыхъ Поепъ можешъ учисья слогу и
 гармоніи, которыхъ предспавляютъ его во-
 ображенію свѣжія, новыя краски, смѣлые,
 необыкновенные обороты, но въ которыхъ
 нѣтъ богатыхъ, глубокихъ мыслей и общей
 для всѣхъ занимательности.

Заглянемъ на минушу въ галлерію па-
 спелей и оспановимся шолько передъ пре-
 леснымъ Амуромъ Рафаеля Менгса, а по-
 помъ посмопримъ, не получимъ ли изъ всего
 нами видѣннаго такихъ общихъ слѣдствій,
 которыхъ бы просвѣнили насъ въ рассу-
 деніи теоріи изящныхъ художеснвъ и ма-
 лери ихъ Поезіи. — Какія каршины должны
 бытъ признаны лучшими, образцовыми въ
 большомъ множеснвъ разныхъ родовъ, ху-

дожниковъ, земель и время нами разсмотрѣнныхъ? — Безъ сомнѣнія шѣ, копорыя, удовлетворивъ главнымъ требованіемъ искусства, въ поже время удовлетворяющъ вкусу и потребностямъ души лучшей части зришелей, ш. е. одаренныхъ чувствомъ, воображеніемъ, разсудительностію и постигающихъ вдохновеніе; другими словами: шѣ, копорыя въ большемъ совершенствѣ соединяющъ чувство, воображеніе, обдуманность и плодъ вдохновенія, — идеаль съ правильностію и красотою рисовки, анатоміи, размѣровъ, перспектива и свѣжестью красокъ, — шѣ, копорыя въ большемъ совершенствѣ соединяющъ Поезію съ искусствомъ. — Нидерландцы по большой части знали одно искусство, а художники старинныхъ школъ Испаліанской и Нѣмецкой одну Поезію и она, именно потому, что была только Поезія, не могла у нихъ возвыситься до идеала: одни лучшіе живописцы лучшаго времени Испаліи постигали и чувствовали совершенство и ниско болѣе Рафаеля. Въ словесности точнѣ такимъ образомъ: можно раздѣлить писателей на Поешовъ и слого-искусниковъ, къ копорымъ послѣднимъ причислимъ и шѣхъ стихотворцевъ, коихъ единственное достоинство хорошій слогъ и гармонія: въ Англіи много Поешовъ, но мало стихотворцевъ; Франція изобилуетъ стихотворцами и едва ли можетъ назваться намъ двухъ или трехъ

X.

Е Л Е Г И Я.

Des Lebens Mai blüht einmal, und nicht wieder.

Schiller.

Какъ быстрая волна въ безбрежности морей,
 Какъ въ сердцѣ пламенномъ обманчивая радость,
 Какъ первая любовь беснечныхъ, юныхъ дней,
 Моя умчится младость.

* * *

Придетъ жестокой часъ, когда прекрасный взоръ
 Я встрѣчу холодно, безъ спраснаго волненья;
 Миѣ будетъ красоты улыбка, разговоръ
 Тогда безъ наслажденья.

* * *

Не сяду весело на шумныхъ я пирахъ,
 Любви не призову, друзья, въ бесѣды ваши
 И съ именемъ своимъ, о Нина! на устахъ,
 Я не напью чашн!

* * *

Увы! пропекшаго ничто не замѣнитъ,
 И гдѣ я, опытный, найду очарованье?
 Быть можешь спарика немного усладить
 Одно воспоминаье.

* * *

Тогда, поникнувши сѣдою головой,
 Холоднымъ зрительемъ сидя въ веселомъ кругѣ,
 Я стану воспоминаь о чашѣ круговой
 И сердца о подругѣ.

Н. Павловъ.

берегу его, и можешъ бысть, единственнопамъ имѣло нѣкопорые достоинство. — Для тѣхъ, которые не бывали на Кавказѣ, почтено необходимымъ сказать нѣсколько словъ о положеніи мѣсна, о главномъ поводѣ къ сему сочиненію. Нужно еще объяснить слово: *Егоко*, въ немъ упоминаемое; подысимъ именемъ Горскіе народы разумѣюшъ своихъ Бардовъ.

Насталъ полночи молчаливой,
 Успокоенъ мирный часъ:
 Запихнулъ въперокъ игривой,
 Умокъ вечернихъ пѣсней гласъ;
 Все дремлетъ, все очарованье
 Вкушаетъ сладкой пишины, —
 Твое лишь носится степенанье,
 Ручей пустынной стороны!
 Крутясь шумящею волною,
 Брегами дикими стѣсненъ,
 Одинъ нескромною тоскою
 Тревожишь ты природы сонъ....

* * *

Какъ объяснить твое роптанье?
 О томъ ли уголкѣ земли
 Тебя помитъ воспоминаье,
 Гдѣ родились твои струи,
 Гдѣ ты блуждающей дорогой
 Цвѣты въ кристаллѣ потоплялъ
 Иль, ринувшись съ скалы высокой,

Зефировъ рѣзвыхъ обгоняль,
 Гдѣ гуломъ дѣбри оживляя,
 Въ густыхъ таилахъ просиникахъ,
 Какъ сокрывается ночная
 Пѣвица въ Сѣверныхъ лѣсахъ?

* * *

Или кипящій неперпнѣемъ,
 Подъ мрачнымъ сводомъ береговъ
 Ты упомияся започенъемъ
 И съ гнѣвомъ рвешься изъ оковъ,
 Окрестъ нависшія громады
 Раздвинувъ дерзкою волной,
 Черезъ побѣжденные преграды
 Ленишь крылатою стрѣлой
 Туда, гдѣ стелется равниной
 Безбрежный океанъ степей,
 Гдѣ воды власивуютъ долиной
 Въ вѣнцѣ шумящихъ камышей?

* * *

Иль Богъ любви тебя волнуешь?
 Ты, страстный, слышишь: за горой
 К а с а д а вѣрная поскуешь
 По той минушь дорогой,
 Когда, обнявшись спруями,
 Однимъ щастливы быпнемъ,
 Вы оросите брегъ слезами,
 Чистѣйшимъ радости плодомъ....
 Ты слышишь — и молодой подружь
 Въ трепещущихъ зыбяхъ журчишь
 Про грусть несносную въ разлукѣ,
 И въ изступленьи къ ней слышишь.

* * *

Или нѣтъ! сынъ Альповъ горделивой
 Инымъ спраданьемъ возмущенъ:
 Ты въ юности мечпалъ счастливой,
 Преодолевъ вражду препонъ,
 Великолѣпное печенье
 Рввой широкой простирашь
 И дальнихъ странъ благословенье
 Въ маслинной старости пожашь;
 Кажался вѣрнымъ путь за славой, —
 Но рокъ безвременно велишь
 На имя громкое все право
 И арзанѣ скромной уступить....

* * *

Не съпуй, другъ мой! мракъ забвенья
 Не будетъ участью твоей;
 Въ священный часъ уединенья
 Бесѣдуя въ тиши ночей,
 Ты раздѣляя свои печали
 Съ Егюккой Русской стороны, --
 И струны мирныя звучали,
 Твоей тоской пробуждены.
 Улькыша имя пронесется
 На отдаленныхъ берегахъ,
 И стонъ твой тихій отзовется
 Во всѣхъ чувствительныхъ сердцахъ.

С. Н.

Кисловодскѣ,

18 Августа, 1823.

Дщерь К о м л а, цвѣшь Морвенскихъ дѣвъ,
 Душой героя овладѣвъ,
 Сама любовь къ нему познала.

Съ тѣхъ поръ ихъ радостные дни
 Текли въ безопасности невинной;
 Такъ межъ цвѣшовъ ручей пустынной
 Капашъ прозрачныя струи.

Но врагъ К о н н а л а дерзновенный,
 Г р у м а л ь ихъ счастье оправилъ,
 Онъ взоръ на дѣву устремилъ
 Безумной спрасстью воспаленный.
 Бродя съ ушеса на ушесъ
 И протекая горъ вершины,
 Онъ ждалъ застѣнчивой Г а л ь в и н ы,
 Какъ серны ждешъ коварный несъ.

Однажды въ густотѣ шума,
 К о н н а л ь, сокрывшись отъ друзей,
 Пришекъ съ подругою своею
 Въ пещеру храбраго Р о н а н а.
 Тамъ, на разрушенныхъ стѣнахъ
 Висѣли конья, стрѣлы, ланьы
 Въ углу лежалъ шлемъ космашный
 И щипъ, поверженный во врахъ.

К о н н а л ь.

Покойся здѣсь, моя Г а л ь в и н а!
 На высотѣ кремнистыхъ скалъ
 Я видѣлъ серну.....

Гальвина.

А Грумалъ?....

Сей грозный сынъ снѣговъ Ерина?
 Онъ часю знойною порой
 Приходитъ здѣсь искашь прохлады;
 Меня спрашатъ Грумала взгляды.....

Улыбкой опвѣчалъ герой
 Ропшанью дѣвы бояливой,
 Взялъ лукъ — и къ сериѣ полетѣлъ.
 Среди мечей, кольчугъ и стрѣлъ
 Одна въ пещерѣ молчаливой
 Гальвина думала о немъ
 И, молча въ слѣдъ ему взирала;
 Потомъ надѣла шлемъ, забрало,
 Сокрыла перси подъ щипомъ
 И гордо вицязю явилась.

Едва узрѣлъ врага Конналъ,
 Онъ всныхнулъ, гнѣвомъ запылалъ
 И въ мигъ стрѣла его вонзилась
 Гальвинѣ въ грудь, сквозь крѣпкій щинъ:
 Онъ кровью дѣвы обагрился,
 Съ главы шеломъ ея скапился,
 Конье изъ рукъ ея скользнулъ, —
 И кножь, сей мнимый сынъ Ерина,
 Терзался, плаваешь въ крови?....
 Конналъ!.... предметъ швоей любви:
 Твоя прекрасная Гальвина!

Покинувъ дѣвы хладный прахъ,
 Просиясь на вѣкъ съ родной сираною,
 Конналъ кипѣлъ одной войною
 И смернѣ нашелъ въ бояхъ!

В. Вердеревскій

ный Гурджиспанъ (*); ни Провансъ споль же сладоспный — не могли изгладишь изъ моего воображенія каршинъ, поразившихъ меня въ пѣ лѣта, когда начинаешь чувствовать, но еще не понимаешь ни себя, ни міра тебя окружающаго.

~~~~~

Было время, когда сіи пуспынныя мѣста были еще пуспыннѣе, когда пасмурная природа Естоніи являлась еще пасмурнѣе, когда ея мощные обитатели не знали ни Саксонскаго ига, ни кропкаго ученія Христова. Сохранились по сю пору сказанія о сихъ вѣкахъ независимости и силы. Тогда два Кудесника, жрецы Юмалы (***) жили здѣсь, одинъ на холмѣ Авинѳромскомъ, другой въ долинь: *Майцма*, у подножія онаго. Соѣди благоговѣли предъ ними и страшились ихъ: но ихъ имена поглотило забвеніе. При захожденіи солнца, говоритъ преданіе, вспавалъ Кудесникъ Авинѳромскій, да заповоритъ желѣзные врата своего шына дубоваго и скрынъ ихъ слышался въ долинь: тогда Майцмаскій клевреть его вскаѣивалъ съ ложа и спѣшилъ къ своимъ вратамъ желѣзнымъ же. Сихъ исполиновъ-волшебниковъ давно уже не было. При исходѣ Тормскихъ лѣсовъ въ послѣдній разъ Адо и Суръ, потомки ихъ, Еманды (***) племень Пей-

---

(*) Грузія.

(**) Юмала — Зевсъ Чудскихъ племень.

(***) Старшины.

пускихъ, сражались съ меченосцами и съ Лашышами, ихъ подручниками. Убальдъ Логузь, ненависпный пришлецъ и съ нимъ Иксуль, крещенный вождь Лешшовъ, жишелей Двинскихъ, побѣдили ихъ. Суръ былъ снопшанъ конемъ Убальда; плѣненный, онъ опрекся опъ боговъ своего опечеснва: Суръ спаль называшся Индрикомъ. Убальдъ послаль его въ Ульви своимъ спароспою (Кубьясомъ); Маймеси прозвали его Ульви-Графомъ, и самые Саксы, издѣваясь, не рѣдко чеснили его шѣмъ же именемъ. Между шѣмъ рыцарь Логузь, наложивъ дань на племена Пейпусскія, оставивъ монаха въ Тормѣ и спражей Лашышскихъ въ окрестныхъ селеніяхъ, удалился въ Ригу къ Епископу Альбершу. Емандъ Адо — сражался съ опчаяніемъ раненнаго медвѣдя въ бою Тормскомъ, сорвалъ прехъ меченосцевъ съ коней ихъ; вмѣстѣ съ частью черепа срубилъ шипакъ Мадиса, Иксулова брана; прорвался чрезъ густую толпу Лашышей, препешавшихъ его голосу и, бродивъ три дня въ дбрыхъ и болопахъ, возвратился наконецъ въ полночь въ Майцму, въ жилище свое.

Теперь онъ споялъ среди мрака предъ своимъ домомъ. Окликались караулы: по были Лешшы, рабы Саксонскіе. Луна прорвалась сквозь осеннія пучи и освѣшила обинналища. Нозгъ сверкалъ въ рукѣ Еманда; онъ вслушался въ безмолвіе; успремилъ бдительный взоръ вдоль ручья; казалось;

ожидалъ встрѣчи, но не спрашивалъ ея. Вдругъ позади по хрупкимъ листьямъ развѣченнаго бора, раздался шелестъ шаговъ: онъ оглянулся и видитъ: серебряный цыпецъ (*) блеснулъ на груди дѣвицы; бусы покрываютъ шею; черные волосы и ленты разноцвѣтныя развѣваются по плечамъ ея; онъ вслашривается: такъ это Май, это дочь его! „Ты ли предо мной, злополучная? Какъ уцѣлѣла ты отъ руки враговъ моихъ? Гдѣ твоя мать и бранія?“

Май. Родительница моя переселилась въ домъ Юмалы; младенцы, братья мои, за нею послѣдовали: ихъ кровь обогрела прагъ нашей хижины. Меня же испоргъ изъ среды убійць Норъ, сынъ Сура, обрученный мой.—

Адо. Да возмешь душу его Курантъ (**), мучитель предателей! Почему не умѣлъ онъ сражаться съ Саксами въ поляхъ Тормскихъ? — Но онъ не вѣдалъ о нашесшви иноплеменниковъ!

Май. Уже черезъ день послѣ бѣшвы вашей, возвратился онъ изъ за Пейгуса изъ Новаграда великаго, куда, какъ знаешь, былъ посланъ опцемъ съ добычей осенней ловишвы, съ медвѣжьей и волчьей рухлядою: съ нимъ вмѣстѣ явились Нѣмцы въ наше убѣжище.

Адо. Гдѣ же онъ?

(*) По Естонски: брецъ.

(**) Злой духъ.

Мая. Тебя опыскиваешъ. Норъ въ глубинѣ бора: онъ путь свой направилъ къ границу Лоресарскому; при восходѣ солнца будешь жданыя меня на холмѣ Авинѳромскомъ, а мнѣ велѣлъ скрыватьсь ночью за ручьемъ въ виду моей родины.

Адо. Идемъ на холмъ Авинѳромскій; возвѣщу ему плѣненіе Сурово и наше носрамленіе.

Между нѣмъ пси зацлились лаемъ и воить Лашвишскій мелькнулъ между деревьями. Онъ былъ обращенъ къ нимъ спиною; но Адо успремился къ нему вихремъ и схватилъ его мощною рукою. „Ни слова, презрѣнный невольникъ или въ сей же мигъ свергну шебя въ бездну Парголы! (*) Проведи насъ чрезъ селеніе, окликайся за насъ; не помышлай объ измѣнѣ; ножъ мой касаеться шво его горла!“ И пренешный Лашышъ провель ихъ до конца улицы; вывелъ изъ деревни и на окръжкѣ земляковъ своихъ ошвѣнсимвоваль: „Св: Іоаннь и Германія!“ пономъ, когда снзль съ него десницу спранный Адо и пропасть въ шуманяхъ изъ глазъ его, онъ въ полголоса произнесъ мольбу благодаренія Перкуну и Поншримвосу и Пиколо, (**) пайнымъ Богамъ своимъ, конорыхъ новый Хриспїянннъ не ошвыкъ призывашъ въ опасносняхъ, конорыхъ дивные лики чудплель Лешнамъ еще долго пошрннзшн креще-

(*) Адъ.

(**) Идолы Лашвишскіе.

нія среди вѣпьевей сѣнолиственнаго дуба и широкаго орѣшника.

Адо и Мая ждали на холмѣ Авиндоромскомъ и дождались съ новымъ солнцемъ прихода Норова; они сѣповали вмѣстѣ о гибели опечесива и оплакивали плѣнь Сура и паденіе сыновъ Еспоніи. Адо поселился здѣсь съ дочерью въ глухомъ уединеніи. Безпредѣльная среди самага рабства приверженность Маймесовъ, суевѣріе Лапышей и Нѣмцевъ обезопасили приюпъ героя-изгнанника: если до сихъ и доходили смупные слухи о близкомъ сосѣдствѣ спараго Еманда, они не смѣли опыскивать жилище храбраго, считая его грознымъ Кудесникомъ. Норъ, проживъ съ опцемъ и дочерью дней нѣсколько и соорудивъ имъ хижину, передѣлся въ сѣрый кафтанъ Лапышскій, обрилъ бороду и опправился въ Ульви, да узнаепъ жребій родншеля. Скорбенъ онъ возвратился. „Адо,“ сказалъ онъ поварищу Сурову, „у меня нѣпъ уже опца, у тебя нѣпъ уже друга вѣрнаго. Ульви-Графъ Индрикъ не еспъ прежній Суръ; онъ рабъ и Кубьясь иноплеменниковъ.“ — „Да будетъ прокляпо имя несчастнаго!“ опвѣщсшовалъ Адо и погрузился въ молчаніе.

~ ~ ~ ~ ~

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Медленно текло время на холмѣ Авиндоромскомъ: Адо и Норъ скучали спокойствіежъ; въ долгія зимнія ночи они бесѣдовали

о свободѣ и опечесствѣ; гнѣвъ и опчяніе обуревали сердца ихъ: они вокругъ себя зрѣли одно малодушіе. Днемъ исходили они вмѣспѣ на бой съ медвѣдями, на ловипву лосей и лисъ. Тогда обверпывали они шуйцу вълпхпмъ рублищемъ и лыкомъ, а десницу вооружали кпспенемъ убійспвеннымъ. Они знали логовища звѣрей, спрегли ихъ, когда возвращались, и несли имъ смерть неминуемую. Напрасно космашый власпипель дубравы подъемлется, напрасно двуногій идепъ имъ во срѣпеніе, превышаетъ ихъ роспомъ, проспираетъ къ нимъ спрашпныя обялппя и гнѣвный разверзаетъ пасть свою; они предаюпъ зубамъ его единую длань обезопасенную, а другую съ мерпвящпмъ желѣзомъ вонзаюпъ и обращаюпъ въ его расперзаннхъ персяхъ. Не избѣгнепъ ихъ олень роговлпвпспый: они лепяпъ на шпрокпхъ лыжахъ по глубокпмъ снѣгамъ и дропкѣ ихъ поражаепъ его крушую, гордую вью! Горе и хпщному сыну Саксоніи, когда, заблудшпсь въ бору, съ нпми встрѣшплся!

Мая ужасалася суроваго своего родптеля, но шщилася разгонапъ шяжелые шуманы его горести: ея усилія оставались шщешными; съ дня на день Адо становплся мрачпѣе и безмолвнѣе. Краткій сонъ его былъ прерываемъ дпкпми мечпаніями, нерѣдко являлись ему шѣми убіенной Тіо, ея матери и убіенныхъ младенцевъ, братьевъ ея, и онъ стопналь, какъ бы подавленный Куратомъ; ию-

гда ему видѣлся жестокій Убальдъ: онъ сражался съ нимъ, повергалъ его на землю, погружалъ въ него ножъ и вдругъ — узнавалъ въ немъ прежняго друга, Индрика.

Но чаще провожалъ онъ ночи безъ сна: тогда и Мая не спала; сидя, за самопрялкою, она украдкою всмапривалась въ черпы опца и изрѣдка старалась разелечь его просною пѣсною, которую шупъ же слагала по обыкновенію дочерей своего племени. — Просные напѣвы дѣвъ Еспоніи, почпо нынѣ чрезъ дванцашъ почпи лѣшъ бурной жизни опзываетесь въ слухъ моему? почпо претвожитте душу мою смупные опголоски зимнихъ посидѣлокъ ихъ? — Бышь можешъ, никогда уже не услышу языка Чудскаго; но да сохранию здѣсь одну изъ пѣсней Маниныхъ.

Государь ты свѣплый мѣсяць,
 Что сверкаешь въ облакахъ?
 Не блиспай, отецъ, надъ нами,
 Не открой прицельцу насъ!

* * *

Волкъ за хатой завываетъ:
 Но я волка не боюсь!
 Миѣ ужасенъ барскій голосъ,
 Голосъ твой желѣзный мужъ!

* * *

Мадли, дней моихъ подруга,
 Въ Майцмѣ — вмѣстѣ мы росли:

Ахъ! убить женихъ твой, Мадли;
Ты жь убійць его раба!

* * *

Ты для Нѣмца ложе стелешь,
На него прядешь и ткнешь!
Что жь еще ты, Мадли, дышешь?
Мадли, я бы умерла!

Между тѣмъ Кубьясь Индрикъ давно уже зналъ объ Авинѳромскихъ пусшыникахъ; не разъ встрѣчался онъ съ сыномъ въ гмуши лѣсной; не разъ уговаривалъ его возвратиться въ Ульви и раздѣлишь съ опцемъ милоспи побѣдителей; но пристыженный произительнымъ взоромъ юноши, умолкалъ и безъ препящствія оншускалъ его къ суровому Адо. — Весною Убальдъ возвратился изъ Риги: Епископъ и войсковой Магиспиръ назначили его своимъ намѣстникомъ въ спранахъ, прибрежныхъ Пейпусу; онъ велѣлъ вырубить часнь бора и при успьи ручья Авинѳромскаго надъ озеромъ поспроилъ замокъ Логузь и храмъ во имя Св. Іоанна Крестителя. Убальдъ расположился на житье въ своемъ помѣстьи, и вскорѣ новые Хрисціане спали проклинашь его свинцовое владычештво. — Неуспрашимый Норъ являлся не рѣдко и при немъ въ окрешныхъ селеніяхъ; земляки всѣ его знали и нишо не измѣняли ему: онъ

смѣло промѣнивалъ дичь и кожи на соль и хлѣбъ, на желѣзо и медь и пиво Русское; знаніе языка Лапышскаго и болѣе еще сѣрый армякъ Лапышскій, которій надѣвалъ при своихъ выходахъ вмѣсто смурого Веспонскаго, обманывали власпипеля при нечаянной встрѣчи. Однажды поздно вечеромъ юноша возвратился бездыханенъ и препепенъ. — „Мщеніе, спарець!“ воскликнулъ онъ, — вспуная въ хижину. „Мщеніе! мѣра злодѣяній иноплеменниковъ исполнилась. Я видѣлъ опца моего проспершаго на землѣ предъ входомъ храма Саксонскаго: безчеловѣчный Убальдъ велѣлъ бичевать его, ибо онъ ему не предалъ сесшеръ моихъ.“ — „Суръ пожинаешъ жашву имъ же посѣянную!“ промолвивъ Адо глухимъ голосомъ; но гибельный пламень возгорѣлся въ очахъ Еманда и длань его сжалась судорожно. — Они пущь же вышли: полночь узрѣла ихъ въ дому Индрика. — Не опишу свиданія прежнихъ друзей, разлученныхъ бѣдспвіями, соединенныхъ вѣщшими. — Они рѣшились снова воспашъ на Нѣмцевъ, свергнуть иго ихъ или погибнуть: въ слѣдующую ночь совѣщались они близъ градища Лоресарскаго и съ ними спаршины Тормскій, Пасферскій, Майцмаскій, Ненальскій (*): клялись же

(*) Названія мѣстъ, лежащихъ на Сѣверо-Западномъ берегу Чудскаго озера.

заговорщики именами Юмалы, Тора, Курапа, пламенемъ и мразами Парголы, клялись хранишь тайну союза и признали надъ собою Адо главнымъ предводителемъ.

Норъ былъ ими посланъ въ Вениферъ, къ гостямъ Новгородскимъ и на шрешю ночь въ Руской ладіи поплылъ опъ Неная по волнамъ. Пейпуса, да взыскуешъ помощь Князя и посадниковъ народа, который называетъ Чудъ и понынѣ Венами, т. е. братьями.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Небо было испещрено звѣздами, челнокъ скользилъ по зыбямъ озера, волны колыхались; весла Русскихъ рыбаковъ мѣрыми взмахами, подобно крыльямъ, разсѣкали влагу и воздухъ. Изкони Россіяне сопровождали пѣснями шруды свои: вопъ ша, копорю, опваливъ опъ берега, огласили они обласпъ Чудскаго озера.

Ахъ! не чайка, кружася, носится,
 Не лебедь крыльями взмахиваетъ;
 Плывущъ молодцы корабельщнки,
 Корабельщнки, госпи Рускіе,
 Плывущъ молодцы къ Новугороду,
 Къ Новугороду, ко великому!
 Гой ты, бапюшка, славный Новгородъ,
 Гой ты городъ нашъ, бѣлокаменный,

Изукрашенъ церквями Божьими! —
 Ко Святымъ мощамъ мы приложимся,
 Образамъ святымъ мы помолимся;
 Мы на дѣпушекъ полюбуемся,
 Полюбуемся на сожигельницъ,
 На молодыхъ дѣвицъ, на невѣсты своихъ!
 Краснымъ дѣвушкамъ подареньице —
 Серги свѣтлыя красна золота;
 Женамъ ласковымъ подареньице —
 Платье новое, камки хрущяпой!
 Гой ты, бапюшка славный Новгородъ!
 Кто поднимется пропивъ спѣнь твоихъ?
 Кто возпанешъ на Бога Русскаго?

Норъ въ глубокомъ уныніи слушалъ веселую пѣснь плавапелей: они возвращались на родину, въ опечесиво сильное и вольное; онъ покидалъ опчизну порабощенную.

„Что ты пакъ призадумался добрый, молодець?“ сказалъ ему наконецъ апаманъ корабельщиковъ: „разгони, душа, грусть свою, кинь кручину на дно озера: спой, Маймесь, въ свою очередь, и увидишь, какъ бросишь шебя злодѣй-поска!“ — Норъ взглянулъ на него приспально, снова задумался и началъ прерывающимся голосомъ:

Въ даль плыву по Пейпусу
 Гореспный изгнанникъ;
 Воспою Опечесство:
 Слушай, слушай странникъ! —

Наши нивы пучныя
 Кони Нѣмцевъ топчуть ;
 Подъ бичемъ мучителя
 Спарцы щетно ролчуть; —

* * *

Дѣвы обезславлены,
 Юноши въ неволѣ,
 Кости нашихъ Випязей
 Тлѣюгъ въ чистомъ полѣ!

* * *

Въ даль плыву по Пейпусу,
 Горестный изгнанникъ ;
 Воспою Отечество:
 Слушай, слушай странникъ!

Попомъ Норъ замолчалъ и никакъ уже не прерывалъ его молчанія.

На холмѣ Авиндоромскомъ и въ деревняхъ окрестныхъ спаршины ограждали себя, какъ умѣли опъ подозрѣній Убальда. — Они разпроспраняли самые ужасные слухи о градищѣ Лоресарскомъ, обыкновенномъ своемъ полуночномъ сборищѣ: сюда, говорили они, слезаются при взошеспвѣи луны лѣсные духи и сходягся оборопни, колдуны во образѣ волковъ и псовъ и медвѣдей. Суевѣрный Убальдъ съ препеномъ слушалъ рассказы ихъ и никакъ изъ Лапышей и Сажсовъ не смѣлъ проникнуть шуда, ни взойпи на холмъ Авиндоромскій, копорый обезопасили Еспы подобными же баснями.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Норъ прибыль въ Новгородъ. Его исканію съ начала благоприятствовали шоргъ, кошорый съ давняго времени Еманды Еспонскіе вели съ Республикою, покровительство, оказываемое Чудскимъ племенамъ Рускими Князьями со времени Ярослава Законодателя и еще до его владычества, зависимость отъ Россіи, въ коей они себя признавали и спаранія промышленниковъ, раздраженныхъ притѣсненіями Нѣмецкихъ хищниковъ. Держикрай, апаманъ гощей Вениферскихъ, полюбилъ юношу еще въ переѣздъ его; извѣстный Князю Ярославу Всеволодовичу, онъ нашель средства представилъ Нора сему Государю, давно уже недовольному Рижанами. — Ласковый Князь Новгородскій принялъ его благосклонно и привѣжливо. Онъ входилъ во всѣ причины, кошорыя молодой Еспъ приводилъ ему, да вспунился за Новгородскихъ данниковъ, да смирилъ спроншивыхъ похищителей.

Норъ не вѣрилъ своему счастью: ему все казалось припнымъ, но суешнымъ свидѣніемъ. Между тѣмъ Князь послалъ въ Переславль, въ удѣль свой наследственный, и велѣлъ набирать пѣшихъ и всадниковъ, а на вѣчѣ объявилъ мужамъ Новгородскимъ: „хочу ийти на Ригу ратию и посылаю въ Переславль по воинство; да и вамъ бы быль всѣмъ гошовыми!“

Норъ гостилъ въ семьѣ Держикраевой.— Съ веча проводилъ онъ великодушнаго Князя до дому Ярославова; цѣловаль руки спасителя Еспоніи, называль его опцемъ своимъ; клялся положишь за него живопись свой; не зналъ, какъ изъявишь ему благодарность безпредѣльную: Князь смотрѣлъ на пламеннаго юноша, улыбался и безмолвствовалъ. — Возвращаясь въ сумерки въ свое пристанище, Норъ лешѣлъ; его окрыляло вѣсхищеніе; онъ нашель спарика на дубовой скамѣ подъ липою у воропъ его двора шесоваго. Съ нимъ разговаривали нѣсколько человекъ, въ богатыхъ кафианахъ, въ высокыхъ шапкахъ, наружности сановитой, но пасмурной. — Увидѣвъ юнаго иноземца, они взглянули на него съ усмѣшкою; вспали, не допивъ кружки меду сладкаго; промолвили Держикраю: „не бываешь тому.“ — Еще разъ взглянули на Нора, поклонились хозяину и скрылися. — Воспорженный Норъ и не замѣшилъ ихъ спраннаго обращенія.— Едва удалились они, какъ онъ припалъ до земли предъ гостепріимцемъ своимъ, обѣими руками обнялъ колѣна и облобызалъ полу одежды его. — „Великій Государь,“ воскликнулъ онъ, „въ самомъ дѣлѣ вступаешся за мою родину: не помню себя опъ радости; швоему предшпашельству, милосердый господинъ, обязаны мы спасеніемъ: да воздасшь тебѣ всецѣдный Юмала!“ — Держикрай опвѣчалъ ему: „благодари Бога;

умѣрь радость свою; дождись оконча-
нія!“

Между тѣмъ Норъ проводилъ жизнь въ Новѣ городѣ въ самыхъ приятныхъ ожида-
ніяхъ: онъ уже прежде изрядно зналъ языкъ
своихъ покровителей; теперь онъ еще бо-
лѣе успѣлъ въ немъ усовершенствоваться;
въ скоромъ времени добродѣтели Держи-
краевы сильно на него подѣйствовали; онъ
въ немъ видѣлъ добраго отца семейства,
друга вѣрнаго, примѣрнаго гражданина, со-
сѣда миролюбиваго, снисходительнаго даже
къ своимъ неприятелямъ: простой сынъ
природы, Норъ нѣсколько разъ, не обинуясь,
говаривалъ своему благодѣтелю: „удивляюсь
тебѣ, мой отецъ; въ твоихъ жилахъ те-
чешъ не кровь, а млеко агницы! твоя душа
чище росы упренней и безмятежнѣе дрем-
лющаго въ ведро Пейпуса: ты не шаковъ,
какъ другіе человѣки! кто возвысилъ тебя
надъ смертными, мужъ праведный?“—Тогда
спарець уводилъ его въ образную, распро-
спирался при немъ предъ Распятіемъ и
вѣщалъ: „и я испыталъ бури сердеч-
ныя! ихъ усмирилъ Искупитель, настав-
никъ мой и твой, если взыщешь благодань
Его!“ Норъ, безмолвствуя, смотрѣлъ на
знакъ Божественный и однажды возразилъ,
въ полголоса: „ему поклоняюся и наши
угнѣтатели; во имя его перзаютъ насъ и
проливаютъ кровь нашу! не вельщай мени,

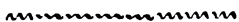
спарець: не промѣняю на Бога враговъ моихъ — Боговъ моего опечества!“

Держикрай. Онъ Богъ любви и милосердія: они безславяиць имя Его своими злодѣянїями; Онъ опвращаетъ опъ нихъ лице свое и не есть Богъ ихъ; но да оппустииць имъ грѣхъ ихъ; не вѣдаюиць несчастные, что шворяиць! пыжь не упорспвуй и узнай законъ Его.“

Норъ часпо бродиль по улицамъ великаго града, дивилься его великолѣпію, многолюдству и кипящей по всюду дѣяшельности. Однажды — въ день воскресный, шель онъ мимо Св. Софіи: изъ распвореннаго храма проливалось чудное пѣніе; любопышсно и нѣчто другое похожее на невольное благоговѣніе влекли юношу вспуиць въ соборъ; онъ очнуль въ немъ окруженный народомъ безчисленнымъ. — Служиль самъ владыка; Литургія совершалась со всѣмъ великолѣпіемъ, блескомъ и поржеспвенностию церкви Православной. Пѣніе — самая выпренняя, самая смѣлая служипельница Божія: оно глаголетъ языкомъ дивнымъ, свержеспственнымъ, громко возкликаетъ, воспаретъ въ небо и упоаетъ въ радужныхъ волнахъ и молніяхъ у подножія Неизрѣченнаго. Гласъ Священнаго, бурнаго лика пламенный, величеспвенный капицься, какъ рокопъ грома по хребтамъ горъ заоблачныхъ: онъ подобенъ духамъ безплотнымъ, славяиць Всевышняго въ странахъ неви-

димыхъ шрубою суда и жизни. — Но вдругъ раздалось смиренное, глубокое, пренепешное: „Господи помилуй!“ И тогда разпаяло въ долгомъ, медлишельно-исчезающемъ вздохѣ душа Норова. Служба кончилась; юный Еспъ задумчивый возвратился въ семью Держикраеву; домовишая хозяйка и ея дочери удалились, дабы угоповишь пиръ для дорогихъ гостей, родныхъ и ближнихъ своихъ. — Норъ оспался самдругъ съ своимъ благодыпелемъ и наконецъ сказалъ ему: „былъ я въ церкви, гдѣ вы Богу своему служите, и былъ въ изумленіи и не вѣдалъ, на небеси ли былъ, не вѣдалъ, на землѣ ли: ибо нѣтъ на землѣ такой красоны и благочинія! Во испину Богъ шамо съ вами пребываетъ! я же ни пересказашъ, ни забышь не могу вашего благочестія и дивнаго служенія Создапелю: кпо однажды вкуситъ сладкое, чуждаешся горечи: научи меня чудному закону вашему!“

Держикрай попомъ часто съ нимъ бесѣдовалъ объ высокихъ испинахъ Христіянства, а спусня два мѣсяца, былъ его воспріемникомъ при принятіи Святаго Крещенія.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Къ Иванову дню собрались въ Новгородъ войны Переславскіе; Ярославъ Всеволодовичъ поднимался въ походъ: посадни-

ки же все еще медлили, граждане все еще не вооружались. — Не рѣдко слышался ропотъ по спогнамъ; народъ казался недовольнымъ и встревоженнымъ. Юрій (такъ спалъ назывался Норъ, омовенный водою испуленія) нѣсколько разъ предспавлялся Князю и просилъ, да получить позволеніе возвратиться къ землякамъ своимъ, чшобы возвѣспить имъ насшупающую помощь великаго города: онъ слышалъ отвѣсы нерѣшительные, оставлявшіе его въ величайшемъ недоумѣніи; самая благосклонносшь къ нему Ярославова, казалась, уменьшилась. Держикрай сколько могъ упѣшалъ и поддерживалъ своего сына креспнаго: „другъ мой,“ говорилъ онъ ему, „помни слова Царя-Пророка: не надѣйпеса на князи, ни на сынове челоувѣческіе! возложи свою надежду на Всевышняго!“

Однажды ночью прибыли послы иногородные; остановились же послы не въ успроенной для ихъ припшія гостинницѣ, но въ дому Никифора Дурова, надмѣннаго посадника, всегдашняго врага власти Княжеской и рода Всеволодова. — До самаго разсвѣпа горѣли огни въ перему его, входили шуда и выходили Люди Жишые, именишые граждане, Тысяцкіе, Бояре Новгородскіе и госпи чужеспранные. Едва занялась заря и ударили въ набашь: бурныя волны народа хлынули со всѣхъ спороцъ и покрыли шор-

жище; собралось вече. Посадникъ открылъ оное слѣдующею рѣчью:

„Господинъ Князь Ярославъ Всеволодо-
 „вичъ и вы, мужи брагія, люди Новгород-
 „скіе! созвалъ былъ, Князь, въ городъ нашъ
 „своихъ рапниковъ Переславскихъ, а намъ
 „повѣдалъ: се прислали ваши данники, Чудь
 „и Ямь и Ливы къ вамъ по помощь на куп-
 „цевъ Рижскихъ и Рыцарей Нѣмецкихъ: ибо
 „плѣ гнѣшупъ ихъ и себѣ въ неволю обра-
 „щаюпъ и берупъ съ нихъ дани неправыя.
 „Слова же швои, Господинъ Князь, не
 „оправдился: не на Нѣмцевъ хопѣлъ былъ
 „идти рапю, но еще до прибытія Юрія
 „Норова, сына староспы Чудскаго, велѣлъ
 „прубишь въ походъ въ землѣ Переслав-
 „ской и въ обласпи Перемышлской и въ
 „спранахъ Низовыхъ: по повѣдали намъ
 „наши лазучики. А полкъ швой—на Пскови-
 „чей, нашихъ брапаничей, дядей и сродни-
 „ковъ: мы же шебѣ не выдадимъ нашей бра-
 „пни. — И не реки намъ: лживое на меня
 „возводите поношеніе! помнимъ мы, Го-
 „сподинъ Князь, какъ на Филипповъ поспѣ
 „пошелъ былъ изъ Новгорода во Псковъ и
 „хопѣлъ взять городъ ихъ лестію: Пско-
 „вичи же не впустили шебя и возвратился
 „бы и вѣщаль намъ и Преосвященному
 „Владыкѣ нашему: пошелъ, было, я во
 „Псковъ съ миромъ и любовію, хопѣлъ да-
 „ришь Псковичей и они меня избезчество-
 „вали; се днесъ на нихъ печалень и скорбень

„я. — Въ слѣдъ за тѣмъ, (ни кто еще ни
 „помышлялъ здѣсь объ Чудскихъ нашихъ
 „данникахъ), въ слѣдъ за тѣмъ, повпоряю
 „я, спалъ ты на войну готовишься. Мы
 „же видѣли мысль твою и потому не спѣшно
 „пворили твоего повелѣнія, Ярославъ Все-
 „володовичъ; и когда Псковичи на тебя за-
 „едино, убоявшись, съ Рижанами совоку-
 „пились, утвердились спояшь вмѣспѣ въ
 „единомыслии и пролишь другъ за друга
 „кровь свою, когда прибылъ сюда Норъ,
 „сынъ Индрика и ты извѣдалъ силу Пско-
 „вичей, нашихъ брашнѣвъ; тогда ты по-
 „слалъ къ нимъ Боярина, вѣщаючи: хотимъ
 „идти съ Новгородцами на Ригу; идите
 „съ нами! но и шупъ не опложилъ ты ко-
 „варства и пагубы нашихъ сродниковъ!—
 „Нынѣ услышь, что они опвѣспвуютъ
 „на твое посланіе!“

Въ продолженіи всей рѣчи посадника
 лице Князя измѣнялось: онъ по краснѣлъ,
 по блѣднѣлъ, опъ ярости его брови соеди-
 нялись, глаза сверкали, уста сжимались;
 нѣсколько разъ хотѣлъ онъ вспрянушь и
 сорвать крामольника съ холма Вадимова;
 но онъ зрѣлъ себя окруженнымъ буйною
 чернью, опдѣленнымъ опъ своей Переслав-
 ской стражи; вѣрной Бояринъ Теодоръ шеп-
 нулъ ему, что она частію обезоружена, ча-
 стію уже изшла изъ города и Князь пре-
 бывалъ на своемъ сѣдалищѣ. Главный по-

еоль Псковичей смѣнилъ посадника и обра-
шилъ слово къ Князю Новгородскому.

„Господинъ нашъ , Ярославъ Всеволо-
„довичъ , ты вѣдаешь, всѣ мы единое Ада-
„мово племя , и вѣрные и невѣрные; но и
„съ невѣрными не право безъ вины брань
„шворишь! Будемъ и съ ними жить въ мирѣ;
„только къ безвѣрію и беззаконію ихъ не
„приложимся: пусть узнають они наше
„жизніе , любовь и смиреніе и придуть въ
„богоразуміе и всѣ спасены будемъ благо-
„данію Христовою и Пречистой Его Ма-
„тери! А ты Князь, столь мудрый и бла-
„гомысленный , велишь намъ воевать Ри-
„жань, насъ ни чѣмъ необидившихъ!“ —

„Вы мѣъ ругаетесь , измѣнники!“ во-
екликнулъ Ярославъ , побѣжденный негодо-
ваніемъ. „Вы мѣъ за то дорого заплащете!
Мужи Новгородскіе, или потерпите, ашобы
здѣсь союзники враговъ моихъ сыпали хуле-
нія на Князя вашего?“ — Тысяцкій Ивачъ
Смѣлый прервалъ гнѣвнаго : „Мы служимъ
Пречистой Богородицѣ, Господинъ Князь,
и другъ за друга главы свои складываемъ!
Вамъ, Князьямъ, кланяемсл; но съ браніею
своею, съ Псковичами, живемъ мирно: нынѣ
Псковичи не хотяшъ съ побой на Ригу
идши рашію ; и мы, Князь, нейдемъ; разпу-
спи свое воинство; не промольспвуй на
нашихъ сродниковъ!“ И въ одинъ го-
лосъ все шержище повторило : „нейдемъ
на Ригу! распуспи свое воинство!“

Тогда Князь безгласный, смущенный, пререпащущий отъ негодованія, оставилъ шумное вече. Въ лицѣ Юрія Новгородцы почтили посла иноспраннаго: никто не обидѣлъ его ни дѣломъ, ни словомъ, и онъ безъ препяпспвія вступилъ въ домъ своего госпепрїимца.

Всѣ надежды несчастнаго юноши были разрушены: кто опишетъ его опчаяніе? Оно превышало всякую мѣру; слово человѣческое слишкомъ слабо, дабы изобразить его; но слово Божественное, утѣшенія вѣры не дали совершенно пастъ душъ злополучнаго. — Скажемъ мимоходомъ, что въ Посадникѣ и въ Тысяцкомъ, сокрушившихъ всѣ его упованія, онъ узналъ двухъ изъ шѣхъ мужей, копорыхъ при началъ своего пребыванія въ землѣ Русской однажды заспалъ бесѣдующихъ съ Держикраемъ и копорыхъ немилость къ себѣ могъ бы уже тогда узнать изъ ихъ поспѣшнаго удаленія. Держикрай давно уже предчувствовалъ неудачу, грозившую его юному другу; но онъ еще надѣялся и по сему, хотя не увѣщевалъ его бытъ гошовымъ ко всему, не открывалъ ему своихъ опасеній.

Вечеромъ услышали въ городѣ, что прибыли къ Князю гонцы и увѣдомили его о насильствахъ, учиненныхъ Псковичами его подданнымъ, жившимъ между ними, услышали, что Ярославъ еще разъ совѣщался съ старщинами Новгородскими; но не

успѣлъ преклонить ихъ и выѣхалъ въ Переславской удѣль свой.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Осень наступила; жатву съ окрестныхъ полей уже убрали; уже дикіе гуси проносились длинными станицами надъ Новымъ-городомъ опъ озеръ Онежскаго и Ладожскаго и опъ моря Бѣлаго; листья на деревьяхъ рѣдѣли и цвѣтъ ихъ измѣнялся: Юрій спалъ посковашъ по опечествѣ; но рыбаки Русскіе все еще не опправлялись на зимній промыселъ къ берегамъ Пейпуса. И для Руси настало время грозное: языкъ незнаемый, о коемъ никто не вѣдалъ, кто онъ и откуда, племя, къ которому примѣняли древнее пророчество, вѣщающее: „въ концѣ лѣтъ и время изыдутъ изъ „пустыни варвары и поплѣнятъ всю землю „опъ Востока до Сѣвера и до моря Понтийскаго;“ люди спраннаго лице-начертанія, неукротимые въ набѣгахъ, страшные въ самомъ бѣгствѣ, безчисленные, какъ пучи пругъ, ниспадающихъ на ниву грѣшника, словомъ—Татары явились близъ рубежей Русской области. Ихъ первое нашествіе минуло: холмы и долины, омываемые Калкою намокли кровію Россіянъ, обитателей странъ полуденныхъ; Князья ихъ или пали на полѣ бшвы, или плѣнные

считали жизнь въ неслыханныхъ мученіяхъ; но Сѣверъ и Воспокъ по сю пору только по [слуху знали несповыхъ и — (ослѣпленіе непонятное!) ослабѣвали въ междуусобіяхъ. Нынѣ же Тапары снова ворвались въ Православную землю и череда гибели уже наступила и для Княжесивъ, лежащихъ къ полуночи: брагъ Ярославовъ, Великій Князь Суздальскій, принялъ вѣнецъ мученической; до него погибли Князья Рязанскіе, Муромскіе, Пронскіе и во Владимірѣ все семѣисиво его. Недоумѣніе, страхъ и трепещъ нашли на всѣхъ и поглотилася премудрость могущихъ и сердца крѣпкихъ преложились въ слабость женскую. Вся земля исполнилась ужаса. Полчища злодѣйскія разрушили Дмитровъ, Переславль, Тверь, Торжокъ и се уже двинулись къ Нову городу. Испоріи принадлежишь повѣсивованіе о незапномъ и чудномъ опспупленіи Батшы опъ спѣнь Богомъ хранимаго града.

Юрій еще находился въ ономъ при распространеніи первыхъ слуховъ о приближеніи варваровъ; и сіи слухи замедляли опъѣздъ промышленниковъ и его опбыпіе въ Еспонию, куда спремился онъ въ мечпахъ мучительныхъ, да умрещъ, по крайней мѣрѣ, участникъ покушеній великодушныхъ соопчичей.

Что происходило между тѣмъ въ спрацѣ Запейпусской? — Нѣсколько мѣсяцевъ заговорщики умѣли сокрышь свою тайну опъ

подозрѣній Убальда и его подручниковъ: по мало по малу смала доходить до него смущенная молва объ ихъ сходбищахъ, объ ошлучкахъ шарѣйшинъ деревень ему подвласпныхъ. Кромѣ того между Нѣмцами и Лашыщами распространился и вскорѣ подтвердился слухъ, что Кудесникъ холма Авиньромскаго никто иное, какъ Адо, считавшійся доселѣ убитымъ вождь Еспанскій. — Какъ скоро Рыцарь въ томъ увѣрился, онъ преспаль спрассишься того, въ комъ предполагаль грознаго, могущаго волшебника, но позналь врага побѣжденнаго. — Наконецъ онъ открыль градище Лоресарское, провѣдалъ объ назначенномъ тамъ сборищѣ, дождался въ засадѣ прихода тайныхъ идолопоклонниковъ, соорудившихъ въ сей дебри истуканы свои и пришедшихъ новыхъ шуда для жертвоприношенія; выскочиль при самомъ началіи ихъ обрядовъ; перваго Сура поразиль на смерть дрошикомъ и полониль прочихъ, безоруженныхъ незапнымъ ужасомъ, не вѣрившихъ глазамъ своимъ, что среди сонма своего видяшь грозный гребень шишака, бѣлый плащъ и вышитые на немъ крестообразно красные два меча кавалерскіе. Въ числѣ несчастныхъ плѣнниковъ находился и Адо, въ жреческомъ облаченіи, совершавшій приношеніе. — По обыкновенію того времени, продолжавшемуся въ опечесствѣ Лашышей Курскихъ даже до самаго ихъ приятія подь Россій-

ское подданство, посреди каждого двора Рыцарскаго находились плаха и шопорь; каждый помѣщикъ, не опносясь ни къ кому, могъ безъ всякаго суда предавать смерни любаго своего подданнаго, навлекшаго на себя его негодование. — Предъ замкомъ Убальда пески Лагузскіе испили кровь главныхъ заговорщиковъ: главы ихъ были восхищены на копыя и выставлены предъ вѣздомъ въ ипѣ селенія, въ коихъ они прежде начальствовали; ихъ сродниковъ иيرانъ повелѣлъ повѣсипъ на деревьяхъ въ лѣсу Авиндромскомъ. Однаго Адо сберегъ безчеловѣчный, да предаспъ вѣдуна и жреца идоловъ пылающему костру по приговору духовному. — Предсѣдателемъ суда, долженствовавшаго рѣшипъ участь злополучнаго, былъ Доминиканецъ, Пріоръ Дерпшскаго, Маріинскаго монастыря: онъ тогда находился въ Ригѣ при дворѣ Епископскомъ: вопъ, что замедляло казнь Адову. Заутро по плѣненіи отца ея, Мая ждала, ждала и не дождалась прибытія родителей; вмѣсто его явились лашники Лашышскіе, схватили ее и повлекли къ жестокому повелителю. — Къ счастью сорникъ ихъ былъ юноша, который до нашествія Нѣмцевъ еще младенцемъ пользовался однажды въ сопровожденіи своего отца гостепріимствомъ Адовымъ. — Михайлъ — такъ назывался онъ теперь — знавалъ Маю еще въ пеленахъ; теперь урѣлъ ее слова совер-

Мнемозина. Часть I. 10

шенною, прелесною дѣвою. — Сердце его воспылало незанымъ пламенемъ: онъ рѣшился спасти ее. — Воины прибыли въ Логузъ: Михайль предсналь лицу своего власпипеля и вѣщаль ему, указывая на плѣнницу: — „Милосердый Господинъ, въ Тормскомъ бою я дважды опбилъ събирю Еспонскую, несшую тебѣ смерть; сопровождая тебя на ловипву, мнѣ удалось удушить подшубнаго спарца, (*) огромнаго медвѣдя, уже спащившаго тебя съ коня; шы мнѣ погда благоволилъ сказаць: если чего пожелаешь, Михайль, опъ меня смѣло пребуй! — И вопъ настала пора, Государь мой; я узналъ желаніе: пощади сію дѣвицу, не казни ее; но выдай ее за меня, за шво его слугу вѣрнаго!“

Зима жизни, суровая спарость уже убѣляла власы Убалда; онъ съ своего девятаго надесяшь года находился въ полку неискусобрачныхъ Випязей, воипелей Христовыхъ; но онъ осквернялъ санъ свой, ежедневно нарушалъ клипву, налагающую на него цѣломудріе иноческое и разливался распуспвомъ. — Вѣнхій сласполюбець взглянулъ на Маю и кровь его взволновалась; но онъ Михайлу рекъ съ улыбкою: „Мой другъ, сія невѣрная ненавидитъ нашъ божеспвенный законъ: шы самъ еще не давно упвердился въ немъ; спрашусь,

(*) Названіе, которое по сю пору многія Финскія племена дають медвѣдю.

да не вовлечешь себя въ опсупленіе, въ грѣхъ, ни чѣмъ неискупимый! — Я швой воспріемникъ; я предъ Богомъ опвѣчаю за душу швою и не могу согласишься шопть часть на бракъ вашъ! Но жизнь ей дарую: пусть она пробудеть въ замкѣ моемъ; мой духовникъ обратишь ее въ вѣру истинную: потомъ она будетъ шобѣ женою!“

Михаиль повялъ своего власшишеля, успремилъ на него взоръ пылающій, принудилъ его пошупить приспыженныя очи и въ душѣ поклялся ему въ непримиримой ненависти; но прикрылъ на время ярость свою личиною покорности.

Между шѣмъ Мая находилась во власти изверга: онъ съ начала былъ увѣренъ въ легкой, неминуемой побѣдѣ; но неожиданно вспрѣпилъ опчаянное сопротивленіе. — Гнѣвъ и вождѣленіе по премѣнно волновали и дѣлили перси Убальда: онъ шю грозилъ своей плѣвищѣ, шю пресмыкался предъ нею; но всегда встрѣчалъ равнсе презрѣніе. Наконецъ онъ ей предложилъ свободу опща наградою за ея посрамленіе. — Тогда злополучная смушилася. — „Убальдъ!“ сказама она: „я принадлежу моему родишелю: веди меня къ нему!“ — Ихъ свиданіе было ужасно: она заспала несчастнаго шпарца, неукропимаго сына вольности въ глухомъ, смрадномъ погребѣ, обремененнаго оковами. — Когда узналъ Адо для чего предъ

нимъ дочь его — онъ ее обнялъ, впервые въ жизни зарыдалъ и вѣщалъ, лобзая руки ея: „дѣтя мое! ты оказала силу, превышающую полъ швой! Признаюсь, я считалъ тебя уже погибшею для чести! Будь шверда! Своимъ безславіемъ не спасешь меня: умри свободною, числою моею дочерью!“

Ихъ бесѣду подслушалъ Михаилъ: онъ видѣлъ, какъ шюремщикъ, его дядя, привелъ дѣвицу и предложилъ ему проводить ее обратно къ Убальду; сей, зная благосклонность къ нему Рыцаря, безъ затрудненія согласился и оставилъ племянника у входа темничнаго. — „Ты не умрешь, великодушная!“ воскликнулъ онъ, врываясь къ нимъ: „во что бы ни спало, спасу тебя! — Дождись моего возвращенія!“ — Съ сими словами, онъ снова бросился вонъ изъ подвала и въ два мига возвратился мужскою одеждою. — „Теперь ты свободна, дѣвица! Кафтанъ сей обратишь тебя въ опрока — никто не узнаетъ тебя!“ сказалъ онъ ей.

Мая. Избавь моего родителя! Не помышляй обо мнѣ, юноша!

Михаилъ. Твой отецъ шремя толстыми желѣзными обручами въ обхватъ прикованъ къ стѣнѣ; наши соединенныя усилія не сломятъ ихъ. Скорѣе тебя, его открываютъ при выходѣ!

Мая. Еще разъ молю тебя: не помышляй обо мнѣ! Будь его хранителемъ! — Знаю швою милость ко мнѣ. Злополучная,

не могу опвѣчать на любовь твою: мое слово дано: ни за что не измѣню ему! Оставь меня, великодушный юноша!

Михаилъ взглянулъ на прекрасную; его взоры шемѣли и сверкали; онъ гофовъ былъ удалиться: наконецъ сказалъ ей прешущимъ голосомъ: „найди средства избавишь своего родителя; вѣрь, во мнѣ найдешь помощника! Жизнь его на два, на три мѣсяца обезопасена: его долженъ судить Пріоръ Дерптскій, которій возвратился изъ Риги не прежде, какъ при наступленіи зимы! Ищи друзей и покровителей въ Россіи!“ — Мая еще долго упорствовала; долго еще заклинала его предпочесть ей родителя: увѣщанія и просьбы Михайловы, — просьбы, приказанія самаго Ада въ первый разъ на нее не дѣйствовали; она только тогда рѣшилась изыдти за своимъ избавителемъ, когда убѣдилась, что нѣтъ другаго средства спасти старца.

Она опомнилась на берегу озера: Михаила уже предъ нею не было. Долго стояла она бездыханна, прешна; наконецъ пошла вдоль по Пейпусу и въ полночь узрѣла Неналь и рыбацьи суда Русскія. Полновѣсный кошелекъ, подарокъ Михаила, которій нашла въ своемъ карманѣ, чрезъ три дня доставилъ ее въ Новгородъ. Не зная языка, она не могла обыскать Юрія и уже, бытъ можетъ, начинала думать, что въ узахъ какой нибудь прекрасной Русачки онъ

забылъ и несчастное опечеснво и бѣдную
Маю.

*****

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Однажды за городомъ при попухающей
зарѣ вечерней Юрій сидѣлъ на склонѣ по-
капыхъ береговъ Волхова и задумчивый слѣ-
довалъ глазами за его печеніемъ. Давно
уже не говорилъ онъ языкомъ своей ро-
дины, давно уже звуки онаго не ласкали
слуха юноши; нынѣ въ уединеніи напѣвалъ
онъ заунывную пѣснь Еспанскую:

На берегу чужой рѣки
Одинокъ поскую;
Грустно въ дальной сторонѣ
Воду пить чужую! —

* * *

Ахъ! за чѣмъ я не соколъ?
Полетѣлъ бы къ милымъ!
Въ ихъ дремучіе лѣса,
Къ ихъ холмамъ унылымъ! —

* * *

Въ тѣ мѣста, гдѣ злой пришлецъ!
Зришь, смѣясь, ихъ слезы;
Гдѣ одна глухая ночь
Слышишь ихъ угрозы! —

* * *

Полетѣлъ бы я туда,
 Къ нимъ, къ роднымъ въ объятья! —
 На пришельцевъ бы воспалъ!
 Съ вами бѣ умеръ, братья!

Едва онъ кончилъ послѣдній стихъ
 своей жалобы, какъ вдругъ поразилъ его
 голосъ знакомый и сладостный; онъ про-
 неся надъ водами, какъ невидимый духъ,
 какъ въперокъ, спрующій зеркало ручья
 ему знакомаго, какъ пугающая душа плѣ-
 неннаго Опечесова:

На берегу чужой рѣки
 Ты почто поскуешь?
 Норъ, воздвигнись! пошеки!
 Вспомни край родимый!

* * *

Чпо ты медлишь, храбрый Норъ?
 Нась пришлецъ терзаетъ!
 Варваръ долы, лугъ и боръ
 Кровью напояетъ!

Юрій вскочилъ, озирается, рукой ка-
 сается чела и очей, не знаетъ, спишь ли
 или бодрствуетъ; но онъ еще разъ успре-
 мляетъ взоры: предъ нимъ прекрасный
 юноша, по одеждѣ его соопечесивенникъ;
 мягкіе, черные, какъ смоль, локоны пада-
 ютъ на рамена изъ подъ круглой синей ша-
 почки, плотно касающейся главы его; тем-
 ный кафтанъ опоясанъ широкимъ ремнемъ,

украшенный большими серебряными пряжками; шея блестящей бѣлизны открыта; грудь плотно застегнута; ноги покрыты обувью изъ коры древесной. — Въ преній разъ Юрій всматривается въ юношу и узнаетъ его: предъ нимъ Мая, дочь Адова!

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Юрій привелъ своего друга въ домъ Держикрая; повѣдалъ ему и вмѣстѣ съ нимъ оплакалъ жребій своего отца; сказалъ опасноснѣе, въ которой находится отецъ Маина и объявилъ, что, не медля, отправляется въ Логузь для его избавленія. — „Благословляю тебя, сынъ мой!“ вѣщаль ему старецъ. — „Иди, куда зоветъ тебя долгъ твой! выслушай меня: Богъ послалъ тебѣ неожиданныхъ союзниковъ. — Хищный сосѣдъ нашихъ опдаленныхъ волосней Шургасъ, Князь Мордовскій учинилъ, какъ знаешь, набѣгъ на страну нашу; нашимъ вишязямъ удалось одолѣть его; онъ отступилъ и съ своею дружиною побѣгъ въ землю Ямскую. Ямъ сопредѣльна вамъ; иди въ спланъ народа, говорящаго съ вами языкомъ для васъ понятнымъ, народа вамъ одноплеменнаго; прельсти вождя ихъ богатствами замка Убальдова; убѣди его освободить отца Маина!“

Восходящая заря застала Юрія и по-
другу его на пупи въ спань Пургасовъ.

Между тѣмъ въ Логузѣ царствовало
веселіе: Рыцарь угощаль Пріора Дершип-
скаго, возвратившагося изъ Риги, пріѣхав-
шаго гостипи къ нему.—Сосѣдспвенные дво-
ряне и братья Ордена сѣхались въ замокъ
Убальдовъ; вино, медъ и пиво лились рѣкою;
рисканище для турнировъ открылось; храб-
рые состязались; побѣдители получали на-
грады изъ рукъ красоты, боярышни Адела-
иды Анрепъ, племянницы Рыцаря, прибыв-
шей въ Логузъ съ своими родителами. —
Залешный посѣпитель—пѣвецъ явился въ
сонмѣ неукротимыхъ воиновъ и на мигъ
смягчилъ желѣзные души ихъ; даже Убальдъ,
казалось, забылъ свирѣпость свою и опло-
жилъ судъ и казнь несчастнаго Адо къ самому
опѣзду настоятеля; или, можетъ быть,
считалъ ихъ лучшимъ празднествомъ, дол-
женствующимъ возложитъ вѣнецъ на всѣ
прочія и для того берегъ для окончанія. —
Однажды Рыцари, боярыни и боярышни
собрались въ сумрачномъ перему и обспали
пѣвца-спранника; рожденнаго при благо-
словенныхъ водахъ Некара. — Юноша хо-
пѣлъ имъ воспѣшь любовь и счастье; но
его волновало смущное предчувствіе: Поепъ
всегда пророкъ. — Въперъ завываль и
пыль въ высокихъ шрубяхъ замка; облака
преждевременно попустили свѣтильникъ
солнца и помный день; проливавшійся

въ оспроконечныя, покрышыя живописью окна — превратился въ блѣдное мерцаніе; чудно выспавляли изъ мрака лики свои предки Убальдовы, вызванные изъ гроба дикою кисью младенчеспвующаго художника: они, казалось, хопѣли провѣщипсья языкомъ инаго міра; всеоружія, висѣвшія между сими изображеніями, въ невѣрномъ свѣпѣ, являлись, будпо вмѣщаюпѣ ожившія, дышущія пѣла богапырей минувшаго времени, гошовыхъ шагнупѣ въ среду веселящихся попомковъ своихъ.— Невольная боязнь прокралась въ сердца всѣхъ: пѣвецъ долго безмолвспвоваль; наконецъ нѣсколько рѣзкихъ, угрожающихъ чѣмпѣ звуковъ предвѣспили голосъ его; глава его склонилась на перси, снова подъялась; вдохновенные очи вспылали; воспоргъ и ужасъ подъяли власы его.

Душа моя полна болзни!

Однажды долгу измѣнивъ,

Злодѣй не минетъ поздней казни:

Судъ Божій справедливъ!

* *
*

Пусть былъ рѣшителемъ сраженій,

Высокой башней среди сѣчь:

Вдругъ сломится, какъ ледъ весенній,

Въ его десницъ мечъ!

* *
*

Какъ жашву зрѣлую, Каратель

Пожнетъ главы его друзей;

Ихъ жизнь невѣдомый предашь
 Погубишь въ цвѣтѣ дней!

* * *

Увы! почто пѣвецъ оставилъ
 Твои струи, родной пошокъ?
 Почто въ чужбину пушь направилъ?
 Я рабъ твой, грозный рокъ!

* * *

Дѣля безопасно хлѣбъ надмѣнныхъ,
 Смиранный дѣлитъ жребій ихъ, —
 Судьбу на гибель обрѣченныхъ,
 Возданье дѣль чужихъ!

Вдругъ струна на арфѣ лопнула: онъ
 вспрынулъ блѣдный, шрепешный; въ слѣдъ
 за нимъ, объяшые быспрымъ спрахомъ,
 вскочили вишязи, боярыни, боярышни.

~~~~~

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Вверхъ по крыльцу, за высокими спе-
 клянными дверьми, незапно услышали вопль,
 спукъ и грохошь оружія. — Рыцари не
 успѣли обнажить мечи, какъ уже вшор-
 глась густая толпа Пургасовыхъ дикихъ
 воиновъ и мяшежные подданные Убальда:
 ихъ вожапыми зрѣлись Юрій, Мая, Ми-
 хаиль, исчезнувшій изъ замка въ день ос-
 вобожденія дочери Авинѣромскаго пустын-
 ника и ужасный Адо, обезображенный

полугодовымъ започеніемъ, вооруженный попоромъ и оборвью оковъ своихъ. — Первый палъ пѣвецъ, пораженный самимъ Пургасомъ: думалъ ли попомокъ Кацшповъ, возросшая среди виноградниковъ своей опчизны, что погибнетъ опъ сѣкиры уроженца Приволжскаго? — Михайлъ успремился на Убальда: ихъ чингалища взвились и звукнули; Лешпъ, произивъ перси своему наспавнику въ военномъ дѣлѣ, былъ имъ произенъ въ попъ же михъ въ перси же: оба пали; Михайлъ испуспилъ послѣднее дыханіе; Рыцарь возспеналь, но жизнь его еще не покинула. — Адо повергъ на землю обмирающаго опъ ужаса наспоятеля: вдругъ, кто-то опвелъ смертоносный ударъ его; онъ оглянулъся яроспный и узрѣлъ Юрія; всмопрѣлся въ него, обьяпъ изумленіемъ, но снялъ съ прпецущаго инока шуйцу, которою придавилъ его къ помоспу, гошовясь исхишптъ жизнь его. — „Сдайспесь!“ попомъ воскликнулъ юноша: „сдайспесь, мужи Саксонскіе! Сопропивленіе бесполезно: вы и ваши рапники въ десяперо слабѣ насъ! опвѣчаю вамъ головою, что ваша жизнь, что Chesъ женъ и дочерей вашихъ будущъ для насъ священными.“ Рыцари бросили мечи къ ногамъ Юрія: Мордва окружила безоруженныхъ. — Пургасъ подошелъ къ сыну Сурову: „Какъ смѣешь, дерзскій опрокъ, ручашься имъ за сохраненіе жизни; едншвенно опъ моей

воли зависящей? — спросил онъ его дрожащимъ опъ бѣшенства голосомъ. — „Государь милосердый!“ отвѣщивовалъ Юрій: „я радѣлъ единственнно о лвоей пользѣ; сіи иноплеменники владѣюпъ сокровищами несмѣшными; выкупъ, который внесупъ за себя, обогатишъ весь родъ швой! Прости слугу своего, что не предупредилъ себя, что не узналъ заранѣе швоего хошѣнія!“

„Ты человекъ мудрый!“ отвѣщивовалъ разбойникъ: „я доволенъ побой!“

„Пургасъ!“ прервалъ его Адо: „исключи изъ общаго выкупа монаха и злодѣя Убальда: дай мнѣ напишья крови ихъ!“

Пургасъ. Здѣсь мнѣ никто законовъ не предписываетъ: спарикъ, для себя я прошелъ лѣса Ижорскіе и Ямскіе; швол казнь была уже назначена! Прими признашельный милость мою: судьбу же сихъ рабовъ — я рѣшу!“

Помощъ онъ подошелъ къ мертвому Михаилу и ногою пулъ шрупъ его. „Ешопъ невѣрный домошадецъ Господина своего приля заслуженное возмездіе: онъ первый встрѣшилъ насъ въ бору Авиноромскомъ и возвеселился о гибели своего благодѣшеля; онъ провель насъ пушьями шайными; онъ ввель насъ сюда на собшвенную смерть: если бы не наказалъ его булапъ Убальда, а бы велѣлъ его повѣсинш на первой соснѣ, въ примѣръ и въ ужасъ всѣмъ предане-

лямъ!“ — Пургась при сихъ словахъ вышелъ, велѣлъ разсадить плѣнниковъ по подваламъ замка и вынести всѣ сокровища владѣтеля.

Испуганная Мая долго смопрѣла во слѣдъ свирѣпому; потомъ преклонила колѣна предъ пирупомъ злополучнаго юноши и облобызала его охладѣвшія руки: съ помощію своего опца и Юрія она его вынесла. Въ полночь Мая, Адо, Юрія на берегу озера, предали плѣнію плѣло своего благодѣтеля.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Опець, дочь и обрѣченный сынъ его возвращались въ Логузъ, шумный опъ буйной радости упоенныхъ побѣдителей. — Вдругъ Адо спалъ и вѣщаль Юрію: „я понимаю, Норъ, почему ты удержалъ надъ монахомъ мщительную длань мою: тебѣ недовольно смерти его и злаго Убальда; ихъ казнь должна быть мучительна! — Но погаси во мнѣ послѣднее сомнѣніе: ты власпень надъ душою Пургаса: клянись, что убѣдишь его предать мнѣ враговъ моихъ; клянись спрашнымъ именемъ Юмалы!“

Юрій. — Клянусь Святымъ именемъ Христа Спасителя, что служитель его, хотя недостойный своего священнаго сана, будетъ невредимъ и цѣлъ, что ни одинъ

власть на главѣ Убальда не погибнешь, пока я дышу еще!

Адо. — Маперь Земля, поглоти меня! — Норъ измѣнилъ своимъ Богамъ и Опечеспву!

Юрій. — Нѣпъ, нѣпъ, Адо! я не измѣнилъ, вовѣки не измѣню моему несчастному Опечеспву: ему принадлежишь до послѣдней капли вся кровь моя! — Но я позналъ Бога истиннаго: его заповѣдь гласитъ: любите враги ваши! — Вооруженнаго угнѣшателя моихъ брашнѣвъ смѣло вспрѣчу лице къ лицу въ сраженіи; безоруженный, онъ найдетъ во мнѣ заспунника; проспи меня, Адо! онъ найдетъ во мнѣ заспунника даже прошивъ опца Маина. — И ты, спарець! надѣюсь на Господа: и ты нѣкогда познаешь Божеспвенный законъ Его; швоя великая душа непремѣнно должна наконецъ постигнуть его святоспъ!

Адо хотѣлъ негодовать на Юрія: но вдохновенное лице юноши пролило въ него невольное, непонятное нѣкое благоговѣніе.

Юрій былъ посредникомъ между Пургасомъ и его плѣнниками; они выкупились, и, оставляя замокъ, дали кляшвенное обѣщаніе сыну Индрика щадить своихъ подданныхъ: спанемъ вѣришь, что большая часть исполнила оное, ибо люди вообще лучше, нежели обыкновенно думаютъ. — Убальдъ Логузь умеръ отъ полученной раны: въ послѣднее мгновеніе разкаяніе терзало

его: кончина преступника пролила шрепешъ въ сердце Доминиканца, друга его, и сей попомъ примѣрнымъ, спирогимъ жишнємъ привелъ въ забвеніе свои прежнія заблужденія. Мордва съ богапою добычею возвратилась въ степи Приволжскія, а съ нею удалилась и большая часть прежнихъ подданныхъ Убальда: тщетно Юрій вызывалъ земляковъ и удалыхъ ихъ одноплеменниковъ воздвигнувшись войною на Нѣмцевъ и освободивъ Естонию; первые пали духомъ повторенными неудачами, вторые жаждали объясній женъ и дѣшей своихъ, давно уже ими покинутыхъ.

Адо долго оставался въ недоумѣніи; онъ сегодня хотѣлъ бѣжать въ Мордву, на другой день не могъ рѣшиться на разлуку съ опчиною и говорилъ, что здѣсь останется при гробѣ Тіо, вѣрной жены своей на спрахъ снова повергнувшись въ узы Саксонскія: всего позже и по долгомъ, упорномъ сопротивленіи, побѣжденный наконецъ слезами Маиными, онъ далъ жениху ея слово съ нимъ искахъ приюща въ Новѣгородѣ, въ ненависномъ ему Новѣгородѣ, ибо его обитателей онъ называлъ обольстителями любимца души своей.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Между пѣмъ наступила уже зима, когда Адо съ дочерью и Юріемъ отправился въ

Новгородъ: Пейпусъ превратился въ огромное зеркало; сани ихъ вихремъ мчались по звонкому льду; бѣлыя облака надъ ними пролетали. Они прибыли въ великій городъ и Адо распался съ Юріемъ. — „Жить въ дому Держикраевомъ не могу!“ говорилъ онъ ему: „мнѣ пропивень лукавый спарикъ; онъ опорвалъ шею опъ сердца моего; шею осуждашь не хочу: но дочери моей не бышь пвоей женою!“ При послѣднихъ суровыхъ словахъ измѣнялъ ему голосъ: онъ на прощаніе крѣпко пожалъ руку того, кого привыкъ считать сыномъ, и съ Маею поселился въ небольшомъ загородномъ домикѣ, копокупилъ за деньги, спяжанныя имъ когда-то опъ Дашчанъ, обитателей Талины, названной Нѣмцами Ревелемъ: сн деньги вырылъ онъ изъ земли, куда сохрылъ при нашеспвн меченосцевъ.

Креспный отецъ Юрія принялъ его радостно, упѣшалъ, сколько могъ, велѣлъ ему уповать на Бога и часпо говаривалъ: „не горюй! перемѣлился рожь, мукою будешь!“— Между тѣмъ Мая груспила, и отецъ, глядя на нее, кручинился: наконецъ опъ печали и пренесенныхъ трудовъ, насилій и гореспей, онъ слегъ и занемогъ шяжкой болѣзнію, копорая при самомъ началѣ лишила его чувспвъ и памяти. Едва Держикрай узналъ о недугѣ спараго Еманда, какъ спалъ за нимъ ухаживашь вмѣспѣ съ Юріемъ; зная средспва врачебныя проспья, но дѣйсшви-Мнемозина. Часть I. 11

пельныя; онъ вскорѣ доставилъ ему облегченію, бредъ покинулъ больного, но за нимъ послѣдовала крайняя слабость. — Однажды у одра спраждающаго Держикрай въ полголоса бесѣдовалъ съ Юріемъ объ испинахъ Свяшой вѣры нашей; онъ считалъ Адо спящимъ. — Онъ рассказывалъ своему пипомцу объ Святыхъ Спраспоперцахъ Христовыхъ, объ ихъ швердоспи въ испианіяхъ и среди мукъ; объ прощеніи обидъ; раскрылъ Писаніе, которое сопровождало его повсюду и даже въ домъ язычника и спалъ чипашъ ему спраспи Спасителя по Евангелію опъ Свяпаго Машея. — Мая довольно уже разумѣла языкъ Русскій; она сидѣла на полу у подножія ложа своего родителя: сильно возволновали ее стихи: *Прискорбна естъ душа моя до смерти. — Отге мой, аще возможно естъ, да мило идетъ мене гаша сія: обате не яко азъ хощу, но яко же ты;* она взрыдала, когда услышала: *тогда цгеницы вси, оставльше его, бѣжаша.*

Адо вспрепенулся; Держикрай закрылъ Писаніе.— „Что не продолжаешь?“ спросилъ его тогда больной: „я не спалъ; я слушалъ тебя!“ — Адо выздоровѣлъ; вставъ съ одра, онъ спалъ примѣчашъ глубокую задумчивость во всѣхъ чертахъ Машныхъ — и не попка любви помила ее; она снова была счастливою невѣстою Юрія; дочери Держикраевы уже своими пѣснями нерѣдко при-

водили въ краску дѣвицу, пророчествуя ей близкое празднество брачное.

„Родитель и Господинъ мой!“ — наконецъ она опвѣчала спарцу на вопросы его: „дозволь мнѣ умыться водою искупленія; давно уже въ шайнѣ исповѣдую Спасителя! Да присоединюсь къ спадѣ Божественнаго Пастыря!“

Адо не опвѣчалъ ни слова, но вышелъ и велѣлъ ей за собою слѣдовать. — Робко дѣвица шла за спругимъ опцемъ своимъ: но не колебалася; она гопова была умереть за сладостную вѣру Иисусову. — Они всступили въ домъ Держикрая. — „Спарикъ!“ — всступая, вѣщаль Адо хозяину: „пы опъяля у меня дочь мою, мое единственное дитя, мое послѣднее утѣшеніе: но се возми ее, она швоя; омой ее водою крещенія; и я понялъ и на сердце согрѣлъ слова вашего учителя: *любите враги ваши!*“ — Адо въ первый разъ по своемъ прибытіи въ Новгородъ пресступилъ чрезъ прагъ дома Держикраева и уже хопѣлъ одинъ, безъ Май, возвратиться въ сирое свое уединеніе; но вдругъ остановился, пожалъ руку изумленному спарцу и едва слышно изрекъ ему: „Но нѣтъ, отецъ Юрія! ты не врагъ мой!“ — Потомъ закрывъ лице руками, онъ вышелъ; Держикрай проводилъ его до дому. — На другой день Мая въ Святомъ Крещеніи назвалась Маріею; на шрепій былъ дѣвичникъ ея брака съ Юріемъ и сѣнныя дѣ-

вушки пѣли ей между прочими свадебными нѣснями:

Что ты, Машинька, призадумалась?

Что, голубушка, пригорюнилась?

Ахъ! пришла пора тебѣ, Машинька,

Пора бросить жипье дѣвичье,

Расплести свои косы черныя,

Домъ покинуть роднаго бопоюшки!

Не за тѣмъ ли ты пригорюнилась?

Не на по ли, свѣтъ, призадумалась?

Молодицы ошѣвчали краснымъ дѣвушкамъ:

Ужь! вы дѣвицы, вы запѣйницы,

Вы, головушки неразумныя!

Что вы шупите надъ невѣспою?

Что смиренницу въ краску вводите?

* * *

Вы за чѣмъ сами льете олово?

Пѣпуха овсомъ за чѣмъ кормите? —

За воропа тѣ, за широкія,

Вы за чѣмъ вечеръ выбѣгаете?

* * *

Имя молодца за чѣмъ просите?

„Разскажи ты намъ, добрый молодець!

Какъ зовешься, сударь, по имени?

Какъ по опчеству, сударь, кличешься?

Прошелъ день, прошла недѣля, другая и мѣсяць и еще мѣсяць: Марія была счастливою женою Юрія; отецъ навѣщалъ ихъ;

часто звалъ къ себѣ и наслаждался ихъ благополучіемъ. Въ Держикраѣ, казалось, воскреснулъ для него другъ его Сурь: и Держикрай былъ ошцемъ его Нора, котораго однако же долго не могъ привыкнутьъ называть Юріемъ. — Недавно Князь Ярославъ Всеволодовичъ въ прешій разъ возвратился въ Новгородъ: онъ не забылъ вражды своей къ Нѣмцамъ; нынѣ обстоятельствва ему благоприятствовали; онъ объявилъ имъ войну и его дружина Переславская, войско Суздальское; полки Ростовскіе и Владимірскіе, а съ ними вмѣстѣ и Новгородцы двинулись въ Ливонію. — Сердце Адово вспылало: но его уже обезсилила старость; вспылало и сердце Юрія, и онъ однажды всступилъ въ перемъ жены своей въ шлемѣ, покрытый кольчугою, препоясанный мечемъ: „не съпуй, Марія!“ сказалъ обнимая ее: „меня зовешь Опечесство; бышь можешь; пробилъ чаеъ его освобожденія!“

Бѣдный юноша ошибся: несчастія, постигшія Россію цѣлыя пятъ сотъ лѣтъ, препяствовали ей воздвигнуть народъ, съ которымъ была соединена узами приязни еще до врсменъ Рюрика.

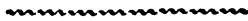
ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Спустя потомъ мѣсяцъ, было веселіе въ Новгородѣ, но печаль въ дому Адовомъ и въ дому Держикраевомъ. Ярославъ быспро

шагнулъ въ Ливоніи до Юріева; у стѣнъ его сразились Новгородцы съ Рыцарями и вспяшь побѣгли мужи желѣзные. Съ полпой удалецевъ сынъ Сура ворвался уже во врапа; уже водрузилъ знамя свободы на мосту рѣки Аможивы, нарицаемой Германскими пришельцами Ембахомъ: но вдругъ палъ, засыпанъ спрѣлами ихъ. Его дружина пробилась сквозь густыя полчища неприятелей; пѣло же вождя досталось въ добычу Нѣмецкимъ рапшикамъ. Пріоръ Дерпѣвскій по заключеніи мира поржеспвенно похоронилъ оное; много сѣповаль надъ великодушнымъ своимъ врагомъ и благодѣтелемъ, и въ произнесенной надъ нимъ рѣчи вѣщаль: „уповаю на Милосердіе Божіе, чпо чистая „душа сего випязя будетъ принята въ „Царствіе Небесное, хопя онъ и умеръ не „въ нѣдрахъ церкви Римско-Каполической!“

Извѣстіе о смерти Юрія поразило сердца его: убѣжденный съ нѣкопорого уже времени въ истинѣ вѣры Хрисповой, и онъ наконецъ всенародно принялъ ее и въ слѣдъ за пѣмъ подъ именемъ брата Адама поспригся въ иночество. Скорбная Марія оспалась по мужѣ бремененною: родивъ сына, она прешла опъ сей жизни многосуепной и плѣнной въ жизнь вѣчную, куда другъ ей предшеспвовалъ. Держикрай по завѣщанію опца и матерн велѣлъ окрестить младенца во имя Святаго Архангела Михаила, въ ка-

мяшь злополучнаго юноши, погибшаго за его родителей.

Увижу ли тебя еще разъ въ жизни, Чудское Озеро? Удастся ли мнѣ бродить по песчанному своему берегу? Въ воспоруженныхъ мечтаніяхъ голосъ духовъ, обитателей водъ — услышу ли надъ зеркаломъ Пейпуса?

Можетъ быть мнѣ привидится призракъ Михаила, погибшаго за любовь свою, или пѣнь пришельца опъ холмовъ Небарскихъ, пѣнь пѣвца - странника!

В. Кюхельбекеръ.

XIV.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОЕМЫ: ИС-
КУССТВО ЛЮБИТЬ.

Qui pourra jamais la décrire
 Cette ivresse de mes esprits?
 Mais qu'importent de vains écrits?
 Dans mon coeur ne sais tu pas lire?
 Quel Apollon peut garantir
 D'exprimer ce que l'amour inspire?
 On à tant d'âme pour sentir
 Et si peut d'esprit pour le dire!

BERNARD (ÉPIQUES).

Бернардъ! любимецъ Музъ! дерзну ли безъ искус-
 ства

И я тебѣ во слѣдъ пѣть нѣжно, пылко чувствво, —
 Межь смертныхъ — на землѣ, въ Олимпѣ — у
 Боговъ

Равно всесильное, священное — любовь?

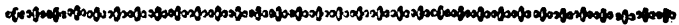
Нѣтъ! лиры не имѣвъ столь звучной, стройной,
 спраспной,

Я подражать тебѣ оставляю прудъ напрасной!

Ты славенъ спалъ въ вѣкахъ — я славы не ищу:

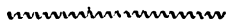
Не мѣрь собой плѣнять — одной быть миль хочу!

Пусть скажетъ, прочитавъ нескладну пѣснь Аллина:

XV.

Къ * * * при посвященіи ей перевода
Трагедіи: *Марія Стюартъ.*

Laissez moi peu de gloire et beaucoup de bonheur!

РАКНУ.

Когда мой переводъ, не славѣ обрѣченный,
Возьмешь въ досуга часъ къ себѣ на строгій судъ,
Быть можешь, кинувъ взоръ на сей листокъ
забвенный,
Съ улыбкой примешь ты мой первый, скромный
прудъ.

Вопъ все, чего хочу; я лавровъ не достоинъ!
Мнѣ взора твоего они не замѣнятъ!
И въ неизвѣстности остануся спокоенъ:
Я не отъ свѣта жду, но отъ тебя наградъ!
Пускай другой свой вѣкъ, кончая надъ стихами,
Идешь съ поклонами невѣждѣ ихъ дарить
И, оскверняя даръ, врученный небесами,
Отъ гордой значности улыбку испросишь:
Нѣшь, нѣшь! я не пойду къ надменному вельможѣ;
Я не люблю ласкать спѣсивыхъ богачей.
Наемникъ и Поепъ у многихъ значить поже:
Но цѣль Поезіи возвышеннѣй, свяшѣй!
Итакъ сей малый даръ — шебъ, о другъ пре-
лестный!

Что счастье въ міръ есть, мнѣ взоръ твой
 доказалъ:
 Пусть имя здѣсь твое осталось неизвѣстно,
 Но угадала ты, о комъ я умолчалъ!

Н. Павловъ.

XVI.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ПИСЬМА КЪ Е. А. Э.....У.

Плотище, Августа 6, 1821.

. . . Въ Площищѣ (*) мы останови-
 лись въ домъ сшараго, закипчнаго Юка-
 гира Коркина.

Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ! — Что
 было, онъ поставилъ на столъ: не много
 сушенанаго мяса и оленнаго жира. Всякій не
 Русскій удивился бы нерасчешливости на-
 шего хозяина, кошорый, имѣвъ случай
 опъ насъ попользоваться, кормилъ насъ

(*) Урочище на лѣвомъ берегу Малаго Анюя.

даромъ и при помѣ еще лучшимъ кускомъ; но еша нерасчепливостъ называется онгь Камчапки до Пепербурга и онгь Грузіи до Новой Земли — гостепрімствомъ.

Спарикъ *Коркинъ* происходилъ онгь *Омоковъ*; полько въ семьѣ его сохранился языкъ ихъ; онъ много умѣлъ рассказываипь о спаринѣ, о своихъ предкахъ, о бывшихъ войнахъ. Еще при Якупскомъ Воеводѣ *Павлутскоиъ*, восвавшемъ съ Чукчами въ 17.. году, Омоки были довольно многочисленны; а въ спарину, говориингь предаііе, больше было огней Омонскихъ на берегахъ Колымы, чѣмъ въ ясную ночь звѣздъ на небѣ.

Спарикъ *Коркинъ* между прочимъ пѣлъ намъ о походахъ *Павлутскаго* на природномъ своемъ языкѣ, и если бы не суестьи оленяго промысла, я бы его заспавилъ перевести все: вопъ оригинальная поема!

Она начинается повелѣніемъ дщери солнца (Тырекиримъ) п. е. Императрицы Елисаветы идши Павлутскому прошивъ Чукчей. — Далѣе: прощаніе его съ женою и дѣшми. — Пріѣздъ въ Нижнеколымскъ. — Наборъ команды. Попомъ его походы, сраженія — смерть.

Поема сія была сочинена не однимъ человекомъ; и не вдругъ. Всякое извѣстіе давало поводъ къ новымъ пѣснямъ. Песны у Омоковъ, какъ понинѣ у многихъ кочующихъ народовъ, были женщины.

Вошь вамъ обрацикъ (замышлите: и Омоки упопреляли рифмы).

„Смопри, какъ черный медвѣдь памъ по бору идетъ; смопри, какъ всѣ лѣсины предъ нимъ гнуся, валяся; земля дрожишь; волки и росомахи падаюпъ меривы опъ дыханія его: епо *Павлутскій!* епо *Русакъ!* — Смопри, какъ за нимъ его славная дружина, его ясные соколы лешаюпъ и увиваюпся!

„Но памъ, что подъ камнемъ чернѣеть, памъ въ ущелинѣ пой крупной скалы? — То берлога медвѣдя Чуконскаго, славнаго Шамана и Випязя, сильнаго Кочина юрпа! — Все Чуконское разбиное воинство въ немъ полько видишь спасеніе.

„Ой! ты славный Русской герой! не въ юрпѣ ты меня здѣсь убьешь; не баба я; выдѣ шопъ часъ въ бой! дай надѣну я свой куякъ (панцырь), вооружусь птяжелымъ копьемъ, повяжусь большимъ ножемъ. Успѣхъ рѣшишь: кто сильнѣй, мои ли духи, швой ли Богъ?“

„И нечистый спускается на свое доспояніе, на Кочина. Кровь и огонь брызжутъ изъ глазъ его и рука его уже поднимается, адомъ подкрѣпленная!

„Павлутскій видишь дерзоспъ адову прошивъ Всесильнаго Бога, прошиву воинства Христіанскаго. Вдругъ наморщилось чело его, глаза засверкали такъ, что солнце потеряло свѣтъ; — онъ бросается на Ко-

Зараночка будетъ вечерняя наступать:

Свивай пы тепло гнѣздышко на сѣромъ камешку,
на сѣромъ сѣровику!

Во гнѣздушкѣ соловушка разжолпенькой воспѣ-
вай:

И златоперенькой на зараночку возгляни:

Тяжело больно вздохни, размилушку слезою по-
мяни!

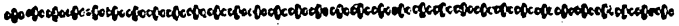
* * *

Вечерняя заря была забавушка моя:

Ранняя утренняя заря разлукушка моя!

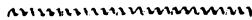
Ө. М.

XVII.

ЛИСТКИ, ВЫРВАННЫЕ ИЗЪ ПАРНАССКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ.

(Можетъ быть не вѣсьма извѣстно, что на Парнасѣ издается великое множество Журналовъ и Вѣдомостей. — Сии журналы получаюся, какъ говорятъ, вѣсьма немногими:—да и не мудрено!—при подпискѣ должно платить не деньгами, но основательными познаніями или хорошими списками. Надобно замѣтить, что ели Журналы на Парнасѣ высоко цѣнятся — не какъ у насъ! — и большая часть подписчиковъ не имѣють даже права получать полныхъ нумеровъ, но по нѣскольку только листочковъ. Въ древности, говорятъ, лишь Гомеръ съ Плапономъ получали полные Нумера всѣхъ Журналовъ. — Въ новѣйшія времена конечно ихъ многіе получають, но какъ видно содержатъ епо въ шайнѣ, ибо до сихъ поръ еще никто не объявлялъ о томъ.—Изъ моихъ приятелей одинъ только получилъ — за пять лѣтъ—нѣсколько оподранныхъ лоскуточковъ изъ Полипической газеты, называемой Парнасскими

Вѣдомостями; онъ сообщилъ ихъ мнѣ, а я — почтеннѣйшей публикѣ.)

ПАРНАССЪ.

Выписка изъ партикулярнаго письма.

.
Здѣсь всѣ шеперь въ великомъ безпокойствѣ: Аполлонъ не знаетъ, что дѣлать съ *Геніями*. — Повсюду они разводятся въ необыкновенномъ количествѣ: одни выдумываютъ системы и заводятъ расколы; другіе подобно кукушкамъ, забравшись въ чужія, старыя гнѣзда, не думаютъ идти въ даль и съ благородною рѣшительностію ограничиваютъ весь кругъ человѣческихъ познаній — нѣкопорымъ извѣстнымъ числомъ страницекъ. Само собою разумѣется, что послѣдніе гораздо ничтожнѣе первыхъ — но объ спорыны вмѣстѣ, не смотря на то что другъ друга терпѣть не могутъ, во многомъ согласны между собою и равно грозятъ наукамъ и искусствамъ — совершеннымъ уничтоженіемъ.

Всѣ усилія Тифонова побѣдителя для усмиренія сихъ буйныхъ *радикаловъ* и упрямыхъ *ультрововъ* — доселѣ были тщетны.

Недавно еще открыто усановленіе новаго скопища Систематиковъ, и перехвачено письмо слѣпаго приверженца къ спа-

рымъ мнѣніямъ. Здѣсь сообщаются любопытнѣйшія мѣста изъ того и другаго :

„*Изъ Устава Геніальнаго скопища.*

а). *О Геніѣ и его должности.*—Геній есть человекъ, одаренный чѣмъ-то необыкновеннымъ, неизъяснимымъ, новымъ; для того, чтобы быть *Геніемъ*, не требуется ни обширныхъ познаній, ни ума высокаго; по-требно только, чтобы онъ всѣмъ опъ другихъ былъ опличенъ.

Внезапно пораженный вдохновеніемъ, Геній выдумываетъ *Систему*, или другими словами какое-либо мнѣніе, какаго до тѣхъ поръ не слыхано было. Для распространенія онаго мнѣнія, Геній имѣетъ много сподручниковъ, изъ коихъ первый — *Подъ-Геній*.

б). *О Подъ-Геніѣ и его должности.*—*Подъ-Генію* не позволяется выдумывать своего собственнаго мнѣнія или Системы; онъ долженъ только стараться о распространеніи и приложеніи повсюду мыслей Генія: только по окончаніи двухъ-годоваго безсмертія сего послѣдняго, — *Подъ-Геній* можетъ произнести какое либо свое собственное сужденіе. — Сверхъ того Геній, чрезъ своего *Подъ-Генія* общается съ

с). *Геніальными писателями*, коихъ должность : чинять сочиненія одного Ге-

нія, объ нихъ только и разсуждають; ихъ только и хвалять; спавишь изъ нихъ однихъ эпиграфы на своихъ собственныхныхъ сочиненіяхъ; пишутъ посланія другъ къ другу, въ коихъ выхваляють *однаго* *Генія*; стараются — поддѣлаются къ его слогу, рабски подражаютъ ему; сверхъ того не забываютъ величать его *преобразователемъ языка отечественнаго*, и при малѣйшемъ чьемъ-либо покушеніи на славу его — грозно омакають свои перья въ чернила! *Геній*-же въ благодарность за сіе, поспавишь себя за непремѣнную обязанность, при всякомъ случаѣ, называетъ своихъ *переписчиковъ* — *людьми съ дарованіями*.

d). *Геніальные разсылщики* составляютъ послѣдній и многлюднѣйшій классъ *Геніального скопища*. Они большею частію состояють изъ *любителей*, кспорые ничего не пишутъ, ничего не читають, но какъ скоро *Геній* почувствуешь себя беременнымъ — новымъ какимъ-либо пвореніемъ, то не медля распускають слухъ опомъ поцѣлому городу; или развозятъ на скоро списанныя опрывки изъ пвореній *Генія* и его *переписчиковъ* и съ поржеспвениымъ видомъ, за пайну показываютъ каждому встрѣчному и поперечному. — Замѣтишь должно, что, когда при *разсылщикахъ* будутъ хвалять кого-либо, только не ихъ *Генія*, то они должны, сохраняя глубокое молчаніе, хоромъ пожимають плечами, но шакають и значительно кивають

головою,—когда дѣло дойдетъ до самаго Ге-
 нія, и проч.“

(Здѣсь не достаетъ нѣсколько листковъ).

Въ письмѣ Ульпра-Словесника, написан-
 номъ въ совершенно пропивномъ духѣ, послѣ
 многихъ ципацій изъ Батше, замѣчательно
 только окончаніе: „Вѣрь моей опытности
 пишемъ онъ, что все возможное на свѣпѣ—
 уже сказано; и что новаго придумаешь
 также не лзя, какъ и подвеси все подъ
 правила, я могу служишь въ помъ живымъ
 доказательствомъ; все что ново, по без-
 образно, и далѣе учителя моего учителя —
 никто не поидетъ!“

По поводу сихъ открытій, были на
 Парнасѣ долгія совѣщанія, во время коихъ
 Полимнія чипала нощу, весьма достойную
 примѣчанія; вопшь она:

(Также не достаетъ нѣсколько листковъ).

„Такъ!“ наконецъ она воскликнула, по-
 мавая свипкомъ своимъ, на коемъ бли-
 стала прекрасная надпись (*): „такъ!— и
 сіи заблужденія, сіе общее спремленіе къ
 открытію новаго, необыкновеннаго, уже
 показываютъ направденіе духа человѣче-
 скаго. Уже наспаетъ по время, въ копо-
 рое мнѣнія поверхносшныя, мгновенныя —
 предадутся забвенію, посрамятся малодуш-

(*) Suadere. Ovid.

ые, опуманенные обвѣщаньями предразсудками — и новое ясное солнце, восходя отъ спраны древнихъ Тевтоновъ, уже начинаетъ лучами выпрениаго умозрѣнія — освѣщать безконечную, окружность познаний! — — —

— Д В С К —

•••••

XVIII.

МНОГОМЪРЬ

(изъ *Жанъ-Поля Рихтера*).

•••••

1.

Неколебимо, вспааетъ надъ сердипой лучиною дуга пищины и мира. — Такъ возвышенъ, споитъ Богъ надъ вселенной и попоки время кипятъ и ниспадающъ: и надъ землями и солнцами дуга пищины Его и мира.

2.

Въ послѣдней синевѣ неба за солнцами покояшя солнцы; и прошли пыщелѣпнѣя и лучъ ихъ лешипъ и не досшигъ еще до былинки, до нашей земли!

О Солнце всѣхъ солнць и духовъ, о Благоспный, Близкй! едва душа челоука опкроешъ зѣнцъ и пы спощъ передъ нею.

3.

Прелестная весна! и въ мое мрачное, устарѣлое сердце ты проникаешь, не подобно дыханію сладкозвучнаго утренняяго неба, молча, какъ грезы, какъ обаяніе лунной полуночи. — Одинокъ, безъ предвѣспницы зари, тихій мѣсяць стоишь надъ горами и спелешь повсюду мерцанье; но земля объята безмолвіемъ и въ блескъ ночномъ ходяшь нѣмая мечты; и взоръ глядишь на покой, на молчанье и восходишь къ живительнымъ звѣздамъ; глаза темнѣютъ сладостными слезами, а далѣ и сладостнымъ сномъ. Прелестная весна! распротанъ, съ тихой тоской, гляжу на твои я цвѣты: тишина въ моемъ сердцѣ; близко къ моему сонъ!

4.

Даръ Генія! ты подобешь росѣ: роса съ небесъ нисходишь отъ вечерняго, отъ алаго облака; — невидима и тишина черезъ цѣлую звѣздную ночь, она свѣжитъ и кипаетъ въ чашку; но занялось утро и священное солнце снимаетъ съ чашки росу.

Даръ Генія! ты подобенъ росѣ: сокрытый въ безмолвной груди, чишь и прохладенъ, ты живишь; ты окрыляешь; но едва твои лучи опрались въ свѣтъ, ты улетаешь и остаешься усталое сердце!

5.

Блѣдная роза! — Солнце дало тебѣ краску; палящее солнце у тебя ее опни-
маешь: — тебѣ мы подобны. Если пошь Богъ, опъ кошораго рдѣтся ланипы смерп-
наго, спушитя къ нему ближе и съ боль-
шимъ пламенемъ; смерпный блѣденъ и оп-
лепѣла душа его — или они въ упоеніи!

6.

Свѣтъ исполненъ былъ болѣзни и
спраха, люди изъпылающихъ селеній бѣжали
въ опустошенныя; по цвѣтущей землѣ про-
спиралось всюду горе и восходили въ го-
лубое небо облака смерти, дымъ и спена-
нія; человекъ бѣшенный поборалъ человека
и кровь текла изъ ранъ его! Но посреди
сего ада покоилось царство мира: жаворо-
нокъ поднимался въ лазурь свою, соловей
и другіе пѣвцы весеніе перекликались за
цвѣтущими кустами и рощами или грѣли
неоперенныхъ птенцовъ своихъ!

О дѣли Поезіи! и вы поете: живите жъ,
какъ пернашые, въ веселыхъ проспран-
спвахъ высокаго; не въ блѣдномъ, мизменномъ
мірѣ!

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Изъ Водвиля: кто братъ? кто сестра?

1

Музыка А. Н. Вершоваго.

Andantino

Canto

Piano
Forte

Когда въ васъ

серд - це при - на - етъ пра - ва священ - ны - я нес - чась - я когда встре

да - цу васъ вле - четъ по - рывъ нѣж - нѣй - ша - го у - - чась - я ужель мо -

Музыкальный фрагмент, состоящий из вокальной партии (верхняя линия) и фортепианного сопровождения (нижняя линия). Вокальная партия начинается с ноты G4, за которой следуют восьмые и шестнадцатые ноты. Фортепианное сопровождение включает аккорды и движение басовой линии.

Гли вы не вни - машь ду - ши по - су - ю - щей взы - вань -

Музыкальный фрагмент, состоящий из вокальной партии и фортепианного сопровождения. Вокальная партия продолжает мелодию с нотами G4, A4, B4, C5. Фортепианное сопровождение поддерживает ритм и гармонию.

ю ду - ши по - су - ю - щей взы - вань - ю у - жель мог - ли не сос - пра -

Музыкальный фрагмент, состоящий из вокальной партии и фортепианного сопровождения. Вокальная партия начинается с ноты G4, за которой следуют восьмые и шестнадцатые ноты. Фортепианное сопровождение включает аккорды и движение басовой линии. Над началом вокальной партии написано *ritard.*

ritard.
дашь оубъ васъ рожд - ен - но - му страдань - ю у жель мог - ли не сост - ра -

дашь ошваеб рож - ден - но - му спраданы - ю

Ахъ нѣтъ! несчастливѣй не пошъ,
 Кто бѣдность получилъ въ заведенно:
 Недужнымъ помощь подаютъ
 Искусства быстрое посредство.
 Но намъ дано мученье знать,
 Гдѣ слѣдъ одинъ есть въ упованью,
 Гдѣ пошъ лишь можешь соспратанъ,
 Кто самъ виною былъ спраданыю.

Из Водвиля: кто братъ? кто сестра?

Музыка А.Н.Веретовскаго.

Andantino

Canto

Piano
Forte

Corn. e Fag. V.

Любил бы можешь быть и

я за_боты нѣжности и лас - ки но чтобъ у_зв_рить могъ меня что

е_ти нѣжности не сказ_ки. Жена сердита въ пещю лезъ Нѣж -

5

на за-му-чашь по-до-зрѣнь-я Ро-дятся дѣти съ ними здѣсь Ро-

дятся но-вы-я сомнѣнь-я Ро-дятся но-вы-я сомнѣнь-я.

Прими совѣтъ, мой молодежь!
 Любовь — лукавая наука:
 Въ любви бываетъ часто ложь,
 За истину жь вино порука.
 Влюбись въ красотку — не равно
 Твой вкусъ — приманка заблужденья.
 Когда жь на вкусъ придетъ вино,
 Его ты выпьешь безъ сомнѣнья.